

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2023 Том 20 № 4

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4
<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал
Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бахтикреева Улданай Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь
Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетный редактор

Стивен Джс. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Редакционная коллегия

Аминева Венера Рудалева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Валуцьева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Вахидова Марьям Адыевна — доктор филологических наук, почетный профессор Оксфордского университета, Чеченская Республика, Грозный, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, Соединенные Штаты Америки

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Республика Казахстан

Канагараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламаева Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Маслова Валентина Аврамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика

Муранская Наталья — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словацкая Республика

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки

Хиланова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хулаев Иран Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Хухунн Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib.

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редакция журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

---

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 23.12.2023. Выход в свет 30.12.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».

Усл. печ. л. 15,58. Тираж 500 экз. Заказ № 1611. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 20 No. 4 (2023)
DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4
<http://journals.rudn.ru/polylinguality>
Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Bakhtikireeva Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Valikova Olga Aleksandrovna, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA

EDITORIAL BOARD

- Prof. Venera R. Amineva*, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Prof. Suresh Canagarajah, Pennsylvania State University, Philadelphia, United States
Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan
Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States
Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation
Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States
Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation
Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation
Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus
Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States
Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia
Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland
Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstanian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation
Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz
Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.V. Uspenskaya*

Computer design: *I.A. Chernova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА / PHILOSOPHY AND CULTURE

- Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д.** Особенности работы ученых-инсайдеров в российских регионах / **Lamazhaа Ch.K., Suvandii N.D.** Features of the Work of Insider Scientists in Russian Regions..... 583

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ / LANGUAGE IN PROCESS

- Медведева Н.Е.** Лингвопрагматический аспект нормативно-правовых документов по проблемам миграционного регулирования в Европейском союзе / **Medvedeva N.E.** Linguopragmatics of EU Regulatory Documents on Migration Regulation Issues 601
- Ломакин Б.Е.** Лингвомедийное конструирование события «пандемия COVID-19» в новостном дискурсе Великобритании и Франции / **Lomakin B.Ye.** Linguomedial Reconstruction of an Event: COVID-19 Pandemic Coverage in British and French Quality Press 617
- Гринберг С.А.** Амбивалентность образа огня в белорусской национальной культуре / **Grinberg S.A.** Ambivalence of the Image of Fire in the Belarusian National Culture 627

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА / LANGUAGE IN SYSTEM

- Беляева А.П., Московкин Л.В., Цховребов А.С.** Морфологические особенности русской речи двух поколений билингвов и монолингвов / **Belyaeva A.P., Moskovkin L.V., Tskhovrebov A.S.** Morphological Features of Russian Speech of Two Generations of Bilinguals and Monolinguals..... 636
- Ившин Л.М.** О необычном названии трутня в удмуртском языке XVIII века / **Ivshin L.V.** About the unusual name “drone” in the Udmurt language of the 18th century..... 650

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА / THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

- Сайфулина Ф.С., Мингазова М.И.** Стратегии перевода татарской литературы на тюркские языки: история и современное состояние / **Sayfulina F.S., Mingazova L.I.** Strategies for Translating Tatar literature into Turkic languages: History and Current State..... 659
- Разумовская В.А.** Языки коренных народов Сибири: этнопереводческий аспект / **Razumovskaya V.A.** Languages of the Indigenous Peoples of Siberia: Ethnic Translation Aspect 673

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERATURE DIMENSION

- Овчеренко У.В., Токарева Н.А.** Теория транслингвальности: исследования Стивена Келлмана / **Ovcherenko U.V., Tokareva N.A.** Translingual Theory: Steven Kellman’s Studies..... 684

Яценко И.И., Яценко А.В. Культурное пограничье в постсоветских русскоязычных текстах казахстанских писателей / **Yatsenko I.I., Yatsenko A.V.** Cultural Boundaries in Post-Soviet Russian-Language Texts of Kazakhstan's Writers..... 694

АРСЕНАЛ / ARSENAL

Гранкина Л.А. Методические принципы обучения русскому языку детей-билингвов в начальной школе / **Grankina L.A.** Methodological Principles of Teaching Russian to Bilingual Children at Elementary School..... 708

Урханова Р.А. Преподавание русского языка в условиях образовательного мультилингвизма / **Urkhanova R.A.** Teaching Russian in a Multilingual Educational Context..... 718

Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Повышение уровня мотивации иностранных и билингвальных студентов-международников при изучении языка профессионального общения / **Afanasieva N.D., Zakharchenko S.S., Mogileva I.B.** 2023. Increasing the Level of Motivation of Foreign International Relations and Bilingual Students in Studying the Language of Professional Communication 729

РЕЦЕНЗИИ / BOOK REVIEWS

Кара-оол Л.С., Кормушин И.В. Рецензия на книгу: Ч.К. Ламажаа, Н.Д. Сувандии, Ш.Ю. Кужугет, Ш.Б. Майны. Тувинцы: Родные люди. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. 360 с. / **Kara-ool L.S., Kormushin I.V.** Book review: Ch.K. Lamajaa, N.D. Suvandii, Sh.Yu. Kuzhuget, Sh.B. Myny. Tuvans: Native people. St. Petersburg: Nestor-History, 2022. 360 p..... 741

ESSE EST / ESSE EST

Валикова О.А., Кулиева Ш.А. Визуальная поэзия Ирис Аполло / **Valikova O.A., Kulieva Sh.A.** Visual Poetry by Iris Apollo..... 747

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-583-600

EDN: ХКАВРТ

Научная статья

Особенности работы ученых-инсайдеров в российских регионах

Ламажаа Ч.К.¹ , Сувандии Н.Д.²

¹Независимый исследователь,
Российская Федерация

²Тувинский государственный университет,
Российская Федерация, 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36.

 lamazhaa@tuva.asia

Аннотация. Анализируется работа ученых-инсайдеров в условиях российской социокультурной действительности и организации российской науки. Основное внимание уделяется исследователям, занимающимся проблемами этнической культуры, представителями которой они являются. Рассмотрена работа коллектива тувиноведов, в том числе авторов статьи, работающих по одному исследовательскому проекту в 2021–2023 гг. Поскольку ученые-инсайдеры в регионах России работают в рамках организации российской науки, но проживают в регионах, они подчиняются и общесистемным профессиональным условиям, и социокультурным условиям. В связи с этим работа инсайдеров рассматривается в следующих аспектах: заказчики исследований, научное сообщество (российское и региональное), культура, социокультурное окружение и сами ученые в культуре. В своей культуре ученые могут быть одновременно и инсайдерами, и аутсайдерами по отношению к изучаемому вопросу, аспекту жизни земляков. Изложены результаты собственного опыта авторов по решению подобных проблем, предложен путь выхода, названный стратегией совместного круга, включающей постановки и обсуждения парадоксальных вопросов.

Ключевые слова: ученый-инсайдер, инсайдерская работа, региональная наука, российская наука, тувиноведение, внутренняя антропология

История статьи: поступила в редакцию: 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Финансирование: подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246)

© Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д. Особенности работы ученых-инсайдеров в российских регионах // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 583–600. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-583-600>

Research Article

Features of the Work of Insider Scientists in Russian Regions

Chimiza K. Lamazhaa¹ , Nadezhda D. Suvandii²

¹Independent Researcher
Russian Federation

²Tuva State University,
36 Lenin str., Kyzyl, 667000, Russian Federation
 lamazhaa@tuv.a.sia

Abstract. The purpose of the article is to analyze the general problems of the work of insider scientists in the conditions of Russian sociocultural reality and the organization of Russian science. The main attention is paid to researchers dealing with the problems of the ethnic culture of which they are representatives. As an example, we consider the work of a team of tuvinologists and the authors of this article, working on the same research project in 2021–2023. Scientific insiders living in the regions of Russia work in the system of Russian science; they are subject to the general professional and sociocultural conditions in the country. This article examines the work of insiders from different angles: customers of research, the scientific community (Russian and regional), culture, sociocultural environment and scientists in culture. This relationship contains a significant imbalance of power and interests. It is argued that the work of insiders is more difficult because scientists in their own culture can be both insiders and outsiders in relation to the issue under study, an aspect of the lives of fellow countrymen. The results of the authors' own experience in solving similar problems are presented, and a way out is proposed called the joint circle strategy, which includes constant formulation and discussion of paradoxical questions.

Key words: insider scientist, insider work, regional science, Russian science, tuvinology, internal anthropology

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation in the framework of the scientific project No 21-18-00246 “Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)”

For citation: Lamazhaa, Ch.K., and N.D. Suvandii. 2023. “Features of the Work of Insider Scientists in Russian Regions”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 583–600. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-583-600>

Введение

Занимаясь много лет исследованием тувинской этнической культуры, будучи сами представителями тувинского этноса, в проекте «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)», мы столкнулись с необходимостью осмыслить работу ученых-инсайдеров. Мы задались вопросом: можно ли говорить о том, что изучение культуры «изнутри» сулит только преимущества? Ведь, казалось бы, ученые находятся в своей культуре, владеют ее языком, связаны с культурой, социумом. Но полевая работа, которая была проведена нами в Туве в 2021–2023 гг., показала нам, что в работе инсайдеров много проблем. Мы уже упоминали об этом, приводя некоторые примеры и восстанавливая историю появления и развития внутреннего тувиноведения [1. С. 43]. В данной статье мы анализируем общие проблемы работы ученых-инсайдеров в условиях российской социокультурной действительности и организации российской науки.

Такие проблемы «внутренней», «родной» науки в мировой науке обсуждаются с 1970-х гг., а в последние 20–30 лет они снова возобновились в связи с увеличением числа ученых, изучающих собственную культуру и осмысливающих проблемы своего положения и особенности работы, вопросы субъективности и объективности получаемого знания [2–7]. Исследователи уже давно пришли к выводу о том, что различия между исследователями-аутсайдерами и инсайдерами не столь велики и принципиальны. Даже будучи инсайдером в целом в культуре, исследователь может быть аутсайдерами для тех социальных групп в ней, членом которой он не является [4. С. 9; 8. С. 15]. Например, если сам ученый — горожанин, то при изучении сельских жителей — представителей своего этноса — он уже является внешним исследователем. Можно сказать, что все антропологи — частично инсайдеры и частично аутсайдеры [8. С. 15]. На этом также основана дихотомия, когда достоинства родной антропологии могут оборачиваться недостатками. Можно быстро установить контакт с респондентами — членами изучаемой культуры на одном языке, но можно и не понимать, когда общаются между собой представители разных профессий, с разным образованием, с разным образом жизни; можно быть погруженным в культурный мир, но потерять объективность взгляда; можно быть принятым средой как свой человек, но можно и вызывать подозрения, как некий человек от власти; можно также подвергнуться опасности культурного национализма; есть вещи, которые ускользают от взгляда инсайдеров, и их правильнее рассматривать извне и пр. [4. С. 13].

В случае с тувиноведами-инсайдерами также очевидно, что они могут быть в одних случаях инсайдерами, а в других — аутсайдерами. Если тувиноведы — горожане и для изучения сельской жизни тувинцев они только иногда приезжают в село, то им сложно понять сельчан. В этом направлении, кстати, гораздо больше сделано зарубежным тувиноведением — антропологами,

которые в начале 2000-х гг. проводили в Туве научные экспедиции [9; 10]. Если тувиновед, проживающий в самой республике, плохо владеет или вовсе не владеет тувинским языком, он не может в подной мере понимать тувинскую культуру, его работы были более слабые в сравнении с работами тех ученых, которые свободно владеют языком.

Не абсолютные различия между внешними и внутренними исследователями также присутствуют и во внутреннем тувиноведении.

Поэтому исследователи предлагают обсуждать не противопоставление антропологов, сравнение недостатков тех и других, а другие аспекты, например, те, которые связаны с процессом взаимодействия инсайдеров с изучаемой культурой и результатами этого взаимодействия. Именно в этой плоскости можно увидеть те факторы, которые влияют на особенности проведения исследований и трактовку их результатов.

Обсуждение

Заказчики исследований

Прежде чем говорить об особенностях взаимодействия исследователя с культурой, важно понимать наличие и других сторон в этом процессе. Например, Т. Куваяма считает, что необходимо в целом учитывать соотношение сторон этнографической триады: 1) ученый; 2) его информатор, репрезентатор культуры 3) «читатель» результатов (академическая среда) [4. С. 9]. В этой триаде, особенно в третьей части, присутствует дисбаланс сил [4. С. 11]. Учитывая тот факт, что российская наука имеет асимметричную структуру и дисбаланс здесь весьма значительный, о чем мы уже сказали, мы бы рассматривали академическую среду также в делении.

Во-первых, надо учитывать «заказчика» научного исследования (научную организацию или грантодателя, фонд), поскольку российская наука в основном функционирует на бюджетные средства и «заказчик» не просто знакомится с полученными результатами, а определяет тематические приоритеты исследований. Во-вторых, следует учитывать интересы научного сообщества, которое знакомится с результатами, может их оценивать, рекомендовать к публикации (сюда же можно отнести и редакции научных журналов, которые также упоминает Куваяма). Сторону же репрезентатора культуры из триады Куваямы можно скорее рассматривать как в целом региональное сообщество, с его культурой, внутренней политикой, и пр. При этом каждая из сторон имеет свои интересы.

Дисбаланс интересов всех сторон определяет противоречивый характер и / или результат исследований этнической культуры в условиях России.

Научная политика в условиях России содержательно определяется столичной наукой. Та, в свою очередь, ориентирована на решение государственных задач. Национальная принадлежность представителей социальных

и гуманитарных наук коррелирует с общими геополитическими представлениями страны, на их работу серьезно влияют идеология и политика. Так, российские и зарубежные тувиноведы могут не только по-разному трактовать геополитическое положение региона, его историю (в которой есть ряд остро-дискуссионных эпизодов, в том числе в вопросе вхождения в состав СССР), но и иметь разные традиции именования республики, разное представление о культурогенезе тувинцев [11].

Политика изучения этнических культур в России также определяется влиянием русской культуры, которое начиная с 1990-х гг. только усилилось [12]. Научная политика также не оставалась в стороне от этого «символического возвышения русского народа до положения „старшего брата“...» [12. С. 218]. Региональная наука вынуждена подчиниться этому процессу — признанию того, что российские этнические культуры при их изучении важно / правильно / должно соотносить с русской культурой [13]. Получило распространение также сравнение разных лингвокультур народов России, а также стран СНГ с русской лингвокультурой [14–20].

В области культурологии до сих пор используются категории колониальной науки — «антрополог» и «туземцы». Один из составителей энциклопедии социокультурной антропологии Ю.М. Резник считает, что «одно из важных качеств антропологического подхода как методологии исследования человека и его культуры — это взгляд с позиции иного» [21. С. 7]. При этом он не говорит о том, что антрополог может быть и субъектом культуры, и ее наблюдателем.

То, что этнографическая наука вносила вклад в нациестроительство еще в советское время, прямо признается ведущими учеными [22. С. 5]. Позицию современной столичной российской этнологии выражает ведущий этнолог академик В.А. Тишков. Проекты исследователей из числа самих этносов, направленные на изучение культур с позиции инсайдеров как представителей индигенного знания, он называет «попыткой узурпации права на интерпретацию культуры аборигенными сообществами — якобы носителями неких архетипов, исключительными „собственниками“ индигенных культурных брендов, обладателями свидетельств-патентов на статус „живого культурного наследия“» [23. С. 89].

В.А. Тишков пишет, что основной стратегии развития гуманитарной науки страны является то, что «для России как страны с мировым геополитическим статусом характерен глобальный и универсальный интерес к явлениям общественного развития, эволюции человечества и отдельных обществ и государств, культурным феноменам и процессам» [24. С. 879]. Культура русского народа является, как он говорит, «фундаментом современной культуры всей России» [25].

Признание внутреннего культурного разнообразия России и актуальности его изучения присутствует в работах ведущих российских этнологов. Тем

не менее это в первую очередь связывается с анализом национальной безопасности страны.

Во многом, мы считаем, именно потому, что изучение этнокультурного разнообразия направлено не на само этнокультурное разнообразие, а на то, чем оно является для российского общества, например, российская культурология «не имеет понятийного аппарата для выражения уникальных картин мира уникальных культур» [26]¹.

Культуры этносов в регионах интересны только самой региональной науке. В условиях, когда иностранные гранты, поддержка в рамках зарубежных исследовательских программ для россиян в последние годы перестали быть доступными, поле заказчиков для региональных ученых с их интересами сузилось. Оно или состоит в столичных заказах по изучению работ российского значения, или в заказах местных региональных властей. Ближе для региональных ученых стали только свои власти. В итоге, они перестают осознавать себя частью российской науки, представителями большого научного сообщества.

Научное сообщество

Очевидно, что научное сообщество страны, асимметрично организованное, также по-разному воспринимает работу региональных ученых. Разница интересов видна также в разрезе такой организационной жизни науки, как конференции, число которых по всей России ежегодно составляет несколько тысяч по всем отраслям наук². Региональная наука в артикуляции своих целей и задач практически не выходит за пределы своего региона. В связи с этим можно говорить и о делении конференций на столичные и региональные — в зависимости от организаторов. При этом и те, и другие могут иметь статус международных, всероссийских и пр. Но масштабы и их реальная значимость всегда зависят от организаторов и их научных связей, научных интересов.

Чаще всего если ученый из региона выступает на «центральной» конференции с тематикой исследования региональной культуры, то интерес к нему

¹ Справедливости ради надо отметить, что в российской гуманитарной науке перспективы разных антропологий стали обсуждаться совсем недавно. Появляются и отдельные мнения: «...другие культуры описывать как „другие антропологии“» [27]. Также с 2021 г. под эгидой Института этнологии и антропологии РАН начал выходить журнал «Антропологии» (<https://journals.ica.ras.ru/anthropologies>). Но, скорее всего, он не будет востребован учеными российских регионов, поскольку он, согласно его концепции, рассматривает саму российскую науку как региональную науку в мире и направлен на установление диалога с зарубежными антропологиями.

² Архив крупнейшего российского агрегатора <https://konferencii.ru/> может показать по годам только приблизительную картину, поскольку не все организаторы загружают свои информационные письма на этот портал. Но в целом имеющийся архив конференций в России на данном сайте по годам показывает по 2–3 тысячи наименований конференций в последние десять лет.

организаторов и слушателей будет примерно таким, как интерес к экзотике. В этом случае для слушателей важны даже не столько сами результаты исследования, сколько географическая удаленность темы, которую привносит своим выступлением докладчик. Уровень требований на столичных конференциях к региональным докладам настолько низок, что у наших коллег из регионов появилась тенденция выступить на столичной конференции скорее в популяризаторском стиле, т. е. просто рассказать о какой-то традиции, о судьбе этнической культуры.

Региональная наука и сама ставит столичную выше себя. Считается важным пригласить столичного ученого на свою конференцию в регион и вынести его доклад в программу конференции в самую почетную часть — на пленарное заседание. Также желательно, чтобы научный коллектив для большого проекта возглавил ученый именно из московской организации.

В научных объединениях в форме редакционных коллегий журналов тоже заметно деление на «столичных» и «региональных» и соответствующее отношение к авторам разных категорий. Система рецензирования, даже если не говорить о недостатках организации и пр., в своей основе также демонстрирует дисбаланс сил. У ученых из регионов присутствует стойкое убеждение в том, что в московские журналы следует „пробиваться“, что без личных связей не обойтись. Хотя в последние годы организация научной периодики в стране, благодаря работе Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), стала заметно лучше, деление все же сохраняется. Это обусловлено тем, что самые крупные научные издатели в первую очередь сконцентрированы в Москве, в руках крупных научных и образовательных организаций.

В целом общий разрыв между столичной наукой и региональной якутский социолог У.А. Винокурова характеризует так: «Мы, коренные ученые, имеем собственный фокус восприятия всего того, что творится на исконных землях наших народов, а другие ученые используют эгоцентрические, может быть постколониальные, даже имперские размышления, и вести с ними открытый диалог крайне трудно» [28. С. 166].

Из всего сказанного становится очевидно, что ученых-инсайдеров, занимающих активную позицию, пытающихся работать в непростых условиях в региональном сообществе, начинают «раздирать» в разные стороны разнонаправленные интересы «заказчиков» и «коллег». Исследовать важно свою культуру, свое региональное сообщество. Но сразу возникают вопросы: «Как получить финансирование?», «Где публиковаться?», «Где выступать?», начинаются поиски «своих» в профессиональном сообществе («Кто возьмет?», «Куда примут?»). Заботы о финансировании и желание получить федеральный грант сразу вызывают опасения, что тема слишком мелкая, региональная и поэтому ее «зарубят». Выходить на московские рубежи — проблематично. Проще общаться со своими коллегами из регионов. И так далее.

Культура и ученые в культуре

Имея в виду в первую очередь подходы аутсайдеров, Т. Куваяма пишет, что «туземцы», или репрезентаторы культуры, фактически исключаются из диалогического круга этнографии и обретают легитимность только как объекты научной мысли [4. С. 10]. Более того, с ними редко консультируются при написании и публикации работы.

Критика подобного отношения к «туземцам» легла в основание развития *Indigenous methodology*, ряд представителей которых в своих заявлениях критикуют в целом аутсайдерский подход [1. С. 67–70]. Так, например, Л.Т. Смит, ученая из племени маори, писала, что сам термин *research* («исследование») неразрывно связан с европейским империализмом, колониализмом и, вероятно, даже является одним из самых «грязных» слов в лексиконе коренных народов [29. С. 1]. Критикуя ученых-аутсайдеров, она прямо пишет «наши», «мы», отождествляя себя с изучаемыми соплеменниками, выступая как представитель изучаемого кем-то извне народа.

Но инсайдеры также могут становиться чужими, чуждыми для своей же культуры. Применяя знания и методы, которыми его вооружили учителя из числа внешних для культуры исследователей, они далеко не всегда способны понять соплеменников, собственную культуру.

Если исследователи задумываются над противоречиями, то они могут осознать, что в ряде случаев их профессиональная идентичность может вступать в противоречие с культурной, этнической.

Одна исследовательница тувинского шаманизма так описывала нам свое внутреннее противоречие: с одной стороны, она должна была анализировать шаманские практики как ученый, рационально объясняя все, что она фиксирует. С другой стороны, она понимала, что объяснить все она не сможет. В практиках, в ритуалах возможны такие события, явления, которые невозможно понять рационально (и это признают сами ученые, которые, работая на стыке гуманитарных и естественных наук, стали изучать и обсуждать измененное состояние сознания шаманов с точки зрения определенного творческого потенциала [30]). Тувинцы же в силу традиции просто верят шаманам, подчиняются их указаниям, обращаются к ним за помощью. И ученые-тувинцы — не исключение. Поэтому для нашей коллеги в какой-то момент возникла дилемма: как тувинка, как человек тувинской культуры, она продолжала верить шаманам, верить в наличие духов из иных миров; но, как человек науки, она пыталась подходить ко всему наблюдаемому рационально, и в этой ситуации ей казалось, что ее идентичности встали в противоборство. В конце концов она разрешила проблему выбором в пользу своей этнокультурной идентичности: «Да, я — исследователь, но в первую очередь я — тувинка. И я не должна вредить своей культуре, своей вере».

Отчасти такие внутренние противоречия ученых напоминают дилемму между наукой и религиозной верой, которая долгое время мучила ученых, но сейчас уже не считается неразрешимой [31; 32].

Когда мы решили реконструировать тезаурус самых близких для тувинцев отношений, культуру родственных отношений, в первую очередь мы решили опросить своих родственников, тем самым фиксируя и описывая круг ближних людей. И на первый взгляд задача показалась очень простой. При этом для того, чтобы реализовать наше междисциплинарное исследование как можно эффективнее, члены коллектива, специалисты в разных научных дисциплинах выполняли одинаковые задачи, в том числе выполняли сбор информации «в поле». Нам не требовалось преодолевать большие расстояния, планировать долгие экспедиции, учить язык, искать жилье, налаживать контакты с респондентами, договариваться о получении информации и пр. То есть у нас сразу снимались те организационные проблемы, которые возникают перед аутсайдерами.

Но по мере работы, по мере углубления в историю собственного рода мы также убедились в наличии других сложностей. Ведь информация может быть искаженной, мы сами можем неверно ее зафиксировать, трактовать, даже просто не понять, а определенные сведения надо скрыть (например, семейные тайны). В этот момент мы переставали быть исследователями, мы становились членами рода. Когда мы посещали религиозные обряды, мы безоговорочно подчинялись требованиям шаманов, лам. Наши идентичности — профессиональная и этнокультурная — начинали переключаться, «мерцать».

Важнее всего было то, что в определенные моменты работы нас ограничивала не этика научного исследования, а этика самой культуры. Мы переставали быть исследователями, наблюдателями, мы становились теми людьми, которые молятся, испрашивают благословения и боятся навлечь на себя беду и проклятия. И внутренних противоречий это у нас не вызывало.

Поэтому очевидно, что для изучения собственной культуры ученому-инсайдеру следует не только уметь собирать информацию, но и научиться рефлексировать, прислушиваться к себе как к репрезентатору культуры, понимать интересы культуры, исходя из собственных представлений о том, что важно для культуры.

Наш путь выхода из профессиональной «цитадели» в собственную культуру содержал несколько этапов, которые мы вывели, собрав наши впечатления и проанализировав их.

1. Пришло осознание того, что информацию собирать у своих родственников, близких людей, общаться с ними сложнее, чем кажется. Фиксировались ошибки подхода, искажения их поведения, собственные недочеты, связанные с владением тувинским языком.

2. Пришло понимание, что над некоторыми исследовательскими вопросами инсайдеры вообще никогда не задумывались, так как не могли начинать анализировать для научных работ на русском языке лингвокультурные концепты, отдельные термины тувинского языка. Например, тувинцы для обозначения одного класса объектов или действий используют разные слова: *төрээн чурт* и *төрээн чер* ‘родная земля’, а также *дыгыыр* и *ыдыктаар* ‘освящать’.

3. Мы поняли, что встречаемся с семейными тайнами. Они нам доступны, нам все рассказывают, однако информанты просят нас не публиковать это, и мы сами понимаем, что это темы, которые нельзя обнародовать. Однако знание тайн помогает нам лучше понимать историю людей, семей, рода.

4. Появилось понимание, что наша работа важна для нас самих, для нашего окружения, для близких нам людей. И они тоже это признают, меняется их отношение к нам, к нашей работе, друг к другу; нам хотят помогать.

5. Стало очевидно, что мы наблюдаем культурный процесс в целом.

6. Меняется наше собственное отношение к своей работе: мы осознали, что были зажатые в рамках своих специальностей и условных ограничений, теперь у нас у самих появилось чувство субъектности в культуре, желание анализировать эту тему, пересмотреть имеющиеся труды тувиноведения с иной стороны.

Многие мысли, открытия и действия при выполнении междисциплинарного исследования были сопряжены фактически с ученическим освоением полевых методов новой научной парадигмы — антропологической; этому российских филологов, культурологов практически не учили и не учат. Речь также может идти о повышении квалификации исследователей, которые много лет были «законсервированы» в условиях низких требований и особенностей университетской работы, в которой науке отводится лишь место дополнительной. Однако среди наших наблюдений есть и такие, которые говорят об особенностях взаимоотношения инсайдеров со своей культурой.

Таким образом, мы также подошли к констатации того обстоятельства, что инсайдерское исследование гораздо сложнее и многограннее, чем обычно считается [2; 6; 3; 33].

Стратегия совместного круга

Безусловно, добросовестный антрополог, погружаясь в культуру, делает свою работу образом жизни, как говорят наши зарубежные коллеги, например, К. Хамфри [34. С. 337], М. Ларюэль [35. С. 123]. Н.Л. Жуковская признается, что после многих лет общения у нее сложилась взаимная симпатия с несколькими семьями в Бурятии и отношения продолжают десятилетиями [34. С. 341]. У К. Хамфри также тесное общение с местным населением переросло в личную дружбу, и, по ее мнению, эти отношения уже не являются продолжением полевых исследований [34. С. 342].

Для внешних исследователей важен вопрос: как из «чужого» стать «своим» в изучаемой группе? Эта тема обсуждается чаще всего в российской науке в публикациях ученых, которые обсуждают рефлексию представителей академического сообщества, отличая себя от «туземной этнографии» [36]. К. Хамфри не уверена, что «возможно стать вполне „своим человеком“, особенно если ты родом из другой страны или принадлежишь совершенно другой культуре. Ты изучаешь этих людей, ты приезжаешь и... потом уезжаешь. В конце концов, опыт жизни в поле отличается от образа жизни тех людей, которые живут там постоянно. Я не берусь говорить об опыте других антропологов, но сама я могу быть лишь отдаленным “наполовину своим”, стараясь в меру своих сил и положения быть полезной — монголам, русским или бурятам» [34. С. 343]. Эта цель («стать своим») далеко не всегда воспринимается в позитивном ключе. Исследователи порой говорят о том, что есть «риск стать своим» [37. С. 455], это приводит к тому, что ученый перестает заниматься наукой, уходя в практическую помощь изучаемому сообществу, становясь активистом, приверженцем определенных идей и пр.

Как говорит Е.И. Филиппова, в отношении позиции аутсайдера «важно ведь не перестать быть антропологом, не потерять способность удивляться, замечать мелочи. Становясь постепенно все более “своим”, сохранять некоторую внутреннюю отстраненность, объективность и не предвзятость взгляда. На этой грани балансировать нелегко» [35. С. 124].

М. Ларюэль также подчеркивает важность субъективной позиции: «Я, как исследователь, связана со своей личностью и включаю в свой анализ то, что чувствую, и то, от чего мои чувства могут зависеть. Например, мои чувства могут зависеть от того, к какому поколению я принадлежу, что люблю или не люблю, что хочу изучать или не хочу, потому что мне это не интересно, и т. д. Я не считаю, что можно преодолеть субъективизм: это невозможно и не нужно. Мне кажется, самое важное — это быть искренним самим с собой: если реальная объективность не существует, то лучше осознать, в чем состоит субъективизм исследователя. Объективность не может появиться, если исследователь отрицает свой субъективизм. Наука — это отношения между личностью исследователя и объектами его исследования, т. е. другими людьми. Исследователь должен уметь осознать свой субъективизм и его объяснить в своей работе, т. е. быть способным рассматривать и анализировать себя как объект, изучающий другой объект» [35. С. 130].

Все это, безусловно, также верно и для ученых-инсайдеров, которым не приходится «сталкиваться с иной культурой», но которые должны также сохранить диалог со своей культурой.

Исследовательская стратегия «внутренних» ученых будет скорее отвечать на вопрос: как из «своего» в изучаемой культуре не стать «чужим», оставаясь ученым?

Т. Куваяма пишет, что из понимания этнографической триады вытекает важность не столько диалога ученого-инсайдера со своими соотечественниками во время сбора материала, сколько диалога уже в ходе составления этнографических текстов и их распространения [4. С. 10]. Мы же считаем, что диалогичность должна быть на всех этапах. Также мы считаем очень важным качеством ученого, который исследует современную жизнь этнической культуры, стремление к самопознанию, самоанализу.

Для того, чтобы сохранить и поддерживать все это в своей работе — работе региональных российских ученых-инсайдеров, мы считаем весьма полезным придерживаться *стратегии совместного круга*. Помимо того, что мы владеем определенной суммой профессиональных знаний, мы продолжаем самообразование путем чтения научной литературы, мы представляем результаты нашей работы разным кругам профессионального сообщества. Чтобы соблюдать наш баланс понимания «свой — чужой» в своей культуре, мы можем работать сообща с нашими «мерцающими» идентичностями. Каждый из нас является одновременно инсайдером и аутсайдером в разных условиях, в разных ситуациях. Поэтому планирование и выполнение каждой исследовательской задачи мы можем осуществлять, обсуждая ее в нашем кругу — там, где пересекаются наши взгляды, там, где каждый предмет рассматривается с разных сторон.

И в таком перекрестном, круговом рассмотрении мы считаем весьма полезным применять *тактику парадоксальных вопросов*, которые высвечивают «белые пятна» исследовательского поля. Их задают те из нас, кто в определенный момент понимают себя как аутсайдеров и видят то, что инсайдеры не замечают, поскольку они теряют перспективу исследовательского взгляда.

Приведем несколько примеров.

1. Когда мы приступили к изучению концепта *өг* ‘юрта’ в современной тувинской культуре, основная часть коллектива предполагала, что нам предстоит путь к животноводам, проживающим в юртах. Но один из нас спросил: «Нет ли юрты у каждого из нас?» И предложил всем оглядеться по сторонам в местностях, где тувинцы живут оседло, — в городах, селах. И попробовать найти не только настоящие строения юрты, но и ее фрагменты, изображения, образы везде, где только возможно: в архитектуре, во внутреннем дизайне, в сувенирах, на картинах и картинках, в брендах... И сфотографировать увиденное. Как оказалось, образов юрты очень и очень много как в столице республики, так и сельской местности. Члены коллектива, осмотревшись по сторонам, весьма удивились, увидев образы юрты вокруг себя, даже дома. В тот сезон — летом 2022 г. — «охота» за юртой превратилась в увлекательный квест, в который включились даже члены семей коллектива. Все осматривались и поражались: «Как мы раньше этого не замечали?! Ведь юрта вокруг нас везде!» Наши поиски вылились в отдельно изданную богато иллюстрированную книгу [38].

2. Как мы выяснили, владение тувинским языком как родным, а также профессиональная работа филолога далеко не всегда является преимуществом для понимания состава тувинской лингвокультуры. Владеющие тувинским языком хуже, как оказалось, просто видят некоторые вещи, лежащие на поверхности. Например, когда тувинцы говорят о родной земле, то используют словосочетания *төрээн чер* и *төрээн чурт*, которые переводятся как ‘родная земля’, ‘Родина’ или ‘родные места’. И даже тувинские филологи не делают между ними особых различий [39].

Парадоксальный вопрос аутсайдера в этой ситуации («Почему есть два разных выражения?») сначала привел филологов в замешательство, так как они даже не осознавали, что сами употребляют эти словосочетания как взаимозаменяемые. Совместные поиски в этимологических работах позволили выяснить, что лексемы имеют определенные различия. Первые значения древнетюркского *jer*, к которому восходит тувинское *чер* — ‘земля’ [39. С. 257], а *jurt* означает ‘дом’, ‘владение’ и пр. Поэтому первое относится к категориям пространственного восприятия, а второе, скорее, социального в сочетании с пространственным (социально-пространственное), в основе которого лежит понимание общественного устройства. Соответственно, мы приходим к выводу о наличии в тувинской лингвокультуре двух исторических пластов понимания Родины, которые связаны с древнетюркскими представлениями о государственности, а также с внесударственным пониманием своего пространства уже у разрозненно проживающих племен.

3. Еще один пример связан с парадоксом, когда при развитии на протяжении нескольких десятков лет этнопедагогических исследований в тувинской культуре оказалось, что культ учительства, наставничества (культ *башкы*) оказался вне поле зрения даже внутреннего тувиноведения, несмотря на то, что большинство его представителей сами носили и носят это звание, имеют в своей профессиональной среде *башкы*. При этом в нашем коллективе молодые члены к старшим обращались именно *башкы*. Носители языка настолько привыкли для работы в русскоязычном поле науки переводить все на русский язык, что поменяли слово *башкы* на *учитель*, в итоге утратив одну из важнейших составляющих тувинской этнической культуры — культуру *башкы*.

Заключение

Таким образом, когда мы говорим о том, как организуется и реализуется внутреннее исследование этнической культуры, с учетом нашей субъектности и как исследователей, и как носителей культуры, мы должны принимать во внимание специфические условия работы ученых-инсайдеров. Важнейшими из них становятся условия российской науки, асимметричной, регионализованной, выполняющей требования государственной научной

политики. Этнические культуры региональных общностей остаются интересными в основном самим региональным научным центрам, региональным ученым.

Однако, несмотря на сложные общие условия, работа региональной науки не останавливается. Проблема заключается только в том, чтобы региональная наука сама нашла в себе внутренние источники развития. Необходимо осознать, что общая позиция инсайдера не может рассматриваться как некое преимущество. Наиболее богатое исследование, охватывающее сразу разные стороны исследуемого объекта, разные аспекты предмета, может быть выполнено, если мы будем соблюдать баланс между знаниями науки и знанием культуры.

Список литературы

1. Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д., Кужугет Ш.Ю., Майны Ш.Б. Тувинцы. Родные люди / отв. ред. Ч.К. Ламажаа, Н.Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История, 2022.
2. Narayan K. How Native is a Native Anthropologist? // *American Anthropologist*. 1993. Vol. 95. P. 671–686.
3. Paerregaard K. The resonance of fieldwork. Ethnographers, informants and the creation of anthropological knowledge // *Social Anthropology*. 2002. Vol. 10. Issue 3. P. 319–334. <https://doi.org/10.1017/S0964028202000216>
4. Kuwayama T. 'Natives' as dialogic partners. Some thoughts on native anthropology // *Anthropology today*. 2003. Vol. 19. No. 1. P. 8–13.
5. Kempny M. Rethinking Native Anthropology: Migration and Auto-Ethnography in the Post-Accession Europe // *International Review of Social Research*. 2012. Vol. 2. Issue 2. P. 39–52. <https://doi.org/10.1515/irsr-2012-0015>
6. Meyers R. Native Anthropology, to be a Native Scholar, or a Scholar that is Native: Reviving Ethnography in Indian Country // *Anthropology Now*. 2019. Vol. 11. Issue 1–2. P. 23–33. <https://doi.org/10.1080/19428200.2019.1648125>
7. Forster A. We Are All Insider-Outsiders: A Review of Debates Surrounding Native Anthropology // *Student Anthropologist*. 2020. Vol. 3. No 1. P. 13–26. <https://doi.org/10.1002/j.sda2.20120301.0002>
8. Tsuda T. Is native anthropology really possible? // *Anthropology today*. 2015. Vol. 31. No. 3. P. 14–17.
9. Монгуш М.В. Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) // *Новые исследования Тувы*. 2010. № 2. С. 203–237.
10. Ламажаа Ч.К. Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // *Новые исследования Тувы*. 2016. № 2. С. 32–51.
11. Lamazhaa Ch.K. Unknown Asian Russia: Nomadic, Turkic-speaking, Buddhist Tuva facing Modern Challenges // *Asian Studies, The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12), Jun 2022, Vol. 1. P. 296–308*. <https://doi.org/10.5117/9789048557820/ICAS.2022.037>
12. Ачкасов В.А. Зачем русским статус «государствообразующего народа» // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18. № 2. С. 215–224. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.207>
13. *Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири* / под ред. Н.Б. Кошкаревой, Е.В. Тюттешева. Новосибирск: Академиздат, 2021.
14. Манджиева Э.Б. Формульные выражения традиционного этикета в русской и калмыцкой лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

15. Колесникова С.М. Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 90–103. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>
16. Нелюбова Н.Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. <https://doi.org/https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
17. Зиновьева Е.И., Алешин А.С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 131–145. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
18. Сарангаева Ж.Н. Эмблематическое выражение концепта брак в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 67–70.
19. Абдуллаева Р.Х. Стереотипы красоты в русской и узбекской лингвокультурах (на материале пословиц русского и узбекского языков) // Неофилология. 2022. Т. 8. № 4. С. 849–860. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-849-860>
20. Бердимуратова К.С. Концепт «свадьба» как фрейм в русской и казахской лингвокультурах // актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 12–13 мая 2016 г. Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. С. 112–117.
21. Социокультурная антропология: история, теория и методология: энциклопедический словарь / под ред. Ю.М. Резника. М.: Академический проект; Культура; Киров: Константа, 2012.
22. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.]; отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022.
23. Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137. <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
24. Тишков В.А. Гуманитарные науки в России // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 10. 878–885. <https://doi.org/10.31857/S086958730002144-6>
25. Тишков В.А., Тютюрский А.В. Русские // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/russkie-5c4935> (дата обращения: 12.05.2023).
26. Актуальность полемики Ю.Н. Солонина и М.С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии Ч. 1 // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 145–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145>
27. Баранов Д.А. Локальное знание и «другие антропологии» // Этнографическое обозрение. 2021. № 5. 84–112. <https://doi.org/10.31857/S086954150017416-7>
28. Актуальность полемики Ю.Н. Солонина и М.С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии: Материалы круглого стола. Ч. 2 // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 160–187. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-160>
29. Smith L.T. *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*. London, Zed Books Ltd., 1999.
30. Харитонова В.И. «Я иду сквозь тебя»: к вопросу исследования ИСС у шаманов // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 180–197. <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/10>
31. Захаров-Гезехус И.А. Ученые верят в Бога. М.: Институт компьютерных исследований, 2015.
32. Кураев А.В., Кураев В.И. Религиозная вера и рациональность // Исторические типы рациональности / отв. ред. В.А. Лекторский. Т. 1. М.: ИФ РАН, 1995. С. 88–113.
33. Ganga D., Scott, S. Cultural “Insiders” and the Issue of Positionality in Qualitative Migration Research: Moving “Across” and Moving “Along” Researcher-Participant Divides // Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research. 2006. Vol. 7. No. 3. <https://doi.org/10.17169/fqs-7.3.134>

34. Комарова Г. Профессия антрополога необыкновенно расширяет кругозор // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 329–359.
35. Комарова Г.А. «Уважение к респондентам — важнейшая заповедь исследователя» (интервью с Е.И. Филипповой и М. Ларюэль) // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 120–131.
36. Соколовский С.В. Автоэтнография и антропологические исследования науки // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции / редакторы-составители: А.А. Пископпель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, 2010. С. 29–48.
37. Комарова Г. О самой лучшей «награде» антропологической работы // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 448–474.
38. Өөвүс. Возвращение тувинской юрты / под ред. Ч.К. Ламажаа, Н.Д. Сувандии. Кызыл, 2022.
39. Монгуш А.А., Бавуу-Сюрюн М.В. Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (40). С. 106–117. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>

References

1. Lamazhaa, Ch.K., N.D. Suvandii, Sh.Yu. Kuzhuget, and Sh.B. Mainy. 2022. Tuvinians. Native people. Edited by Ch.K. Lamazhaa, N.D. Suvandii. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya publ. Print. (In Russ.).
2. Narayan, K. 1993. “How Native is a Native Anthropologist?”. *American Anthropologist* 95: 671–686. Print.
3. Paerregaard, K. 2002. “The resonance of fieldwork. Ethnographers, informants and the creation of anthropological knowledge”. *Social Anthropology* 10 (3): 319–334. <https://doi.org/10.1017/S0964028202000216>
4. Kuwayama, T. 2003. “‘Natives’ as dialogic partners. Some thoughts on native anthropology”. *Anthropology today* 19 (1): 8–13. Print.
5. Kempny, M. 2012. “Rethinking Native Anthropology: Migration and Auto-Ethnography in the Post-Accession Europe”. *International Review of Social Research* 2 (2): 39–52. <https://doi.org/10.1515/irsr-2012-0015>
6. Meyers, R. 2019. “Native Anthropology, to be a Native Scholar, or a Scholar that is Native: Reviving Ethnography in Indian Country”. *Anthropology Now* 11 (1–2): 23–33. <https://doi.org/10.1080/19428200.2019.1648125>
7. Forster, A. 2020. “We Are All Insider-Outsiders: A Review of Debates Surrounding Native Anthropology”. *Student Anthropologist* 3 (1): 13–26. <https://doi.org/10.1002/j.sda2.20120301.0002>
8. Tsuda, T. 2015. “Is native anthropology really possible?”. *Anthropology today* 31 (3): 14–17. Print.
9. Mongush, M.V. 2010. “Foreign researchers of Tuva (a brief review)”. *The New Research of Tuva*, 2. 2: 203–237. Print. (In Russ.).
10. Lamazhaa, Ch.K. 2016. “Tuvan ethnicity and the society in ethnological and anthropological studies”. *The New Research of Tuva* 2: 32–51. Print. (In Russ.).
11. Lamazhaa, Ch.K. 2022 “Unknown Asian Russia: Nomadic, Turkic-speaking, Buddhist Tuva facing Modern Challenges”. *Asian Studies, The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)* 1: 296–308. <https://doi.org/10.5117/9789048557820/ICAS.2022.037>
12. Achkasov, V.A. 2022. “Why do Russians need the status of “state-forming people”. *Political expertise: POLITEKS* 18 (2): 215–224. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.207> (In Russ.).
13. Koshkareva, N.B. and E.V. Tyuntshcheva, eds. 2021. *Living space and spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia*. Novosibirsk: Akademizdat publ. Print. (In Russ.).

14. Mandzheva, E.B. 2009. "Formula Expressions of Traditional Etiquette in Russian and Kalmyk Linguocultures". Candidate Diss. on Philology. Volgograd. Print. (In Russ.).
15. Kolesnikova, S.M. 2022. "Gradual Semantics of Russian and Tuvan Proverbs". *The New Research of Tuva 1*: 90–103. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6> (In Russ.).
16. Nelyubova, N.Yu. 2022. "Axiological Dominants of Paremiyas as Typological Markers of Tuvan, Russian, French Ethnocultures". *The New Research of Tuva 1*: 146–163. <https://doi.org/https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10> (In Russ.).
17. Zinov'eva, E.I. and A.S. Aleshin. 2022. "Family in comparative studies of Tuvan, Swedish and Russian languages". *The New Research of Tuva 1*: 131–145. Print. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9> (In Russ.).
18. Sarangaeva, Zh.N. 2019. "Emblematic Representation of "Marriage" concept in Kalmyk, Russian and English Linguocultures". *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya 1 (22)*: 67–70. Print. (In Russ.).
19. Abdullaeva, R.Kh. 2022. "Stereotypes of Beauty in Russian and Uzbek Linguocultures". *Neofilologiya 8 (4)*: 849–860. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-849-860> (In Russ.).
20. Berdimuratova, K.S. 2016. "Concept of "Marriage" as a freim in Russian and Kazakh Linguocultures". In *Aktual'nye problemy russkoi i sopostavitel'noi filologii: teoriya i praktika Proceedings*. Ufa, May 12–13. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet publ. Pp. 112–117. Print. (In Russ.).
21. Reznik, Yu.M., eds. 2012. *Sociocultural anthropology: history, theory and methodology: encyclopedic dictionary*. Moscow: Akademicheskii proekt publ; Kul'tura publ; Kirov: Konstanta publ. Print. (In Russ.).
22. Martynova, M.Yu. and V.A. Tishkov. 2022. *Soviet ethnography in the history of state building and national politics*. Moscow: IEA RAN publ. Print. (In Russ.).
23. Tishkov, V.A. 2020. "Where Russian ethnology came from: a personal view in a global perspective". *Etnograficheskoe obozrenie 2*: 72–137. <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6> (In Russ.).
24. Tishkov, V.A. 2018. "Humanities in Russia". *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk 88 (10)*: 878–885. <https://doi.org/10.31857/S086958730002144-6> (In Russ.).
25. Tishkov, V.A. and A.V. Tutorskii. 2023. "Russians". In *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]*. <https://bigenc.ru/c/russkie-5c4935> (date of access: 12.05.2023). Web. (In Russ.).
26. Zabulionite, A.K.I., I.B. Ardashkin and V.N. Badmaev. 2022. "Aktual'nost' polemiki Yu.N. Solonina i M.S. Kagana. Fundamental'nye osnovaniya rossiiskoi kul'turologii (posvyashchaetsya pamyati prof. Yu.N. Solonina, k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)". *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie 4*: 145–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145> (In Russ.).
27. Baranov, D.A. 2021. "Lokal'noe znanie i 'drugie antropologii'". *Etnograficheskoe obozrenie 5*: 84–112. <https://doi.org/10.31857/S086954150017416-7> (In Russ.).
28. Zabulionite, A.K.I., I.B. Ardashkin and V.N. Badmaev. 2023 "The relevance of the controversy Yu.N. Solonin and M.S. Kagan. Fundamental foundations of Russian cultural studies (dedicated to the memory of Prof. Yu.N. Solonin, on the 80th anniversary of his birth) Proceedings. (November 20, 2021)". *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie 1*: 160–187. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-160>
29. Smith, L.T. 1999. *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*. London: Zed Books Ltd. Print.
30. Kharitonova, V.I. 2019. "I walk through you": on the issue of researching ISS in shamans". *Sibirskie istoricheskie issledovaniya 2*: 180–197. <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/10> (In Russ.).
31. Zakharov-Gezekhus, I.A. 2015. *Scientists believe in God*. Moscow: Institut komp'yuternykh issledovaniy publ. Print. (In Russ.).

32. Kuraev, A.V. and V.I. Kuraev. 1995. Religious Faith and Rationality. In Historical types of rationality. Edited by V.A. Lektorskii. V. 1. Moscow: IF RAN publ. Pp. 88–113. Print. (In Russ.).
33. Ganga, D., Scott, S. Cultural 2006. “‘Insiders’ and the Issue of Positionality in Qualitative Migration Research: Moving ‘Across’ and Moving ‘Along’ Researcher-Participant Divides” Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research 7 (3). <https://doi.org/10.17169/fqs-7.3.134>
34. Komarova, G. 2013. “The profession of an anthropologist unusually broadens one’s horizons”. *Antropologicheskii forum* 19: 329–359. Print. (In Russ.).
35. Komarova, G.A. 2007. “Respect for respondents is the most important commandment of a researcher”. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 120–131. Print. (In Russ.).
36. Sokolovskii, S.V. 2010. “Autoethnography and New methods of Science”. In *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii*. Edited by A.A. Piskoppel, V.R. Rokityanskii, L.P. Shchedrovitskii. Moscow: Rossiiskii nauchno-issledovatel’skii institut kul’turnogo i prirodnogo naslediya im. D.S. Likhacheva publ. Pp. 29–48. Print. (In Russ.).
37. Komarova, G. 2011. “On the “medal” of anthropology studies”. *Antropologicheskii forum* 15: 448–474. Print. (In Russ.).
38. Lamazhaa, Ch.K., and N.D. Suvandii, eds. 2022. *Өөвүс. Coming back the Tuvan yurt*. Kyzyl. Print. (In Russ.).
39. Mongush, A.A., and M.V. Bavuu-Syuryun. 2020. “Lexical representations of ‘Homeland’ concept in poetry by Tuvan authors”. *Yazyki i fol’klor korenykh narodov Sibiri* 2 (40): 106–117. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, независимый исследователь. E-mail: lamazhaa@tuva.asia
ORCID: 0000-0003-1813-3605
eLibrary SPIN-code: 5840–5430

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией этнологии и лингвокультурологии, Тувинский государственный университет. E-mail: suvandiin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3817-2436
eLibrary SPIN-code: 8738–8205

Bio Notes:

Chiniza K. Lamazhaa is a Doctor of Philosophy, Independent Researcher. E-mail: lamazhaa@tuva.asia
ORCID: 0000-0003-1813-3605; eLibrary SPIN-code 5840–5430

Nadezhda D. Suvandii is a Candidate of Philological Sciences, Head of the Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. E-mail: suvandiin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3817-2436
eLibrary SPIN-code 8738-8205

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-601-616

EDN: XIKNSI

Научная статья

Лингвопрагматический аспект нормативно-правовых документов по проблемам миграционного регулирования в Европейском союзе

Н.Е. Медведева

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119234, Москва, ул. Ленинские Горы (Ленинские Горы Тер), д.1
✉ nemedvedeva@list.ru

Аннотация. Набирающие силу миграционные процессы диктуют необходимость согласованности усилий разных государств, поэтому вопросы управления такими процессами приобретают особую актуальность. Миграционный кризис в Европе в 2015–2019 гг. стал серьезным испытанием жизнеспособности самого Евросоюза. В период его острой фазы Европейский союз был вынужден пересмотреть существующую миграционную политику как в отношении государств — членов ЕС, так и в отношении мигрантов, направляющихся в Европу. Проанализирован лексический состав нормативно-правовых документов Евросоюза для определения особенностей регулирования миграционных процессов в период кризиса. Дискурсивный, прагмалингвистический и контент-анализ показали, что миграционный институциональный дискурс является сильным идеологическим инструментом, который может использоваться для минимизации конфликтов в процессе интеграции мигрантов в принимающих странах и контроля враждебных настроений в обществе. Выявленные конкретные приемы представляются перспективными с точки зрения гармонизации миграционных процессов. Изучение опыта Евросоюза имеет важное практическое значение в связи с миграционными проблемами, возникшими в России и странах ближнего зарубежья, поскольку понимание подходов, способствующих регулированию процессов миграции, может помочь снизить уровень агрессии в принимающем обществе.

Ключевые слова: лингвостилистические средства, социально-политическая нестабильность, легальная миграция, экономические прогнозы, выборочная миграция

История статьи: поступила в редакцию 18.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

© Медведева Н.Е., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Медведева Н.Е. Лингвопрагматический аспект нормативно-правовых документов по проблемам миграционного регулирования в Европейском союзе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 601–616. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-601-616>

Research Article

Linguopragmatics of EU Regulatory Documents on Migration Regulation Issues

Natalya E. Medvedeva

MSU Lomonosov State University,
1 Lenynskiy gory, Moscow, 119234, Russian Federation
✉ nemedvedeva@list.ru

Abstract. The accelerating migration movements dictate the need to coordinate the efforts and policies of different states, this makes the issues of managing migration processes of particular relevance and importance. The migration crisis in Europe in 2015–2019 turned a serious challenge for the viability of the European Union itself. The acute phase of the most recent migration crisis forced the European Union to revise existing migration policies, with regard to both EU member states and to migrants heading to Europe. The present study focuses on an analysis of the vocabulary of EU official legal documents in order to identify the specificities of migration regulation during the acute phase of the migration crisis. The use of discursive, pragmalinguistic and content analyses shows that migration institutional discourse functions as a strong ideological tool that can be used not only to control hostile attitudes in society but also to minimize conflicts in the process of migrants' integration. The specific linguistic techniques identified in the process of the analysis seem promising in terms of harmonisation of migration processes. The experience of the European Union may be of practical importance for Russia and the countries of the near abroad which also have encountered the migration problems. Therefore the understanding of approaches that contribute to the regulation of migration processes can help reduce the level of aggression in the countries of migrants acceptance.

Key words: linguostylistic means, socio-political instability, legal migration, economic forecasts, selective migration

Article history: received 18.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Medvedeva, N.E. 2023. "Linguopragmatics of EU Regulatory Documents on Migration Regulation Issues". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 601–616. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-601-616>

Введение

Основной задачей миграционного дискурса как разновидности политического институционального дискурса [1] является управление общественным мнением для успешного регулирования процессов миграции

и контроля за враждебными настроениями в конкретном социуме. Другими словами, миграционный дискурс направлен на гармонизацию процессов миграции путем снижения их стихийности, неприятия и сопротивления граждан принимающих государств. Политическая деятельность властных структур по управлению миграционными процессами привлекает внимание исследователей различных научных областей, в том числе и лингвистов [2. С. 37–43; 3. С. 368–375]. Изучение миграционного дискурса представляет особую актуальность в силу того, что миграционные процессы вызывают глубокие политические изменения, чреватые социально-политической нестабильностью, обострением конфликтности в принимающих обществах, неблагоприятные последствия которых сложно регулировать только политическими инструментами [4. С. 599].

В своем исследовании мы исходим из того, что дискурс и события общественно-политической сферы тесно взаимосвязаны: социальный контекст форматирует дискурс [5. С. 17–34; 6]. Дискурс, в свою очередь, как вид социальной практики формирует мировоззрение в обществе [7] и «структурирует социальные структуры и социальные практики, вовлеченные в социальные события» [8. С. 22].

На важность языковой составляющей для гармонизации интеграционных процессов указывают и нормативно-правовые документы ЕС, в которых говорится следующее: “It is important to highlight the fact that the use of certain terminology has deep implications for the way in which public policies are justified, developed and implemented”¹. В анализируемых документах так же прописываются не только практические, но и поведенческие ответы на миграцию с целью “not only increase the possibilities of legal entry but also raise public awareness and support for refugees, and allow for a more welcoming environment as local communities are usually involved”².

Данный факт дает основания предположить, что лингво-стилистические средства официальных документов ЕС могут служить важным инструментом в концептуализации ценностных принципов и управления миграционным кризисом на пространстве ЕС, позволяющим воздействовать на общественное сознание и с целью снижения уровня агрессии в обществе.

¹ Massimo Merlino and Joanna Parkin REPORT: Irregular Migration in Europe: EU policies and the Fundamental Rights Gap Centre for European Policy Studies (CEPS) [https://migration.etuc.org/en/docs_en/1 %20Irregular%20Migration%20in%20Europe_%20EU%20policies%20and%20the%20Fundamental%20Rights%20Gap.pdf](https://migration.etuc.org/en/docs_en/1%20Irregular%20Migration%20in%20Europe_%20EU%20policies%20and%20the%20Fundamental%20Rights%20Gap.pdf) (accessed 26.02.2023)

² Communication from the commissions to the European Parliament and the Council towards a reform of the common European asylum system and enhancing legal avenues to Europe. European Commissions. Brussels, 6.4.2016 COM (2016) 197 final <https://studylib.net/doc/18292112/european-commission-brussels--6.4.2016-com> (accessed 26.02.2023)

Теоретические основания

Острая фаза миграционного кризиса, с которым государства — члены ЕС столкнулись в 2015 г., сделала вопросы регулирования миграционных проблем приоритетными в политической повестке Евросоюза. Так, согласно данным Евростата, с сентября по октябрь 2015 г. Европа приняла более 1,2 миллиона беженцев, ищущих убежище в странах ЕС: “In 2015, more than 1.2 million people applied for asylum for the first time in one or other of the EU member states. In September and October, the number of asylum applicants recorded one third of the 2015 total”³. В январе 2016 г. в ЕС через балканский маршрут прибыли еще 128 тыс. человек, ищущих убежище⁴. К 2018 году численность международных мигрантов выросла на 49 %, в два раза превысив показатель роста мирового населения⁵. Согласно данным Евростата, в 2018 г. страны ЕС выдали около 2–2,6 млн видов на жительство для мигрантов из третьих стран⁶. Председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер на саммите G20 отметил, что «если бы все они <беженцы> составляли население одной страны — это была бы двадцать четвертая по размерам страна в мире»⁷.

Несмотря на принимаемые программы адаптации мигрантов, регулярные обсуждения вопросов миграционного кризиса в рамках международных встреч, конференций, внеочередных саммитов, проводимых ЕС с привлечением третьих стран, внутри самого ЕС в период кризиса зазвучали опасения, что отсутствие результативности при регулировании миграционных процессов чревато активизацией праворадикальных движений и, как следствие, расколом Союза. Так, выход Соединенного Королевства из ЕС и принципиальная позиция стран Вышеградской группы, не желающих принимать беженцев, во многом подтверждают эти опасения⁸.

Не удивительно поэтому, что в общеевропейском политическом дискурсе особую важность приобрели вопросы, связанные с необходимостью выработки универсальной миграционной политики для эффективного управления миграционными потоками. Так, по мнению Жан-Клода Юнкера,

³ An official website of the European Union <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/-/3-04032016-AP> (accessed 16.02.2023)

⁴ Bulletin Quotidien Europe / Agence Europe. — Bruxelles, 2016 d. — 09.03. -N 11507. <https://agenceurope.eu/en/bulletin/detail/11507> (accessed 26.01.2023)

⁵ Мир в цифрах, Статистика миграции: откуда и куда переселяются люди, 2019. <https://theworldonly.org/mir-v-tsifrah/page/2/> (accessed 13.03.2023)

⁶ Acquisition of citizenship statistics. 2018. Eurostat Statistics Explained. March https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Acquisition_of_citizenship_statistics (accessed: 18.01.2023).

⁷ G20 summit in Antalya: Transcript of press conference / European Commission. — Brussels, 2015. — 15.11. http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-15-6091_en.htm (accessed: 18.12.2022).

⁸ Migration Politics and Policies in Central Europe, GLOBSEC. Ideas shaping the world, 2017. <https://www.globsec.org/what-we-do/projects/migration-politics-and-policies-central-europe> (accessed 13.03.2023)

«миграционный кризис — глобальная проблема, а проблемы такого рода требуют от нас общего ответа»⁹. С этой целью весной 2015 г. Еврокомиссия выработала доктринальный документ «Европейская повестка по миграции»¹⁰, в котором были прописаны основополагающие предложения по магистральным направлениям миграционной деятельности ЕС. В дальнейшем, придерживаясь намеченного курса, различные институты Евросоюза по мере необходимости принимали документы, отражающие и регулирующие протекание процессов миграции на пространстве ЕС.

Анализ лексического состава юридических и нормативно-правовых документов, принятых ЕС в период острой фазы миграционного кризиса 2015–2019 гг., показал, что, несмотря на официальный стиль текстов данного институционального дискурса, в них присутствует явная оценочная коннотация. Ниже приводятся как отдельные словосочетания, так и отрывки из документов, подтверждающие сказанное:

- people who make *hazardous journeys across* other routes in the hope of reaching Europe;
- the scope for human *tragedies*;
- *intolerable* human and social costs for migrants;
- *the increasingly pressing political context* и т.п.;
- The public outcry and *unprecedented levels* of political and media attention to the *dramatic experiences* and images of asylum-seekers arriving in the EU have put *huge pressures* on the European institutions and member state governments to show that they can meet the challenge¹¹;
- This constitutes one of *the Achilles heels* of the current European Agenda on Migration¹².
- The situation in the Mediterranean is *a deadly tragedy at sea* since February 2015¹³...
- *The largest ever humanitarian programme in EU history* was contracted in September 2015 have shed some shadows as regards the acquired obligations by EU Member States ...
- Providing people with food, water and shelter *puts an enormous strain on the resources* of some EU countries...

⁹ G20 summit in Antalya: Transcript of press conference / European Commission. — Brussels, 2015. — 15.11. http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-15-6091_en.htm (accessed: 18.12.2022).

¹⁰ European Migration Agenda, http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/communication_on_the_european_agenda_on_migration_en.pdf (accessed: 18.12.2022).

¹¹ Sergio Carrera, Steven Blockmans, Daniel Gros and Elspeth Guild, The EU's Response to the Refugee Crisis Taking Stock and Setting Policy Priorities No. 20 / 16 December 2015. https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2015/12/EU%20Response%20to%20the%202015%20Refugee%20Crisis_0.pdf (accessed 13.03.2023)

¹² Sergio Carrera, Steven Blockmans, Daniel Gros and Elspeth Guild, The EU's Response to the Refugee Crisis Taking Stock and Setting Policy Priorities No. 20 / 16 December 2015. https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2015/12/EU%20Response%20to%20the%202015%20Refugee%20Crisis_0.pdf (accessed 13.03.2023)

¹³ Special meeting of the European Council, 23 April 2015 — statement. <https://www.gdr-elsj.eu/wp-content/uploads/2015/06/Special-meeting-of-the-European-Council-23-April-2015-statement-Consilium.pdf> (accessed 13.03.2023)

Наличие таких лингвостилистических приемов позволяет предположить, что средства языка используются в качестве важного регулятора человеческого поведения как для преодоления разнонаправленных политических тенденций в обществе [9. С. 105–114], так и для изменения общественного восприятия мигрантов в общественном сознании граждан, проживающих на территории Евросоюза, где официально декларируется наднациональная «европейская» идентичность.

Обсуждение

В ходе исследования применялся прагматилистический анализ, который предполагает обращение к дискурсивному анализу, методу сплошной выборки и контент-анализу. На первом этапе анализа был использован метод сплошной выборки, позволивший выделить коннотативно окрашенные лексические единицы и словосочетания, которые впоследствии разбивались на тематические группы. На следующем этапе отбирались повторяющиеся смысловые элементы путем контент-анализа и анализа частотности их употребления. На основе полученных данных был сформирован список ключевых слов, с помощью которых, с одной стороны, концептуализируются ценностные принципы управления миграционным кризисом в странах — членах ЕС, с другой — формируется восприятие мигрантов в общественном сознании граждан принимающих стран. Большинство лексических единиц, обладающих оценочными коннотациями, распадаются на следующие тематические группы:

- 1) сплоченность и сохранение единства стран — членов ЕС;
- 2) образ легального мигранта;
- 3) образ нелегального мигранта;
- 4) обеспечение безопасности общеевропейского пространства;
- 5) образ Евросоюза;

Стоит отметить, что упомянутые тематические группы отражают основные принципы, прописанные в «Европейской повестке по миграции», которыми надлежит руководствоваться государствам — членам ЕС при осуществлении регулирования миграционных процессов. Для подтверждения приводится отрывок из документа: “...the European Agenda on Migration outlined the following four key ‘pillars’ or ‘levels of action’ for an EU migration policy: 1) reducing the incentives for irregular migration; 2) border management — saving lives and securing external borders; 3) Europe’s duty to protect — a strong common asylum policy; and 4) a new policy on legal migration. Each pillar advanced a set of specific policy actions”¹⁴.

Далее представлено подробное описание каждой из указанных групп.

¹⁴ Sergio Carrera, Steven Blockmans, Daniel Gros and Elspeth Guild, The EU’s Response to the Refugee Crisis Taking Stock and Setting Policy Priorities No. 20 / 16 December 2015 https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2015/12/EU%20Response%20to%20the%202015%20Refugee%20Crisis_0.pdf (accessed 13.03.2023)

Сплоченность и единство стран — членов ЕС

Общеввропейская система предоставления убежища характеризуется относительной самостоятельностью государств на пространстве ЕС. Она позволяет им принимать решения и устанавливать собственные правила и процедуры в области миграции в соответствии с национальной политикой своих государств. В результате в период острой фазы миграционного кризиса на пространстве ЕС возникли разнообразные и несовпадающие правила управления миграционными потоками. Подобная неоднородность в отсутствие единой интеграционной политики неизбежно оказалась «фактором разобщения и дестабилизации культурно гетерогенных социумов» [10. С. 9]. Так, согласно выводам *Legal Regulation and Management of Migration in the European Union*, “the influx of humanitarian immigrants in 2014–2016 showed that the apparent strength and stability of migration management policies within the 28 EU Member States are indeed illusory, and the available legal instruments and their underlying mechanisms fail by a long shot to meet the Member States’ needs”¹⁵. Данный факт подтверждает исследование Pew Research Center, проведенное в странах Евросоюза и показавшее, что 66 % опрошенных недовольны миграционной политикой ЕС. При этом доля недовольных в Греции составила 91 %, в Италии количество недовольных достигло 81 %, а в Швеции — 78 %¹⁶.

Неудивительно поэтому, что в документах Евросоюза 2015–2019 гг. слова «солидарность», «сплоченность», «общая ответственность» продемонстрировали наибольшую частотность в употреблении. Приводимые ниже примеры указывают на семантическую близость слов «ответственность» и «солидарность» как основы западноевропейских либеральных норм и ценностей:

1. We have therefore decided to strengthen our presence at sea, to fight the traffickers, to prevent illegal migration flows and *to reinforce internal solidarity and responsibility*¹⁷.
2. The management of migration in the EU *mixes responsibilities* of Member States with some European wide policies while the policy area is inherently affected by ideological divergences that make consensus difficult to reach¹⁸.
3. ... unlocking and managing the potential of migration will *require a much more coordinated policy response* from EU governments¹⁹.

¹⁵ *Legal Regulation and Management of Migration in the European Union* ((Part 1) <https://legal-dialogue.org/legal-regulation-management-migration-european> (accessed 13.03.2023)

¹⁶ Stokes, B., Wike, R. & Manevich, D. (2017). Post-Brexit, Europeans More Favorable Toward EU. Pew Research Center, June: 15. <https://www.pewresearch.org/global/2017/06/15/post-brexit-europeans-more-favorable-toward-eu/> (accessed 13.03.2023)

¹⁷ Special meeting of the European Council, 23 April 2015 — statement. <https://www.gdr-elsj.eu/wp-content/uploads/2015/06/Special-meeting-of-the-European-Council-23-April-2015-statement-Consilium.pdf> (accessed 13.03.2023)

¹⁸ Migration and the EU Challenges, opportunities, the role of EIB/ European Investment Bank. March 2016. https://www.eib.org/attachments/migration_and_the_eu_en.pdf (accessed 13.03.2023)

¹⁹ Migration and the EU Challenges, opportunities, the role of EIB/ European Investment Bank.

4. *Responsibility and solidarity must go hand in hand.* This means on the one hand that Member States *must comply fully* with the rules of the Union acquis, and on the other, that Member States *should support other* Member States facing high temporary pressure on their asylum systems.

5. All 28 Member States *should show more solidarity* by participating in resettlement activities and *shouldering a greater share of the responsibility.*

6. Some EU responses can be regarded as steps forward in exploring new ways of *sharing responsibilities* both between EU member states, and between them and the EU. Various measures have attempted to display *institutional, legal and financial solidarity* in the areas of asylum and external borders policies²⁰

Принцип солидарности является одним из главных принципов миграционной политики ЕС и выражается в уважении естественных прав человека, координации политических и общественных сил в решении миграционного вопроса. По мнению Жан-Клода Юнкера, для достижения солидарности необходима «коллективная ответственность» Европы.

Образ легального мигранта

Миграция представляется коренному населению как опасное явление, подрывающее существующие в обществе на данный момент социально-культурные, экономические и иные нормы [11]. Неудивительно поэтому, что оппозиция «свой — чужой» оказывается центральной в миграционном дискурсе Евросоюза. Противоречие здесь заключается в том, что данное противопоставление априори определяет подчиненное положение мигранта по отношению к гражданам принимающего общества, тогда как со времени образования ЕС его политика была направлена на формирование благоприятного климата для лиц, законно прибывающих на территорию Евросоюза и представляющих потенциальную пользу для принимающих государств. Приводимые ниже примеры призваны продемонстрировать стремление ЕС обосновать позитивную роль мигрантов для экономического развития стран Евросоюза:

7. *Europe is an ageing continent* with a declining working-age population, expected to shrink by 18 million in the next decade. In addition, changes in the skills required by the EU labour markets between 2012 and 2025 show an increasing need for highly skilled human capital (from 68 to 83 million, or +23 %) to stimulate *EU's productivity and thus its economic recovery.*

8. It is *in the EU's interest* to be open to visitors, *contributing to economic growth.*

9. ... labour market development in the EU reveals a remarkable paradox: *high unemployment rates* go hand in hand with *serious skills shortages and mismatches* in several regions, sectors, occupations and Member States²¹.

March 2016. https://www.eib.org/attachments/migration_and_the_eu_en.pdf (accessed 13.03.2023)

²⁰ Countries of transit: meeting new migration and asylum challenges Addendum to the report Committee on Migration, Refugees and Displaced Persons Rapporteur: Ms Tineke STRIK, Netherlands, Socialist Group Doc. 13867 Add. 28 September 2015 <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewPDF.asp?FileID=22058&lang=en> and <http://assembly.coe.int/nw/xml/News/News-View-en.asp?newsid=5799&lang=2> (accessed 13.02.2023)

²¹ Migration and the EU Challenges, opportunities, the role of EIB/ European Investment Bank.

10. the EU will also need to *attract talents and skills from abroad to remain a global competitive player*. This is essential not only to meet current and future skills needs and ensure a dynamic economy, but also to ensure the sustainability of our welfare systems in the longer term²².

11. *Costs of non-integration are high and might be paid by the weakest. Without an efficient integration of migrants, GDP per capita might actually decline* in the next few years and unemployment rate might rise.

12. A meta-study on the impact of immigration on European Labour Markets suggests that *migration is a vehicle for labour market adjustment*. In this context *immigrants bring useful skills* into their host country and *fill labour shortages*.

13. As highlighted by a joint OECD-EC paper (2014), *migration can play a positive role on the productivity drivers*, with a better utilisation of available skills, by *contributing to improving the skill-mix* and by increasing net accumulation of human capital²³.

Используя данные Евростата и результаты исследований аналитических центров, ЕС стремится убедить принимающие общества в необходимости приема трудовых мигрантов в связи с неблагоприятными экономическими и социальными прогнозами. Так, миграция характеризуется как «двигатель для производства и рынка труда» (“the productivity drivers”, “migration is a vehicle for labour market”), способствующий экономическому росту и обновлению (“contributing to economic growth”, “leads to economic gains, economic recovery”, “helps mitigate ageing challenge”).

Как известно, вербализация образов играет важную роль в формировании дискурсов. В случае с легальными мигрантами этот прием нацелен на утверждение образа образованного, обладающего высоким уровнем профессиональной подготовки человека, который может оказаться «спасательным кругом» для Европейского союза. Вместе с тем следует отметить, что, убеждая гражданское общество в важности трудовых мигрантов, ЕС подспудно продвигает идею выборочной миграции. Обратимся к примерам:

14. Europe must attract *new talent* and compete on the global stage.

15. The EU should ensure consistency, for example *between migration and employment, education, development and trade policies* and provide for the short-term movement of *highly-skilled professionals* supplying services.

16. Attracting and retaining international students, as well as promoting education among *legally-resident migrants* will help *secure supply of the skills needed for the EU labour market* in the future.

17. the EU has to improve migration rules for *highly-skilled migrants* through a reform of the EU Blue Card. Secondly, the EU should explore ways of attracting *innovative entrepreneurs* who can *boost economic growth* and help creating jobs.

March 2016. https://www.eib.org/attachments/migration_and_the_eu_en.pdf (accessed 13.03.2023)

²² Sachs, J.D. ‘Towards an International Migration Regime’, Allied Social Science Associations Conference, January 3–5, 2016, San Francisco, US Eurostat <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 13.02.2023)

²³ Sachs, J.D. ‘Towards an International Migration Regime’, Allied Social Science Associations Conference, January 3–5, 2016, San Francisco, US Eurostat <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 13.02.2023)

Приводимые примеры показывают, что традиция деления мигрантов на «плохих» и «хороших» не уходит из миграционного дискурса Евросоюза [12. С. 20–37]. Однако в документах 2015–2019 гг. обнаруживается другой критерий оценки: вместо беженцев, которые находятся «в бедственном положении» и требуют сострадания (“those who need protection from war and persecution”; “displaced refugees and persons in clear need of international protection”; “those who risk their lives, to escape from political oppression, war and poverty”), как указывалось в докризисных документах, «хорошими» и «нужными» в текстах документов 2015–2019 гг. становятся мигранты, обладающие талантами, навыками, высокой квалификацией, чье пребывание будет полезным для экономики ЕС.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в миграционном дискурсе Евросоюза в качестве инструмента управления общественным сознанием активно эксплуатируется проблема зависимости экономики от миграции (“migration leads to economic gains”). Глубинный смысл именования отдельной категории мигрантов «нужными» состоит в том, чтобы распространить моральное обязательство приема беженцев на все страны ЕС. Сочетание атрибутивных словосочетаний “new talent, innovative entrepreneurs”, “highly-skilled professionals, the skills needed for the EU” с модальными конструкциями “must attract, should ensure consistency”, “the EU should explore ways”, “the EU will need to attract, migration can play a positive role” в рамках одного высказывания, несомненно, является мощным инструментом воздействия на аудиторию и позволяет реализовать стратегию убеждения в полной мере. В этой связи стоит еще раз обратиться к примеру 11, упоминающему высокую цену, которую придется заплатить в случае отказа принимать беженцев на своей территории: “Costs of non-integration are high and might be paid by the weakest”.

Образ нелегального мигранта

Стремясь создать правовую базу для легальной миграции, ЕС предпринимает усилия для исключения и предотвращения случаев приема незаконных мигрантов, которые не являются беженцами в терминологии Женевской конвенции. Так, в выступлении на встрече «Большой двадцатки» Жан-Клод Юнкер заметил: “I try to make it crystal clear that we should not mix the different categories of people coming to Europe. The one who is responsible for the attacks in Paris cannot be put on an equal footing with real refugees, with asylum-seekers and with displaced people. These are criminals and not refugees or asylum-seekers”²⁴.

²⁴ President of the European Commission Juncker G20 Meeting on the 15 November https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_3448. (accessed: 18.12.2022).

Рассуждая о незаконной миграции, следует упомянуть политику открытых дверей, провозглашенную ЕС с момента своего образования. Так, в документах Европарламента от 2014 г. отмечается, что “in the past five years, policies have been developed to promote a more open and secure Europe. In June 2014 the European Council will set the strategic guidelines for the further development of the area of freedom and justice”²⁵. Однако недостаточная эффективность управления миграционными процессами привела, как было отмечено ранее, к радикализации общественного мнения и смене политических приоритетов среди стран — членов ЕС в сторону ограничения въезда и выдворения нелегальных мигрантов. В этой связи интересным представляется набор лингвистических средств, нетипичных для юридических нормативно-правовых текстов, в которых используются эвфемистические конструкции для именованья незаконных мигрантов, например:

18. ... the EU needs to draw the consequences when *migrants do not meet the criteria to stay. Unsuccessful asylum claimants who try to avoid return, visa overstayers, and migrants living in a permanent state of irregularity* constitute a serious problem. It makes it harder to integrate those migrants staying in the EU as of right.

19. Preventing and reducing *irregular migration* is an essential part of any well-managed migration system.

20. In parallel, the EU needs to continue cooperating with third-countries to ensure the full application of existing readmission obligations in international agreements concluded with third countries that ensure effective return of *third-country nationals without a legal right to stay* in the EU.

21. The Council of Europe’s commissioner for human rights highlighted that there is an increasing trend in the EU towards the criminalisation of *undocumented migrants*.

Как видно из примеров, в текстовых фрагментах, посвященных незаконным мигрантам, доминирует политическая корректность, позволяющая избегать прямого наименования данной категории беженцев. Это правило было зафиксировано в документе, четко прописывающем не употреблять словосочетание «незаконный мигрант»: “The use of terms such as ‘illegal’ and other criminal categories to describe undocumented migrants has been widely criticised by academics, civil society and several European actors, including the Council of Europe, the EU Parliament, the Fundamental Rights Agency, and others. These criticisms have begun to effect a change in the discourse of the European Commission (DG Home). In particular it is noteworthy that the Commissioner for Home Affairs, Cecilia Malmström now uses the term ‘irregular migration’”²⁶. Вероятно,

---

²⁵ Communication from the commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of Regions. An open and secure Europe: making it happen. {SWD (2014) 63 final} Strasbourg, 11.3.2014 COM (2014) 154 final https://commission.europa.eu/publications/communication-commission-european-parliament-council-european-economic-and-social-committee-and_en (accessed: 18.12.2022).

²⁶ Communication From the Commission to the European Parliament and the Council Towards

эвфемистическая оценка незаконной миграции, выраженная словосочетаниями “visa overstayers”, “do not meet the criteria to stay”, “unsuccessful asylum claimants”, “undocumented migrants”, “third-country nationals without a legal right to stay” в нормативных текстах призвана завуалированно транслировать призывы к ограничению миграции (“reduce the incentives for irregular migration”) и выдворению тех, кто нарушает законы пребывания в принимающих странах.

Проблемы безопасности

Нелегальная миграция тесно связана с тяжелыми преступлениями, такими как терроризм, торговля людьми, наркотиками, оружием, детская проституция.

22. Serious crimes with a cross-border dimension, such as corruption, *trafficking in human beings*, drugs, firearms and other illicit goods, and sexual exploitation of children cause grave harm to victims and to society as a whole.

23. the EU should continue to prevent irregular migration and combat *migrant smuggling and trafficking in human beings*, improve border management, as well as asylum and reception capacities.

Поэтому баланс между провозглашаемой Евросоюзом свободой и безопасностью смещается в сторону безопасности на пространстве ЕС. Так, в анализируемых документах 2015–2019 гг. высокую частотность демонстрируют выражения, касающиеся защиты и обеспечения безопасности внутренних и внешних границ ЕС, а также необходимости осуществления более жесткого контроля над теми, кто их пересекает. С этой целью было произведено усиление институциональной основы деятельности ЕС посредством создания единого органа, отвечающего за миграционные процессы в целом, например:

24. ...the Commission in its Communication of 10 February 2016, will continue to provide support to Member States to implement all the agreed elements *to stem disorderly irregular migration flows, protect our external borders, and safeguard the integrity* of the Schengen area²⁷.

25. *Border management policies* have a major role to play in counteracting cross-border crime and maintaining a *high level of security*.²⁸

---

a Reform of the Common European Asylum System and Enhancing Legal Avenues to Europe // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52016DC0197> (accessed: 18.12.2022).

²⁷ Communication From the Commission to the European Parliament and the Council Towards a Reform of the Common European Asylum System and Enhancing Legal Avenues to Europe // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52016DC0197> (accessed: 18.12.2022).

²⁸ Communication from the commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of Regions. An open and secure Europe: making it happen. {SWD (2014) 63 final} Strasbourg, 11.3.2014 COM (2014) 154 final https://commission.europa.eu/publications/communication-commission-european-parliament-council-european-economic-and-social-committee-and_en (accessed: 18.12.2022).

Убедительные призывы к контролю над миграцией, внешними и внутренними границами стран ЕС призваны оказать влияние на смену политического курса ряда европейских государств в сфере миграционного регулирования.

Образ Евросоюза

В издаваемых документах Евросоюз выступает с критикой своих членов за их нежелание проявлять сострадание к беженцам и отказ предоставлять убежище нуждающимся в защите: “criticise EU member states for their failure to make tough decisions and provide a compassionate response to the refugee crisis” и выдвигает требование оказывать помощь в кратчайшие сроки: “providing humanitarian visas — which can be issued with minimal delay — constitutes one clear commitment countries could make immediately”²⁹.

26. Europe is taking its responsibility — *saving lives, welcoming refugees* and those entitled to international protection, offering more organised routes for legal migration, and dismantling criminal organisations. If *we are not able to find humanitarian and efficient solutions*, then others will find solutions which are inhumane, nationalistic and *for sure not European*³⁰

Таким образом, Евросоюз стремится позиционировать себя как ответственного, гуманного и гостеприимного хозяина, одновременно продвигая концепт «культура гостеприимства» как моральную норму: “the duty to protect”, “a duty to contribute”, “should be given every assistance”. Обратимся к примерам.

27. The immediate imperative is the duty to protect those in need, to provide healthcare to migrants in the Member States.

28. Europe as an *attractive destination* for migrants

the EU has *its share in helping* displaced persons in clear need of international protection.

29. Europe *should continue to be a safe haven for those fleeing persecution* as well as an attractive destination for the talent and entrepreneurship of students, researchers and workers.

Примеры демонстрируют, что ЕС стремится создать образ безопасного и благополучного пристанища “attractive destination”, своего рода рая для страждущих “*a safe haven for those fleeing persecution*”. Особенно интересен

---

²⁹ Sergio Carrera, Steven Blockmans, Daniel Gros and Elspeth Guild, The EU’s Response to the Refugee Crisis Taking Stock and Setting Policy Priorities No. 20 / 16 December 2015 https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2015/12/EU%20Response%20to%20the%202015%20Refugee%20Crisis_0.pdf (accessed 13.03.2023)

³⁰ See www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2015/10/15-16/ and Opening Speech at Valetta Conference (www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/11-tuskopening-statement-valletta-summit/) (accessed 13.03.2023)

в этом смысле пример 30, в котором декларируется, что отношение ЕС к мигрантам должно служить нормой для подражания:

30. Migrants who have been legally admitted by Member States should not be faced with reluctance and obstruction — they should be given every assistance to integrate in their new communities. This should be seen as central to *the values Europeans should be proud of and should project to partners worldwide*.

Приведенные примеры из нормативно-правовых документов Евросоюза демонстрируют, что использование коннотативно окрашенной лексики способствует созданию эмоциональных образов, которые, в свою очередь, служат одним из важных инструментов в концептуализации ценностных принципов управления миграционным кризисом на пространстве ЕС, поскольку с их помощью осуществляется изменение восприятия мигрантов в общественном сознании граждан принимающих стран с целью снижения уровня агрессии в обществе.

Выводы

Миграционный кризис, начавшийся в Европе в 2015 г., явился серьезным испытанием для граждан Европейского союза и для жизнеспособности самого ЕС. В сложившейся ситуации Европейский союз был вынужден пересмотреть существующую миграционную политику как в отношении государств — членов ЕС, так и в отношении мигрантов, направляющихся в Европу [13].

Изучение миграционного дискурса на материале текстов нормативно-правовых документов различных институтов Евросоюза позволяет говорить о стилистической насыщенности материала и наличии средств экспрессивности, используемых в рамках рассматриваемого дискурса. С помощью этих средств осуществляется убеждающее воздействие на сознание граждан стран — членов ЕС для регулирования процессов миграции.

Анализ наиболее частотных лексических единиц, таких как «солидарность» и «ответственность», выявил, что неэффективное управление миграционным кризисом в Евросоюзе в период его острой фазы в 2015–2019 г. оказало негативное влияние на социально-политическую сплоченность внутри ЕС.

Следующую группу часто встречающихся слов составили лексемы, создающие образ легального мигранта как «нужного» и «полезного» для экономики Европы: “new talent”, “innovative entrepreneurs”, “highly-skilled professionals”, “the skills needed for the EU”. Активное использование категории модальности, выраженной глаголами “must”, “should”, “need”, “have to”, состоит в том, чтобы распространить моральное обязательство приема легальных мигрантов на все страны ЕС.

Проблема незаконной миграции представляет серьезные угрозы для государств — членов ЕС, поэтому третьей по частотности оказалась группа

слов, куда можно отнести лексемы, связанные с преступностью и безопасностью шенгенского пространства: “protection”, “security”, “safeguard”, “border management”. Говоря об этой группе лексем, хотелось бы обратить внимание на то, что ЕС выработал отдельный глоссарий по вопросам безопасности. Так, прямой денотат «нелегальный мигрант» заменяется различными эвфемистическими конструкциями “visa overstayers”, “unsuccessful asylum claimants”, “undocumented migrants”, “third-country nationals without a legal right to stay”. Транспортировка мигрантов обозначается как “migrant smuggling” или “trafficking in human beings”, что как бы овеществляет мигрантов и указывает на их тяжелую судьбу.

Деления мигрантов на «плохих» и «хороших», «опасных» и «нужных», свойственная миграционному дискурсу, продвигает идею выборочной миграции.

Анализ лексического состава официальных текстов ЕС показал, что миграционный дискурс является сильным идеологическим инструментом, который может использоваться для регулирования миграционных процессов и осуществления мягкой интеграции инокультурных граждан в принимающие страны. Выявленные конкретные приемы представляются перспективными с точки зрения гармонизации миграционных процессов.

Список литературы

1. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякиной, Е.В. Переверзевой, А.М. Аматовой. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
2. Раренко М.Б. Миграционная лингвистика и ее место в современных лингвистических исследованиях // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. 2021. № 1. С. 37–43. <https://doi.org/10.31249/ling/2021.01.02>.
3. Яфарова Г.Х. Новые обстоятельства как фактор становления эвфемизмов в языке политики (на примере современного миграционного дискурса немецкого языка) // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. С. 368–375.
4. Larousse J. Language and Politics in Mary Hawkesworth and Maurice Kogan Encyclopedia of Government and Politics. London:Routledge, 1992. P. 586–602.
5. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1. — С. 17–34.
6. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015.
7. Русакова О.Ф., Ишменев Е.В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Серия: Дискурсология. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006.
8. Fairclough Fairclough N. Textual analysis for social research. New York: Routledge 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/31763834_Analysing_Discourse_Textual_Analysis_for_Social_Research_N_Fairclough.
9. Негров Е.О. Официальный политический дискурс в современной России: стратегии развития // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 4. СПб. С. 105–114.
10. Цапенко И.П., Монусова Г.А. Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах // Полис. Политические исследования. 2017. (4). С. 90–105.

11. Ламот Л.Г., Черноусова А.С. О книжном мире современного мигранта // Миграционная лингвистика. 2019, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-knizhnom-mire-sovremennogo-migranta> (дата обращения: 10.02.2023).
12. Нарочницкая Е.А. «Кризис беженцев» и иммиграционный вопрос в Европе // *Актуальные проблемы Европы*. 2016. (4). 20–37.
13. Patel P. Statement on the Government's Plan for Immigration // Political Speech Archive. 2021. 24 March. URL: <https://www.ukpol.co.uk/priti-patel-2021-statement-on-the-governments-plan-for-immigration/> (дата обращения: 05.03.2023).

References

1. Van Dejk, T.A. 2013. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication. Moscow: LIBROKOM publ. Print. (In Russ.).
2. Rarenko, M.B. 2021. "Migration linguistics and its place in the modern linguistic studies". *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6: Yazyk'oznanie* 1: 37–43. <https://doi.org/10.31249/ling/2021.01.02>.
3. Yafarova, G.H. 2016. New conditions as a factor of euphemisms appearance in the language of politics (based on the modern migration discourse of the German language. In Prepodavatel' XXI vek. No 2. Pp. 368–375. Print. (In Russ.).
4. Laponce, J. 1992. Language and Politics in Mary Hawkesworth and Maurice Kogan Encyclopedia of Government and Politics. London:Routledge. P. 586–602. Print.
5. Karasik, V.I. 2016. Discoursology as a branch of communicational linguistics. *Aktual'ny'e problemy' filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* 1: 17–34. Print. (In Russ.).
6. Issers. O.S. 2015. Discursive practices of our time. Moscow: LENAND publ. Print. (In Russ.).
7. Rusakova, O.F., and E.V. Ishmenev. 2006. Critical discourse analysis. *Modern discourse theories: multidisciplinary analysis. Series: Discoursology*. Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom "Diskurs-Pi" publ. Print. (In Russ.).
8. Fairclough, N. 2003. Textual analysis for social research. New York: Routledge. Web. URL: https://www.researchgate.net/publication/31763834_Analysing_Discourse_Textual_Analysis_for_Social_Research_N_Fairclough.
9. Negrov, E.O. 2009. Official political discourse in modern Russia: strategies of development. *Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS* 5 (4): 105–114. Print. (In Russ.).
10. Czapenko, I.P., and G.A. Monusova. 2017. Integration potential of ethnocultural variety in European societies. *Polis. Politicheskie issledovaniya* 4: 90–105.
11. Lamot, L.G., and A.S. Chernousova. 2019. On the book world of modern migrant. No 1. Web. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-knizhnom-mire-sovremennogo-migranta> (date of access: 10.02.2023).
12. Narochniczkaya, E.A. 2016. "Refugees' crisis and migration". *Actual ppoblems of Europe* 4: 20–37. Print. (In Russ.).
13. Patel, P. 2021. Statement on the Government's Plan for Immigration. Political Speech Archive. 2021. 24 March. Web. URL: <https://www.ukpol.co.uk/priti-patel-2021-statement-on-the-governments-plan-for-immigration/> (дата обращения: 05.03.2023).

Сведения об авторе:

Медведева Наталья Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nemedvedeva@list.ru

Bio Note:

Natalya Eu. Medvedeva is a PhD, Associate Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, MSU Lomonosov State University. E-mail: nemedvedeva@list.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-617-626
EDN: YAYUUF

Научная статья

Лингвомедийное конструирование события «пандемия COVID-19» в новостном дискурсе Великобритании и Франции

Б.Е. Ломакин

Национальный исследовательский технологический университет МИСИС,
Российская Федерация, 19049, Москва, Ленинский пр-т, д. 4
✉ borislomakin3@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены языковые средства, используемые для конструирования образа события в медийной картине мира. Дан обзор наиболее значимых трудов отечественных ученых, посвященных медийной картине мира, предложено определение лингвомедийного конструирования события как процесса формирования образа события в медийной картине мира, включающего анализ информации о реальном событии, интерпретацию фактического материала, написание медиатекстов на соответствующую тему, размещение и функционирование медиатекстов в глобальном медиапространстве. Описана методика анализа материала — информационных и аналитических медиатекстов британской и французской качественной прессы, посвященной началу распространения коронавируса в мире, ограничительным мерам и вакцинации против него, путем выделения лексико-семантической сетки текстов и анализа структуры текстов. Описаны результаты исследования. На основании анализа материала показано, что информационные и аналитические медиатексты можно разделить на небольшое количество (до шести) логически взаимосвязанных и иерархически структурированных тематических блоков. Выявлены различия аналитических информационных медиатекстов. Сравнение лексического обеспечения одних и тех же тематических блоков в медиадискурсах разных стран показывает наличие межкультурных различий. Отмечается, что при описании пандемии нередко использовалась милитаризованная лексика, проводящая параллель между борьбой с заболеванием и военными действиями.

Ключевые слова: лингвомедийное конструирование события, медийная картина мира, медиатекст, медиадискурс, качественная пресса, лексическое обеспечение события, межкультурные различия, COVID-19

История статьи: поступила в редакцию 08.08.2023; принята к печати 22.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

© Ломакин Б.Е., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ломакин Б.Е. Лингвомедийное конструирование события «пандемия COVID-19» в новостном дискурсе Великобритании и Франции // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 617–626. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-617-626>

Research Article

Linguomedial Reconstruction of an Event: COVID-19 Pandemic Coverage in British and French Quality Press

Boris Ye. Lomakin

National University of Science and Technology “MISIS”,
4 Lenin prospect, Moscow, 19049, Russian Federation
✉ borislomakin3@gmail.com

Abstract. The article looks at linguistic units applied for creating an image of an event. The first section of the article dwells on the most important works of Russian scholars in the field under investigation. Here, the term “linguomedial reconstruction of an event” is introduced and defined as the creation of an image of an event in mass media, including the analysis of information, its interpretation, creating media texts, and their positioning and functioning in media space. The second section describes in detail the analysis of informational and analytical media texts from British and French quality press dedicated to the Coonavirus pandemic: spread of the new virus, measures taken by the authorities, and vaccination. The analysis was conducted on lexical (identification of key lexical components of the texts) and suprasegmental (identification of key structural elements of the text) levels. The third section contains the results of the study. It was found out that both informational and analytical media texts consist of roughly equal number (usually less than 6) of topic-based sections (TBS). Analytical texts explore each topic more fully than informational ones; besides, the former include such topic as ‘expert opinion’. Seemingly, the larger is the volume of articles describing certain topic, the higher position this topic takes in news agenda. Any TBS may be characterized with a particular set of words and expressions — its lexical base. The lexical base of the TBS differs between cultures; the study shows that British quality press media prefer words describing actions and deeds, while French ones pay more attention to emotional response to the event. Besides, it was noted that military lexical units were widely used in pandemic new coverage, thus conceptualizing anti-coronavirus measures as military actions.

Key words: linguomedial reconstruction of an event, media worldview, media text, media discourse, quality press, lexical basis of an event, intercultural differences, COVID-19

Article history: received 08.08.2023; accepted 22.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Lomakin, B.Ye. 2023. “Linguomedial Reconstruction of an Event: COVID-19 Pandemic Coverage in British and French Quality Press”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 617–626. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-617-626>

Введение

В настоящее время исследование медийной картины мира представляет собой перспективное, но пока еще недостаточно разработанное направление в развитии современной медиалингвистики. Медийная картина мира понимается как фрагментарное и ракурсное семиотико-виртуальное изображение реальности, продуцируемое средствами массовой информации [1]. Отмечались такие особенности медийной картины мира, как мозаичность, идеологизация, политизация; подчеркивалось, что ее воздействие на индивида неразрывно связано с ранее полученными им в процессе социализации сведениями о мире [1]; указывалось, что ее элементы обладают характерными чертами триллера и реалити-шоу и поэтому апеллируют к широкой публике [2].

На сегодняшний день существуют различные подходы к описанию медийной картины мира и выделению ее базовых элементов: в концепции В.Д. Мансуровой единицами медийной картины мира являются различные виды образов, складывающиеся в медиасобытие [3]; в концепции И.В. Рогозиной это особые когнитивные структуры, так называемые медиакогнитивные типы, объективируемые в аудио-, видеографических структурах — медиафреймах [4]; Е.Н. Ежова разграничивает образы-символы и образы событий [1]; З.И. Резанова и группа исследователей из Томского университета фокусируют свое внимание на медиаконцептах как средствах трансформации и формирования общественного сознания [5]. Дальнейшее развитие теории медийной картины мира связано с именем основателя отечественной медиалингвистики Т.Г. Добросклонской, предложившей концепцию «лингво-медийного конструирования события», т. е. воссоздания «события-факта в СМИ, результатом которого является формирование медиобраза события, основанного на сумме его различных медиарепрезентаций в виде конкретных медиатекстов» [6. С. 108–109].

Цель исследования — рассмотреть данный процесс в межкультурном аспекте, сравнив способы лингво-медийного конструирования события в качественной прессе Великобритании и Франции. Для достижения этой цели были рассмотрены информационные и информационно-аналитические статьи, посвященные пандемии COVID-19 — ключевому событию современной истории, нашедшему свое отражение в многочисленных медиатекстах, посредством которых во многом осуществлялось информирование населения разных стран.

Материалы и методы

Материалом для исследования поставленной проблемы послужили 180 статей, опубликованных в качественной прессе Великобритании (Guardian, BBC, The Independent) и Франции (Le Monde, Le Figaro, La Libération) в период с 21 декабря 2020 г. по 13 марта 2021 г., при этом каждое СМИ представлено

30 статьями: 10 из них посвящены первым случаям заражения коронавирусом в Китае и Европе (I, the spread of coronavirus pandemic), 10 — ограничительным мерам (II, coronavirus restrictions), 10 — вакцинации против COVID-19 (III, anti-coronavirus vaccination). В рамках указанных выше цифр отбор статей производился случайным образом. Анализ отобранных статей проводился в соответствии с коммуникативно-прагматическим методом: были выделены лексико-тематические сетки текстов, основанные на ассоциативных связях, после чего методом подсчета частотности были отобраны те слова, которые встречались в более чем 50 % исследованных статей (темообразующие слова). Особое внимание при анализе уделялось и структуре медиатекстов, каждый из которых был разбит на тематические блоки (ТБ). Данные об объеме медиатекстов приведены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

**Объем информационно-аналитических медиатекстов
коронавирусной тематики (слов) /
Word count of analytical media texts describing coronavirus pandemic (words)**

Тема / Topic	Guardian	BBC	The Independent	Le Monde	Le Figaro	La Libération
I	700–1500	700–1400	—	800–1400	600–1000	600–1200
II	800–1600	900–1800	500–1200	600–1300	700–1300	600–1200
III	400–1400	400–1200	230–1300	500–1400	280–1200	500–1800

Результаты и обсуждение

Статьи, посвященные *первым случаям заражения коронавирусом*, включают в себя следующие ТБ: «количество случаев заражения», «исследования коронавируса», «информация о коронавирусе», «действия властей», «реакция общественности», «действия ВОЗ», «мнения экспертов», «возможные последствия», «эпидемия 2003 года». Нужно отметить, что с увеличением числа случаев заражения коронавирусом растет и количество медиатекстов на эту тему, доля информационно-аналитических статей среди них возрастает, статьи о коронавирусе появляются на первых полосах, а в некоторых СМИ появляется отдельная рубрика, посвященная COVID-19; это свидетельствует о том, что коронавирусная тематика занимает все более высокое место в новостной повестке дня. Учитывая, что представления общества о том, какие события в данный момент обладают наибольшей важностью, формируются средствами массовой информации [7], а набор событий, освещаемых в СМИ,

отражает потребности лингвокультурного сообщества [8], можно с уверенностью говорить о значимости пандемии в общественной повестке дня даже на начальном этапе.

В рамках данной темы наиболее широко освещались коронавирусная статистика (число заражений и смертей), действия властей (в первую очередь Китая и зарубежных стран) и ВОЗ. Менее распространенными, но также ключевыми ТБ стали истории отдельных зараженных (внимание СМИ привлекали главным образом первые случаи заражения и смерти пациентов с коронавирусом) и эпидемия Сарс-ковида 2003 г., с которой в январе 2020 г. часто сравнивали эпидемию COVID-19. В то же время клинические исследования нового коронавируса, информация о семействе коронавирусов, реакция общественности и возможные последствия освещались в СМИ в целом довольно скупо; хотя научным исследованиям в анализируемых публикациях уделялось мало внимания, ТБ «мнения экспертов» встречается весьма часто. Такую иерархию ТБ можно объяснить степенью их интереса для публики: стремительное распространение неизвестной болезни и борьба с ней властей КНР вписывается в постмодернистскую новостную картину мира. Следует подчеркнуть, что такая картина характерна именно для января 2020 г., когда проблема коронавируса непосредственно не затрагивала большинство европейских стран.

В ходе анализа материала были составлены списки темообразующих слов в английских СМИ (1): *authorities, case, check, commission, confirm, contact, fear, fever, hospital, infect, kill / die, market, outbreak, pneumonia, quarantine, Sars, screening, spread, symptom, test, transmit, treat*; и во французских СМИ (2): *annoncer, autorités, cas, confirmer, contaminer, crainte, détecter, épidémie, état de santé, inquiet, isolement, marché, mesure, mort, Nouvel An, pneumonie, se propager, risque, scientifique, SRAS, symptôme, vigilant, voyager*. Их сопоставление показывает, что для английских СМИ более характерны слова, связанные с обнаружением новых случаев COVID-19 и лечением заболевших (*check, screening, contact, transmit, test, treat, hospital*), а для французских — слова, указывающие на эмоциональные реакции по отношению к происходящему (*inquiet, risque, vigilant*).

В статьях, посвященных *ограничительным мерам* в Китае и странах Западной Европы, встречается по сравнению с предыдущей рассмотренной группой статей гораздо больше ТБ. Наибольшее внимание СМИ привлекли ограничительные меры (транспортные ограничения, закрытие учреждений, отмена мероприятий и правила, обязательные для населения во время действия режима локдауна), количество случаев заражения, позиция властей, мнения экспертов и реакция общественности. В то же время в статьях данной тематики крайне скупо освещаются исследования вируса и меры поддержки населения; в них также содержится мало общей информации о коронавирусе, однако часто присутствуют ссылки на материалы, в которых эти сведения

представлены более подробно. Структура темы «ограничительные меры» в британских и французских СМИ несколько отличается: в первых более подробно освещается привлечение полиции для обеспечения соблюдения карантинных мер и система штрафов, которые могут последовать за их нарушение; французские СМИ, в свою очередь, уделяют больше внимание истории карантинных мер. Иерархия ТБ объясняется их актуальностью для реципиента, при этом ТБ выстраиваются в логическую цепочку: причина (количество случаев заражения) — следствие (позиция властей; ограничительные меры) — интерпретация событий (мнения экспертов) — реакция общественности. Последние два элемента этой цепочки направлены на формирование общественного мнения по отношению к принятым властями мерам и, таким образом, обеспечивают регулятивную функцию медиатекстов, побуждая читателя действовать определенным (социально одобряемым) образом [9].

В список темообразующих слов в английских СМИ вошли (3): *avoid, ban, cancel, case, check, close, concern, confirm, crisis, crowd, death toll, die, kill, emergency, enforce, essential, fine, gather, handle, hospital, infect, isolate, leave, lockdown, mask, measure, outbreak, police, quarantine, restrict, shop, shut, spread, stay at home, stop, transport, travel, warn, work*. Он длиннее перечня (1) почти в два раза, что обусловлено большей сложностью темы, ее структурным разнообразием и повышенной значимостью в новостной повестке дня. Девять слов, а именно *case, check, confirm, die, kill, infect, outbreak, quarantine, spread*, фигурируют в обоих списках; это согласуется с тем, что ТБ «количество случаев заражения» является одним из ключевых в структуре темы «ограничительные меры».

Список ключевых слов, используемых для описания данной темы во французской прессе, несколько короче, и включает следующие 29 слов (4): *annoncer, annuler, autoriser, cas, confiner, contaminer, contrôle, crise, déplacement, distanciation sociale, épidémie, essentiel, éviter, fermer, inquiet, interdire, limiter, masque, mesure, mort, se propager, quarantaine, réduire, rester chez soi, risque, suspendre, transmettre, transport, voyage*. Этот список ненамного длиннее перечня (2), приведенного выше; в них совпадают 10 слов, а именно: *annoncer, cas, contaminer, épidémie, inquiet, mesure, mort, se propager, risque, voyage*. Как и в случае британских СМИ, они относятся к ТБ «количество случаев заражения», однако два из них — *inquiet* и *risque* — связаны с восприятием ситуации и эмоциональной реакцией на нее.

При сравнении перечней (3) и (4) обнаруживается, что в британских СМИ более распространены слова, описывающие реализацию антикоронавирусных мер (*check, enforce, fine, police, restrict, warn*), связанные с ними реалии повседневной жизни (*crowd, gather, shop, work*) и борьбу с эпидемией (*emergency, handle, hospital, isolate, stop*), а во французской — интерпретацию происходящего (*inquiet, risqué*) и конкретные действия властей (*annoncer, autoriser, contrôle, limiter, réduire, suspendre*). Первые две группы слов, получивших

в британской прессе более широкое распространение, служат для лексического обеспечения ТБ «полиция и локдаун; штрафы за нарушения», которая, как уже отмечалось, сравнительно редко присутствует во французской прессе.

Самыми популярными ТБ в группе статей, посвященных *вакцинации против COVID-19*, оказались «позиция властей», «одобрение вакцины для использования» и «начало вакцинации». Менее подробно в СМИ освещались такие ТБ, как «антивакцинаторство», «производство вакцины», «количество случаев заражения» и «вакцинация знаменитостей»; промежуточное положение занимают ТБ «исследования вакцины и ее эффективность», «трудности вакцинации», «реакция общественности», «мнения экспертов». Нельзя не подчеркнуть, что, как и в случае темы «ограничительные меры», ТБ связаны между собой причинно-следственными отношениями: «исследования вакцины и ее эффективность» — «одобрение вакцины для использования; позиция властей» — «начало вакцинации» — «трудности вакцинации» — «реакция общественности».

В английских СМИ было выявлено 25 темообразующих слов, связанных с вакцинацией (5): age, approve, concern, criticism, deliver, distribute, effective, fight, first, hospital, immune, jab, manufacture, priority, produce, protect, risk, rollout, safe, sceptic, test, trial, vaccine, volunteer, vulnerable. Этот список примерно равен по длине перечню (1), но короче перечня (3). Общих ключевых слов для всех трех списков не выявлено.

В список темообразующих слов, характерных для французских СМИ, также вошли 25 слов (6): âgé, autoriser, campagne, critique, effet secondaire, efficace, essai, immunité, injection, inquiet, lancer, lent, livrer, lutter, méfier, mort, premier, produire, protéger, reservoir, risque, sécurité, vaccine, volontaire. В списках (2), (4) и (6) присутствуют три общих ключевых слова: inquiet, mort и risque. Сравнение перечней (5) и (6) показывает, что в британской прессе более распространены слова, относящиеся к организации прививочной кампании (distribute, hospital, priority, rollout, test, vulnerable), а во французской — слова, демонстрирующие настороженное отношение французов к вакцинации (effet secondaire, lent, méfier, mort).

Следует отметить, что в статьях, посвященных теме ограничительных мер и вакцинации против COVID-19, присутствует лексика, связанная с социокультурным концептом «милитаризация» (contain, die, fight, kill, victim, vulnerable; combattre, contenir, lutter, mobiliser, mort, guerre, rival, victime, vulnérable). Это свидетельствует о том, что указанные темы реализуются в языке средствами когнитивной метафоры: борьба против COVID-19 уподобляется военным действиям [10]. Использование такой лексики представляет собой одно из важнейших средств речевого воздействия в медиатекстах коронавирусной тематики, направленных на перестройку категориальной структуры не только индивидуального, но и коллективного сознания.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что в процессе лингвомедийного конструирования события происходит создание тематических блоков, повторяющихся в различных медиатекстах. Для каждого события можно выделить ключевой тематический блок (в первой группе статей — «количество случаев заражения»; во второй — непосредственное описание ограничительных мер; в третьей — организация вакцинации против COVID-19), с которым так или иначе связаны все остальные. Один и тот же тематический блок может использоваться при описании разных событий (к примеру, блок «количество случаев заражения» так или иначе присутствует во всех трех рассмотренных группах статей), что во многом обеспечивает единство медийной картины мира.

Как правило, количество тематических блоков, задействованных в одном медиатексте, сравнительно невелико (от 1 до 5–6). Аналитические медиатексты отличаются от информационных прежде всего глубиной раскрытия тематических блоков, а также наличием блока «мнения экспертов». Большинство блоков характеризуются небольшим устойчивым набором слов и словосочетаний, с помощью которых осуществляется лексическое обеспечение медиасобытия; этот набор для каждого блока свой, хотя одни и те же слова могут входить в лексическое обеспечение разных блоков. Наборы слов и словосочетаний, характерных для определенного блока, оказываются очень схожими в британской и французской прессе, однако в первой более распространены слова, описывающие конкретные действия властей и простых граждан, а в последней — слова, описывающие общее впечатление от ситуации и эмоциональную реакцию на нее. Можно предположить, что в основе этих различий лежат более глубокие межкультурные различия, связанные с более высоким индексом индивидуализма и более низким индексом фемининности в британской корпоративной культуре по сравнению с французской¹.

Было отмечено, что чем важнее место, которое занимает тема в новостной повестке дня, тем больше на нее пишется аналитических статей, причем их объем также возрастает (для французской прессы это явление менее характерно, чем для британской). Увеличение объема статей является важным средством организации иерархии тем в новостной повестке дня наряду с такими приемами, как размещение статьи на первой полосе, размещение ссылки на статью в социальных сетях, создание специальных разделов на сайте для наиболее популярных статей (*most read, les plus lus*).

Тот факт, что в некоторых крупных массмедиа существует отдельная рубрика, посвященная коронавирусу, свидетельствует о выделении

¹ Hofstede Insights: Country Comparison. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/> (дата обращения: 25.12.2022).

пандемии в отдельный медиатопик; при этом не все статьи коронавирусной тематики, опубликованные в таких изданиях, размещены именно в этой рубрике. Распределение статей по рубрикам подчиняется географическому, жанровому и тематическому принципам; в последнем случае медиатексты коронавирусной тематики нередко попадают в рубрики, соответствующие сферам общественной жизни, затронутым пандемией (здравоохранение, наука, международные отношения).

Список литературы

1. *Ежова Е.Н.* Картины мира в СМИ: типология, функциональность, каналы трансляции // Вестник Воронежского гос. ун-та Сер.: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 132–135.
2. *Zheltukhina M.R., Klushina N.I., Ponomarenko E.B., Vasilkova N.N., Dzyubenko A.I.* Modern media influence: mass culture — mass consciousness — mass communication // *XLinguae*. 2017. No 4. С. 96–105.
3. *Мансурова В.Д.* Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002.
4. *Рогозина И.В.* Медиакартина мира: когнитивно-семиотический аспект. М.: Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003.
5. Картины русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др.; ред. З.И. Резанова. Томск: ИД СК-С, 2011.
6. *Добросклонская Т.Г.* Лингвомедийное конструирование события в новостном дискурсе // *Медиалингвистика*. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа. СПб: Медиапапир, 2021. С. 108–112.
7. *Пастухов А.Г.* Agenda setting, или Установление повестки дня в медиатексте // *Медиатекст: стратегии — функции — стиль*. Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2010.
8. *Пантина О.А.* Экспрессивная перспектива англоязычного новостного дискурса: на материале газетных текстов о природных катастрофах: дисс... канд. филол. наук. СПб, 2018.
9. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Современная английская медиаречь. М.: Флинта, 2008.
10. *Мясникова Л.В.* Интерпретация языка аудиальных и аудиовизуальных СМИ в дискурсивном аспекте: дисс. ... канд. филол. наук. Орск, 2014.

References

1. Ezhova, E.N. 2011. Media Worldviews: Classification, Functionality, Transmission Channels. *Proceedings of Voronezh State University Bulletin. Series: Philology* 1:132–135. Print. (In Russ.).
2. Zheltukhina, M.R., N.I. Klushina, Ponomarenko, E.B., N.N. Vasilkova, and Dzyubenko, A.I. 2017. Modern media influence: mass culture — mass consciousness — mass communication. *XLinguae* 4: 96–105.
3. Mansurova, V.D. 2002. *Journalistic Media Worldview as Social Determination Factor*. Barnaul: Altai State University Publishing House. Print. (In Russ.).
4. Rogozina, I.V. 2003. *Media Worldview: Cognitive and Semiotic Approach*. Moskva-Barnaul: Altai State University Publishing House. Print. (In Russ.).
5. Rezanova, Z. I, Ermolenkina, L.I., Kostyashina, E.A. et al. 2011. *Russian Worldviews: Modern Media Discourse*. Tomsk: ID SK-S publ. Print. (In Russ.).

6. Dobrosklonskaya, T.G. 2021. “Linguomedial Reconstruction of an Event in News Discourse”. *Medialinguistics* 8: 108–112. (In Russ.).
7. Pastukhov, A.G. 2010. Agenda Setting in Media Text. In Grishaeva, L.I., Pastukhov, A.G., Chernyshova, T.V. (eds) *Media Text: Strategies, Functions, and Style*. Orel: Orel State Institute of Culture publ. Print. (In Russ.).
8. Pantina, O.A. 2018. Expressive Potential of English News Discourse: Analysis of News Texts about Natural Disasters. Candidate Thesis. Saint-Petersburgh. Print. (In Russ.).
9. Dobrosklonskaya, T.G. 2008. *Media Linguistics: Systematic Approach to Media Language Studies*. Modern English Media Discourse. Moscow: Flinta. Print. (In Russ.).
10. Myasnikova, L.V. 2014. Audial and Audiovisual Massmedia Language Interpretation: Discursive Aspect: Candidate Thesis. Orsk. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ломакин Борис Евгеньевич — ассистент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС». E-mail: borislomakin3@gmail.com
ORCID: 0009-0009-9023-2676
eLibrary SPIN-code: 2810-2582
Author ID: 1135864

Bio Note:

Boris Ye. Lomakin is an assistant lecturer in the Department of Foreign Languages and Communicative Technologies, National University of Science and Technology MISIS. -mail: borislomakin3@gmail.com
ORCID: 0009-0009-9023-2676
eLibrary SPIN-code: 2810-2582
Author ID: 1135864

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-627-635

EDN: YNYIIT

Научная статья

Амбивалентность образа огня в белорусской национальной культуре

С.А. Гринберг

Витебская государственная академия ветеринарной медицины,
Республика Беларусь, 210026, Витебск, ул. 1-я Доватора, 7/11

✉ s_grinberg@mail.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена современным состоянием информационного пространства, связанного со стремительным развитием процессов глобализации. В данных условиях традиционная белорусская культура может окончательно утратить свою идентичность, что впоследствии неизбежно приведет к полной потере ее уникальных ментальных черт. Рассмотрены мифологические представления белорусов, особенности их быта, традиционные праздники и обряды с использованием огня как важного сакрального элемента белорусской национальной культуры. В результате автор приходит к выводу, что огонь воспринимается белорусами как стихия, имеющая амбивалентную природу, причем в их сознании огонь чаще представлен как явление, позитивно влияющее на их жизненный уклад. Также в белорусских традициях и обрядах прослеживается неразрывная связь культа огня с культом предков. Показано, что на современном этапе символика огня играет важную роль в формировании положительного отношения к культурному наследию Беларуси. Устойчивое обращение современного человека к ритуально-атрибутическим действиям, связанным с огнем, способствует сохранению белорусских традиций, оказывает положительное влияние на формирование ценностных ориентиров общества, в том числе молодого поколения.

Ключевые слова: символика огня, амбивалентность, белорусская национальная культура, культ предков, духовная культура

История статьи: поступила в редакцию 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Гринберг С.А. Амбивалентность образа огня в белорусской национальной культуре // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 627–635. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-627-635>

© Гринберг С.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ambivalence of the Image of Fire in the Belarusian National Culture

Svetlana A. Grinberg

Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine,
7/11 Dovatora str., Vitebsk, 210026, Republic of Belarus
✉ s_grinberg@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the current state of the information space associated with the rapid development of globalization processes. Under these conditions, traditional Belarusian culture may finally lose its identity, which will subsequently inevitably lead to the dissolution or complete loss of its unique mental traits. The article is devoted to the analysis of the mythological ideas of Belarusians, the peculiarities of their life, traditional holidays and rituals using fire as an important sacred element of the Belarusian national culture. As a result, the author comes to the conclusion that fire is perceived by Belarusians as an element of ambivalent nature. Moreover, in their minds, fire is often presented as a phenomenon that has a positive effect on their way of life. Also in Belarusian traditions and rituals there is an inextricable connection between the cult of fire and the cult of ancestors. The author argues that at the present stage, the symbolism of fire plays an important role in the formation of a positive attitude towards the cultural heritage of Belarus. The “participation” of fire in the preservation and development of Belarusian national traditions has a positive impact on the formation of value orientations of society, including the younger generation.

Key words: fire symbolism, ambivalence, Belarusian national culture, ancestor cult, spiritual culture

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Grinberg, S.A. 2023. “Ambivalence of the Image of Fire in the Belarusian National Culture”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 627–635. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-627-635>

Введение

Особенности национального характера любого этноса находят отражение в его культуре. Республика Беларусь — яркий тому пример. Это страна, имеющая богатое культурное и духовное наследие, которое формировалось на протяжении веков и бережно передавалось из поколения в поколение.

Белорусская национальная культура представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, сложившихся у белорусского народа на основе традиций, обычаев и обрядов, поведенческих норм, социальных взаимоотношений и др. Национальная культура белорусов более других восточно-европейских народов сохранила в себе следы язычества. Она отличается

необычайной глубиной фольклорной «памяти». Однако в условиях современного информационного пространства и стремительного развития процессов глобализации традиционная белорусская культура может окончательно утратить идентичность и самобытность, что впоследствии неизбежно приведет к полной потере ее уникальных ментальных черт.

Наиболее значимыми работами, посвященными данной проблеме, являются труды известных белорусских лингвистов, фольклористов, этнографов: «Белорусы» Е.Ф. Карского, «Перажыткі старажытнага светапогляду ў беларусаў» А.Е. Богдановича, «Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў» А.К. Сержпутовского, «Святы і абрады беларусаў» В.Д. Литвинки, «Беларускі народны каляндар» А.Ю. Лозки, «Этнические традиции в духовной культуре белорусов» И.В. Казаковой и др.

«С древних времен человек почтительно относился к силам природы, от которых в значительной степени зависело его благополучие. В мифологическом сознании природные стихии персонифицировались, воспринимались как живые. Им поклонялись и приносили жертвы, к ним обращались с просьбами и ждали от них помощи. Отношения мира природы и мира человека складывались как равноправные и существовали в форме постоянного диалога и взаимообмена, которые обеспечивались выработанными в веках обрядовыми практиками, системами норм поведения и запретов» [1. С. 107].

Сакральным элементом во многих национальных культурах является огонь. Огонь использовался на протяжении всей истории человечества, что позволило включить его в круг наиболее архаичных символов (наряду с такими, как вода и земля). Огонь играет важную роль и в национальных традициях белорусов.

Цель исследования — раскрыть символическое значение огня как важного элемента национальной белорусской культуры.

Обсуждение

С языческих времен белорусы поклонялись огню как посреднику между миром живых и мертвых, оберегали его и одновременно боялись. С одной стороны, огонь воспринимался ими как стихия, несущая свет, тепло, очищение. На нем готовили пищу, он согревал, отпугивал диких зверей, был связан с кузнечным делом. С другой стороны, огонь ассоциировался с силой, несущей разрушение и смерть.

Для древних белорусов огонь являлся первоисточником жизни на земле. В белорусской мифологии существовал бог огня — Жижаль (бел. Жыжаль, Жыж, Жыжа, Жыжак). Предки белорусов верили, что именно он дал огонь людям и этот дар необходимо беречь. Жижаль являлся покровителем ремесел, в особенности кузнечного дела, поэтому для него в кузнице всегда стояла кружка (бел. чарка) меда и лежал кусочек (бел. кавалачак) хлеба. Кузнечное

ремесло — одно из старейших в Беларуси. Сельский кузнец (бел. каваль) пользовался большим почетом и уважением. А подкова (самое популярное изделие кузнеца) до сих пор считается в народной традиции оберегом: если прибить ее над дверью концами вверх, она не пустит зло в дом. Очевидно, что магические свойства подковы непосредственно связаны с процессом ее изготовления, связанного с огнем.

Согласно представлениям древних белорусов, Жижаль жил под землей. Он мог быть «добрым» и извергать из себя огонь, благодаря которому согревалась земля. Но иногда, «разозлившись», он являлся причиной пожаров, в которых гибли люди, животные, леса, поля с урожаем. Для подобных ситуаций у белорусов существовала поговорка: «Жыж уна́дзіўся» (т.е. сделал что-то нежелательное). О навязчивом, докучливом человеке белорусы говорили: «Няўмі́чны, як Жыж». А если у человека появлялось высыпание на губах (бел. во́гнік), использовали выражение «Жы́жка села».

В честь бога Жижалья в белорусском городе Бобруйске ежегодно с 2003 г. проводится Международный пленэр по керамике «Арт-Жыжаль», основными целями которого является «развитие современной белорусской керамики и поддержка творческой молодежи, обогащение белорусского искусства переводным международным опытом и развитие международных культурных связей, обмен духовными и культурными ценностями» (<http://bobruisk.by/peace/>).

Еще со времен язычества люди верили, что огонь выступает посредником между рождающимися и исчезающими формами, т.е. разжигание огня в их сознании отождествлялось с рождением, воскресением, а тушение — со смертью.

Духовное содержание образа огня отражено в мифологии и фольклоре древних славян, где ему соответствует эпитет «живой». «Живой» огонь белорусы добывали древним способом, известным во многих культурах, — трением двух деревянных брусков. Именно «живым» огнем поджигали соломенное чучело на Масленицу и разжигали костры на Купалье. Люди верили, что огонь обладает очистительной силой. Девушки и парни прыгали, держась за руки, через костер, чтобы у них родились красивые и здоровые дети. «Живым» огнем разжигали костры на окраинах деревень, чтобы защитить домашний скот от эпидемий. Примечательно, что огонь, зажженный, к примеру, при помощи спичек, белорусы всегда считали обычным и никогда не использовали в обрядах.

По мнению А.Н. Афанасьева, «народ дает огню эпитет „живой“ и видит в нем, как ясно свидетельствуют различные предания, существо вечно голодное и всепожирающее» [3. С. 75]. Однако огонь воспринимался нашими предками как живое существо, требующее не только «пищи», но и бережного и уважительного отношения к себе. Это послужило, в свою очередь, основой для возникновения целой системы регламентаций поведения по отношению к огню. Например, нельзя было плевать в огонь, так как верили, что рот такого человека покроется гнойниками. Запрещено было заливать огонь водой

или затапывать ногами — он должен был догореть сам. Белорусы никогда не давали огонь или угли из печи чужим людям, так как вместе с ними семьей могли покинуть достаток и благополучие. По поверьям, огонь мог иссушить человека, если тот нарушит запрет. Белорусы в таком случае говорили: «Агонь адмсціца, як яго ўквэліш» [3. С. 59]. Также при переезде было принято переносить в новый дом печные угли из старого жилища. При постройке дома на новом месте «нужно устраивать новый очаг, перевести сюда покровителей-духов, которые привязаны к старому очагу, а для этого необходимо добыть священный огонь и торжественно перенести его из старого очага в новый...» [3. С. 40].

Большое значение белорусы придавали огню в своем жилище. Традиционным объектом, непосредственно связанным с огнем как в русской, так и в белорусской национальной традиции выступает печь, которой в доме отводилось особое место. Не случайно, разжигая в печи огонь, хозяйка произносила: «Встань, царь-огонь! Царю-огню не иметь воли в моем доме, а иметь волю в одной вольной печи».

Печь служила сакральным местом для своеобразных контактов наших предков с потусторонним миром. Например, при приближении грозы в печи закрывали трубу, прикрывали заслонкой огонь, если кто-то уходил из дома (чтобы в пути не было препятствий). В поминальные дни, наоборот, трубу открывали, чтобы впустить в дом души умерших.

Печь являлась настоящим источником жизненной силы. Например, в русской и белорусской традициях существовал обряд перепекания младенца, который заключался в следующем: обмазанного тестом больного ребенка укладывали на хлебную лопату и три раза отправляли в теплую печь, в которой уже не было огня. К обряду перепекания прибегали крайне редко. После этого младенец должен был или умереть, или выздороветь. С этой же целью белорусы бросали в огонь рубашку больного ребенка. На Руси говорили: «Печка греет, печка кормит, печка лечит».

Как у русских, так и у белорусов существовала традиция бросать в печь выпавшие молочные зубы ребенка, чтобы постоянные были крепкими и здоровыми. Белорусы при этом приговаривали: «Мышка, мышка! На табе зуб касцяны, а дай мне жалезны!»

Белорусский этнограф А.Е. Богданович указывал на роль огня как связующего звена при рождении новой семьи: «Огонь в качестве древнего родового пената скрепляет различные родственные союзы. Так, невеста, прибывшая в дом жениха, чтобы „освоиться“ в нем, кланяется очагу и прикасается к нему руками. То же делает и жених, идущий в другую семью» [4. С. 159].

У белорусов существовал древний обряд — жаніцьба кóміна (рус. женьитьба дымохода). Этот обряд проводился осенью и был посвящен первому зажжению огня в доме. Он символизировал начало нового года, своеобразный переход от тяжелой работы в поле к домашним хлопотам. Весной

и летом, когда темнело поздно, дом (бел. хата) не освещали, печи не топили, а еду готовили на костре во дворе. С особой радостью белорусы зажигали после длительного перерыва огонь в хате — своеобразный семейный очаг. Этот старинный праздник белорусский народ донес практически до наших дней.

В начале февраля белорусы отмечают особый праздник очищения с помощью огня — грамніцы (рус. громніцы). По мнению некоторых исследователей, громничная свеча пользовалась особым почитанием среди белорусов: «она стала олицетворением „живого“ огня и была наделена магической и охранительной функцией» [5. С. 213]. Существовал особый день, когда освящали громничные свечи, — 15 февраля (2 февраля по старому стилю). Такую свечу должен был по традиции изготовить хозяин дома в последнюю субботу перед праздником. Когда семья возвращалась из церкви, наступал черед обряда «агністага крыжавання», который заключался в выжигании небольшой пряди волос крест-накрест у всех представителей семьи. Аналогичные действия проводились и с домашними животными: им тоже выжигали крестики на шерсти. Это делалось для того, чтобы уберечь всех домочадцев от нечистой силы, а также от зависти и дурного глаза. В конце обряда хозяин простукивал свечой стены и потолки дома, хозяйственных построек. Свеча хранилась в укромном месте в дальнем углу дома до следующих грамниц. Доставать ее могли только по очень важному поводу. Например, ее обязательно брали с собой во время сватовства или зажигали при рождении нового члена семьи. Воск свечи наделяли целебной силой и давали больным в качестве лекарства. Согласно поверьям, «во время грозы рекомендовалось зажечь большую громничную свечу и поставить на подоконник с той стороны, откуда надвигается туча, чтобы обезопасить свой дом» [4. С. 33]. Громничную свечу приносили человеку перед смертью, чтобы облегчить его страдания при уходе в иной мир. Свеча обязательно стояла в углу в белорусском доме и в поминальные дни, что указывает на тесную связь культа огня с культом предков.

Следует отметить, что белорусы всегда с особым почтением относились к предкам, что выражается в их специфических представлениях о загробной жизни. Так, в древности у них существовал бог священного погребального огня — Зніч. В белорусском фольклоре также упоминается Знічка («блуждающий огонь, падающая звезда»), чей полет означает чью-то смерть. Наши предки верили, что осенью вместе с перелетными птицами души умерших улетали в в́рай (древнее белорусское название рая), а весной возвращались.

До сих пор у белорусов сохранились праздники, связанные с культом предков. Один из них — дзяды (рус. деды). Дзяды отмечаются несколько раз в году, но самые главные — в ноябре, в родительскую субботу. В этот день белорусы готовят особые блюда (кутью, блины, клецки). Как говорили наши предки, «на дзяды многа яды». Для духов умерших всегда стоит отдельная посуда с угощениями. Хозяин дома со свечой в руках должен обойти праздничный стол, а потом открыть все двери и окна и позвать предков (дедов)

на ужин: «Святыя дзяды, клічам вас, ідзіце да нас. Тут ёсць усё, што Бог даў, чым багаты дом». По окончании трапезы хозяин произносит молитву, а потом тушит свечу. При этом ему необходимо проводить души умерших предков такими словами: «Святыя дзяды, паелі, папілі, гонар і слава вам. Скажыце, што вам трэба, а лепш ляціце на неба». Еду оставляли на поминальном столе на ночь, а утром следующего дня остатки пищи раздавали бедным или кормили ими птиц. Следует отметить, что этот ритуал в архаичной форме сохранился только у белорусов. «Восеньскія дзяды» (рус. осенние деды) отмечаются в стране ежегодно 2 ноября как День памяти, официально установленный указом президента Республики Беларусь в 1998 г.

Существовал еще один белорусский обряд, который воспринимался как форма общения с умершими предками. Если в семье умирал человек, за гробом несли глиняный горшок с горячими углями из печи, которые брали в доме умершего. После похорон горшочек переворачивали и оставляли на могиле. Это так называемый белорусский обряд «грэць нябóжчыка» (греть покойника) [6. С. 18]. Отголоски подобного обряда сохранялись и в русской традиции вплоть до XX в. Например, на Рождество хозяин утром брал горшок с огнем, солону и отправлялся на огород. Там он три раза кланялся на восток, зажигал солону с ладаном и произносил: «Ты, святой ладанок и серенький дымок, несись на небо, поклонись моим родителям, расскажи им, как все мы здесь живем» [7. С. 180].

Архаичные представления об огне как посреднике между миром живых и мертвых нашли свое воплощение в русском фольклоре, в частности в образах огненной реки или моря. А у белорусов существовал обычай после приготовления пищи класть в печь в один ряд поленья, по которым, как считалось, на том свете можно перейти через огненную реку или канаву с кипящей смолой [8. С. 181].

Огонь играет важную роль и в белорусском народном празднике Купáла (Купáлле), который отмечается в ночь с 6 на 7 июля. Происхождение слова «купала» восходит к индоевропейскому корню *cup (‘кипеть, пламенно гореть’), что указывает на связь обряда с огнем, представленным на празднике костром, огненным колесом, пылающей папараць-квёткай (рус. цветок папоротника). Купальский костер олицетворял собой Солнце и наделялся силой давать богатый урожай и прогонять смерть. Не прийти на Купалле считалось грехом. Через костер молодежь прыгала парами, что было связано с верой в очистительную силу огня и с ритуалом, призванным дать потомство будущей семье. Существовало поверье: если во время прыжка руки молодых не разойдутся — быть свадьбе, а разойдутся — не судьба. Также считалось, что если кинуть в костер рубашку больного ребенка, то вместе с одеждой сгорят и все его болезни. Вообще белорусы часто бросали в огонь все старое и ненужное и при этом просили нового хлеба, льна, приплода у домашних животных.

Заключение

Таким образом, символика огня в традиционной белорусской культуре занимает важное место. Ярко выражена основная черта данного символа — его амбивалентность. Огонь в сознании белорусов — стихия, приносящая больше пользы, чем вреда. Отсюда уважительное к нему отношение. Также в белорусской культуре культ огня неразрывно связан с культом предков.

Тесная взаимосвязь белорусских традиций представляет собой своеобразный социокультурный комплекс, который практически не претерпел изменений на протяжении своего существования. Это означает, что белорусская культура фактически не утратила своих уникальных черт.

Традиционная белорусская культура является важнейшим ресурсом для формирования и развития национального самосознания. Национальные обычаи и обряды, связанные с культом огня, объединяют и укрепляют семью, общество, служат важным механизмом передачи уникальных традиций, морально-этических норм и принципов от старшего поколения к младшему.

Список литературы

1. Гринберг С.А. Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
2. Афанасьев А.Н. Древо жизни. М.: Современник, 1983.
3. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ, артыкул і камент. М.Я. Грынבלата / рэд. А.С. Федосік. Кн. 1. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
4. Серзпатовский А.К. Очерки Белоруссии. Добывание огня // Живая старина, 1909. Кн. 69.
5. Бандарчык В.К. Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. Мінск: Навука і тэхніка, 1964.
6. Котович О., Крук И. Золотые правила народной культуры. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2011.
7. Санько С. і інш. Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. 2-е выд., дап. Мн.: Беларусь, 2006.
8. Русская мифология: энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.

References

1. Grinberg, S.A. 2011. Belarusian-Russian artistic bilingualism in cognitive-discursive and linguoculturological aspects: dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 10.02.20. Moscow. Print. (In Russ.). <http://bobruisk.by/peace/>.
2. Afanasyev, A.N. 1983. Tree of life. Moscow : Sovremennik publ. Print. (In Russ.).
3. Proverbs and sayings in two books / comp., systematization of texts, introduction, article and comment / M.Ya. Greenblatt; ed. A.S. Fedosik. Book 1. 1976. Minsk : Science and Technology publ. Print. (In Beloruss.).
4. Serzhpotovskiy, A.K. 1909. Essays on Belarus. Making fire. Book. 69. Zhivaya starina publ. Print. (In Russ.).
5. Bondarchyk, V.K. History of Belarusian ethnography of the 19th century. 1964. Minsk: Navuka i tehnika publ. Print. (In Beloruss.).
6. Kotovich, O., Kruk, I. Golden rules of folk culture. 2011. Minsk : Adukatsyya i vykhavanne publ. Print. (In Russ.).

7. Sanko S. et al. *Belarusian mythology: encyclopedia. vocabulary. 2nd ed., supplement.* 2006. Minsk : Belarus publ. Print. (In Beloruss.).
8. *Russian mythology: encyclopedia.* 2007. Moscow : Eksmo publ.; St. Petersburg : Midgard publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Гринберг Светлана Александровна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков, доцент, Витебская государственная академия ветеринарной медицины. E-mail: s_grinberg@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-7584-9402

eLibrary SPIN-code: 5502-8367

Bio Note:

Svetlana A. Grinberg is a PhD in Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, Associate Professor, Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine. E-mail: s_grinberg@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-7584-9402

eLibrary SPIN-code: 5502-8367

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-636-649

EDN: MHQNLV

Научная статья

Морфологические особенности русской речи двух поколений билингов и монолингов

А.П. Беляева , Л.В. Московкин , А.С. Цховребов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
 Alanec1985@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — анализ морфологических особенностей русской речи двух поколений русско-немецких билингов, проживающих в Германии, и русских монолингов, проживающих в России. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения состояния русского языка за рубежом, его сохранения и развития. В исследовании приняли участие четыре группы информантов: 22 взрослых билинга, 26 их детей, 19 взрослых монолингов, 23 их ребенка. Возраст родителей — 35–50 лет, возраст детей — 10–15 лет. Материалом исследования послужили транскрипты аудиозаписей устных рассказов по картинкам из книги М. Майера «Лягушка: где ты?». Методы исследования: метод направленной выборки, описательный метод, метод систематизации, статистический и сравнительный методы. Отклонения от морфологических норм группировались по двум структурным типам: 1) отклонения от норм построения словоформ; 2) отклонения от норм выбора словоформ. В ходе исследования определено среднее количество отклонений от морфологических норм в рассказах четырех групп информантов. Установлено, что в семьях, стремящихся сохранить русский язык в условиях эмиграции, морфологическая система остается относительно стабильной. При этом средняя доля отклонений от морфологических норм в речи билингов выше, чем в речи монолингов, и в речи детей выше, чем в речи их родителей. Определены средние значения количества типичных отклонений от норм в каждой из групп. Выявлена неоднородность количества отклонений от норм у отдельных представителей каждой из групп информантов. Установлено, что в одних семьях сохраняются нормы литературного языка и не выявлено влияния немецкого языка, в других в основном употребляются просторечные формы и обороты, а некоторые отклонения от морфологических норм могут быть вызваны межъязыковой интерференцией. Следует отметить, что наибольшую трудность для всех носителей русского языка представляют нормы употребления падежных форм и предложно-падежных сочетаний. Общий характер морфологических отклонений позволяет говорить о том, что у обеих категорий информантов предложно-падежная система является наименее стабильным участком морфологической системы русского языка.

© Беляева А.П., Московкин Л.В., Цховребов А.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: русский язык, морфологические особенности, речь билингов, речь монолингвов, речь родителей, речь детей

История статьи: поступила в редакцию 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-48-04401.

Для цитирования: *Беляева А.П., Московкин Л.В., Цховребов А.С.* Морфологические особенности русской речи двух поколений билингов и монолингвов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 636–649. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-636-649>

Research Article

Morphological Features of Russian Speech of Two Generations of Bilinguals and Monolinguals

Anastasia P. Belyaeva , Leonid V. Moskovkin , Alan S. Tskhovrebov

Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Lane, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
 Alanec1985@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze the morphological features of the Russian speech of two generations of Russian-German bilinguals living in Germany and Russian monolinguals living in Russia. The relevance of this study is due to the need to study the state of the Russian language abroad, its preservation and development. Four groups of informants took part in the study: 22 bilingual adults, 26 their children, 19 monolingual adults, 23 their children. The age of the parents is 35–50 years, the age of the children is 10–15 years. The material of the study was transcripts of audio recordings of oral stories based on pictures from the book by M. Mayer “Frog: where are you?”. Research methods are directed sampling, descriptive, systematization, statistical and comparative. Deviations from morphological norms were grouped into two structural types: 1) deviations from the norms of constructing word forms; 2) deviations from the norms of the choice of word forms. The study determined the average number of deviations from morphological norms in the stories of four groups of informants. It was found that in families seeking to preserve the Russian language in conditions of emigration, the morphological system remains relatively stable. At the same time, the average proportion of deviations from morphological norms in the speech of bilinguals is higher than in the speech of monolinguals, and in the speech of children is higher than in the speech of their parents. The average values of the number of typical deviations from the norms in each of the groups were determined. The heterogeneity of the number of deviations from the norms in individual representatives of each of the groups of informants was revealed. It is established that in some families the literary language is preserved, and the influence of the German language is not revealed, in others the vernacular is the means of communication, and some deviations from morphological norms may be caused by interlanguage interference. It should be noted that the greatest difficulty for all native speakers of the Russian language is the norms of the use of case forms and prepositional-case.

Key words: Russian language, morphological features, bilingual speech, monolingual speech, parents' speech, children's speech

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation in the framework of the scientific project № 21-48-04401.

For citation: Belyaeva, A.P., L.V. Moskovkin, and A.S. Tskhovrebov. 2023. "Morphological Features of Russian Speech of Two Generations of Bilinguals and Monolinguals". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 636–649. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-636-649>

Введение

Анализ морфологических особенностей занимает важное место в исследованиях речи, так как понимание их актуальных качественных параметров дает возможность выдвигать гипотезы о специфике той или иной разновидности языка в целом¹. Так, в работах петербургской научной школы онтолингвистики анализировались морфологические особенности детской речи [1–3]. В проводившихся с 1970-х гг. в США исследованиях речевых ошибок инофонов, изучающих английский как второй язык, также немало работ было посвящено изучению отклонений от морфологических норм [4–6]. Эти исследования привели к выявлению типологии ошибок и к выдвиганию гипотезы естественного порядка овладения вторым языком, доказательством которой выступали данные о наиболее частой последовательности усвоения морфологических явлений.

Изучаются и морфологические особенности русской речи билингов. В ряде работ рассматриваются отклонения от норм построения или выбора словоформ в русской речи нерусских детей, проживающих в России [7–10]. Эти отклонения описываются, анализируются и классифицируются (в основном по категориальному признаку), выявляются факторы, влияющие на их возникновение. Существуют также работы, посвященные анализу морфологических особенностей речи носителей унаследованного русского языка — детей русскоязычных эмигрантов в зарубежных странах. Они затрагивают в основном категории имени и глагола: рода [11–13], склонения [14], вида и времени [15–18]. Унаследованный язык, будучи первым языком билингов, испытывает влияние доминирующего языка в стране их проживания. В их речи отмечаются случаи аттриции (утраты) элементов первого

¹ Под морфологическими особенностями понимаются отклонения от норм употребления частей речи, главным образом изменяемых, т.е. отклонения от норм выбора или построения словоформ существительных, прилагательных, числительных, местоимений и глаголов.

языка, которые в целом свидетельствуют о языковых изменениях в условиях диаспоры. Данные о подробного рода изменениях учитывались в ходе настоящего исследования.

Сравнительные исследования морфологических особенностей речи двух поколений русско-немецких билингвов, проживающих в Германии, и русских монолингвов, проживающих в России, ранее не проводились. Результаты такого исследования представлены в настоящей статье.

Цель, материал и методы

Цель исследования — выявление морфологических особенностей русской речи двух поколений русско-немецких билингвов, проживающих в Германии, и русских монолингвов, проживающих в России.

Информантами выступили 48 билингвов, живущих в Германии (22 взрослых и 26 детей), и 42 монолингва, проживающих в России (19 взрослых и 23 детей) — всего 4 группы информантов. Возраст взрослых информантов — 35–50 лет, детей — 10–15 лет. Взрослые билингвы прибыли в Германию в 1990–2010-х гг. в возрасте 23–36 лет и проживают там от 7 до 18 лет. В группе детей-билингвов 21 человек (большинство) родились в Германии в земле Северный Рейн — Вестфалия, 5 человек прибыли туда в дошкольном возрасте (от 1 года до 7 лет). Все дети-билингвы владеют русским и немецким языками, обучаются в немецких гимназиях, изучают английский язык, посещают или посещали субботние или воскресные русские школы. В семьях билингвов родители заинтересованы в том, чтобы их дети сохраняли русский язык. Возрастные особенности групп монолингвов, выступивших в качестве контрольных групп, полностью соответствовали возрастным особенностям билингвов.

Материалом исследования явились транскрипты аудиозаписей устных рассказов по картинкам из книги М. Майера «Лягушка: где ты?»², которая традиционно используется в исследованиях билингвизма для сбора речевого материала. Это небольшая книга без слов, содержащая 24 иллюстрации о приключениях мальчика и его собаки, которые ищут убежавшую от них лягушку. Информантам предлагалось просмотреть картинки, составить и предъявить устный связный текст (рассказ).

Рассказы билингвов были записаны на диктофон Roland 05 в формате Wave в 2021 и 2023 гг. в г. Бохум (Германия, земля Северный Рейн — Вестфалия), рассказы монолингвов — в 2022 г. в Санкт-Петербурге. Каждой группе информантов был присвоен индекс: билингвы-родители (БР), билингвы-дети (БД), монолингвы-родители (МР), монолингвы-дети (МД).

² *Mayer M. Frog, Where Are You?* New York: Penguin Young Readers Group. 1969.

Номер, идущий с индексом, например, БД-14, обозначает номер семьи в порядке их записей. Если были записаны рассказы обоих родителей или двух детей, это также отражалось в индексе, например: БД-16-1, БД-16-2.

Методы исследования: метод направленной выборки, описательный метод, метод систематизации, статистический и сравнительный методы. Выявленные отклонения от морфологических норм группировались по двум структурным типам: 1) отклонения от норм построения словоформ; 2) отклонения от норм выбора словоформ. Среди отклонений от норм выбора словоформ различались отклонения от норм употребления падежных форм, предложно-падежных конструкций и видов глагола. В ходе анализа высчитывалась доля отклонений от морфологических норм в транскрипте каждого информанта (за 100 % принималось количество слов в тексте), затем вычислялось среднее значение по каждой категории.

Результаты

Всего в 90 транскриптах было выявлено 88 отклонений от морфологических норм. Они встречаются в речи всех четырех групп информантов, что говорит о значимости специального изучения речи не только билингвов, но и монолингвов, не только детей, но и их родителей. Эти отклонения отражают особенности речевого онтогенеза носителей русского языка в России и в Германии.

Установлено, что средняя доля отклонений от морфологических норм в речи билингвов выше, чем в речи монолингвов, и в речи детей выше, чем в речи их родителей. Эта закономерность отражается в каждой из рассмотренных структурных групп отклонений.

Количество отклонений у отдельных представителей четырех групп информантов неоднородно. В каждой из этих групп имеются, с одной стороны, транскрипты, в которых не отмечено никаких отклонений от морфологических норм, с другой стороны, транскрипты, в которых доля таких отклонений превышает средние значения. Таким образом, одни дети-билингвы строят рассказы по картинкам на литературном языке, другие в своих рассказах используют просторечные формы и обороты.

Среди типичных отклонений от морфологических норм отмечены отклонения в построении словоформ, употреблении падежных форм, предложно-падежных сочетаний и видов глаголов. Наибольшую трудность для всех групп информантов представляют нормы употребления падежных форм и предложно-падежных сочетаний. Для некоторых детей-билингвов оказывается трудным и усвоение видов глагола. У отдельных представителей этой группы информантов видо-временная система или изначально не была усвоена, или была усвоена, но в дальнейшем частично разрушена под влиянием немецкого языка.

В рассказах информантов всех групп отклонения от норм употребления падежных форм связаны не только с давлением языковой системы (термин С.Н. Цейтлин), но и с неполным усвоением категорий рода, числа, одушевленности / неодушевленности.

Обсуждение

Средние значения отклонений от морфологических норм в рассказах четырех группах информантов представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Морфологические единицы в рассказах информантов, соответствующие и не соответствующие нормам литературного языка (средние значения, %) / Morphological units in informants' stories that correspond and do not correspond to the norms of the literary language (average values, %)

Категория информантов / Category of informants	Морфологические единицы, соответствующие нормам литературного языка / Morphological units corresponding to the norms of the literary language	Морфологические единицы, не соответствующие нормам литературного языка / Morphological units do not corresponding to the norms of the literary language
Билингвы-родители / Bilingual parents	99,28	0,72
Билингвы-дети / Bilingual children	98,31	1,69
Монолингвы-родители / Monolingual parents	99,57	0,43
Монолингвы-дети / Monolingual children	99,23	0,77

Данные таблицы говорят о том, что средняя доля отклонений от морфологических норм в речи билингвов выше, чем в речи монолингвов (у взрослых в 1,67 раза, у детей в 3,84 раза), и в речи детей выше, чем в речи их родителей (у билингвов в 2,19 раза, у монолингвов в 1,79 раза).

Рассмотрим наиболее типичные отклонения от морфологических норм в рассказах четырех групп информантов в соответствии с установленными нами структурными типами.

Отклонения от норм построения словоформ

Эти отклонения от норм можно назвать собственно морфологическими, так как они свидетельствуют о нарушении правил построения словоформ. Они характерны для детской речи [1], однако встречаются

и в рассказах билингов — как детей, так и взрослых. Среди них встречаются словоформы, характерные для носителей просторечия, например: *лягушки не лязуют по деревьям* // (БР-20) или притяжательное местоимение *ихний*, встречающееся в большом количестве примеров и возникающее из-за выравнивания парадигмы по аналогии с местоимениями *мой, твой, наш, ваш*: *после этого они взяли с собой маленькую лягушку / как видно / сына ихнего нового друга* (БД-16-2). Эти просторечные формы описываются в работе Ф.П. Сергеева среди типичных морфологических ошибок, допускаемых русскоязычными учащимися российских школ. Приводятся сходные примеры: *Из нор вылазиют грызуны. Ихние взгляды нам не нравятся* [19. С. 30].

В исследуемом материале большая часть примеров отклонений от норм построения словоформ содержится в транскриптах детей-билингвов и включает, прежде всего, окказиональные формы глагола: *они ищат лягушку* // (БД-12); *они выходят на улицу и ходят / и ищат как бы эту лягушку* // (БД-21); *и после этого / они вижут семь маленьких лягушек* // (БД-12); *потом из стекла ночью / когда мальчик и собака заснули / лягушка выпалзывает* // (БД-21); их появление также обусловлено правилом выравнивания парадигм.

Это же правило действует и в примере: *выпрыгнули их ребёнки / ребя / детки* // (БД-3). Сначала была употреблена форма *ребёнки* (выравнивание по продуктивной модели образования множественного числа существительных от единственного числа с прибавлением флексии *-и*, затем информант попытался образовать форму *ребята* по аналогии с продуктивной моделью по типу существительных с суффиксом *-ёнок* (*котёнок — котята, жеребёнок — жеребята*), но после самокоррекции он выбрал форму множественного числа *детки*.

Еще один интересный пример связан с построением формы винительного падежа количественного числительного *один*: *потом мальчику и собачке дали одно / одно / одновово ребёнка* // (БД-13). В данном случае, скорее всего, имеет место гиперкоррекция.

Кроме того, обращает на себя внимание выявленный в рассказе родителя-билингва, выходца из Луганска, пример аналитической глагольной формы *был собрался*: *мальчик был быстро собрался / надел единственные свои сапоги / и вышел в лес с собачкой искать лягушку* // (БР-15). Подобные формы, представляющие «русский плюсквамперфект», были характерны для древнерусского языка, а в наши дни сохраняются только в отдельных говорах в Белоруссии и в Архангельской области [20]. Однако в данном случае нельзя исключать и влияния аналитических конструкций немецкого языка.

Отклонения от норм построения словоформ намного реже встречаются в транскриптах детей-монолингвов, родителей-билингвов

и родителей-монолингвов: *и один из этих лягушонок / так / лягушонков / так подружился с мальчиком и его собакой // (БР-11-2); после из камышов / вылезло их целое большое семейство // (МР-11-2).*

Отклонения от норм выбора словоформ

Эти отклонения от норм относятся к сфере морфосинтаксиса, так как употребление одной словоформы вместо другой вызывает нарушение правил построения синтаксических единиц — словосочетания и предложения. Однако они обусловлены неполным усвоением информантами грамматических категорий, например, в области имени существительного категорий рода, числа, склонения, одушевленности / неодушевленности, поэтому специалисты [7; 19; 21] считают эти отклонения от норм морфологическими³.

Отклонения от норм употребления падежных форм

В исследуемом материале отмечены случаи неверного выбора падежной формы существительного в глагольно-именных словосочетаниях.

В рассказах информантов выявлены примеры употребления

– винительного падежа вместо предложного *мальчик пошел искать в дупло // (БД-1); мальчик искал лягушку в дупло // (МД-10-2);*

– дательного падежа вместо предложного: *искали / искали / в дуплу // (БД-3-1)*, что может быть также связано с влиянием форм предложного падежа на -у: *в саду, в лесу;*

– винительного вместо родительного: *поискал в дереве / но там тоже не было лягушку // (БД-15-1);*

– винительного вместо дательного: *решил собаку сказать ей / чтоб она была тихой // (МД-13-2);*

– творительного и винительного падежей вместо дательного: *радовались своей новой находкой / и своего нового друга // (БД-16-2)* и т.д.

Замена одной падежной формы другой в данных случаях может быть объяснена коммуникативным фактором: выбором словоформы, более употребительной в речи информантов. Так, выбор винительного падежа может быть обусловлен большей употребительностью этой формы. Однако замена родительного падежа винительным в примере *там тоже не было лягушку* может быть объяснена и дополнительным фактором — влиянием немецкого

³ См. определение морфологических ошибок в работе Ф.П. Сергеева: «Морфологические ошибки — это всякого рода отступления от норм образования и употребления форм слов, вызываемые недостаточным владением морфологическими нормами литературного языка» [19. С. 28].

языка, в котором отсутствует правило употребления родительного падежа в отрицательных конструкциях с глаголом *быть*.

В рассказах всех четырех групп информантов наблюдаются отклонения от норм употребления падежных форм, связанные с категорией одушевленности / неодушевленности. Так, например, в рассказах билингов выявлены примеры: *мальчик нашел два лягушки* // (БД-1); *мальчик увидел две лягушки* // (БР-20). В данных случаях можно было бы предполагать возможное влияние немецкого языка, тем более что в первом примере числительное мужского рода *два* указывает на представление информанта о том, что слово *лягушка* в русском языке относится к мужскому роду, как и в немецком (*der Frosch*). Однако это предположение полностью не подтверждается, так как аналогичные примеры обнаружены и в транскриптах рассказов монолингов: *они увидели там две лягушки* // (МД-5); *увидели там две больших лягушки* (МД-7-2); *увидели там две лягушки* (МР-10-2); *там обнаружил две лягушки* (МР-14).

Отклонения от норм употребления подобных сочетаний числительных с одушевленными существительными характерны для разговорной речи. В исследуемом же материале их количество незначительно, что говорит о стремлении информантов строить свои нарративы, используя литературный язык. Об этом же свидетельствует и пример самокоррекции в речи ребенка-билингва: *мальчик с собачкой увидели две другие / других лягушек* // (БД-9).

Нарушение норм употребления падежных форм может быть связано с неполным усвоением категорий рода и числа, проявляющимся при согласовании определения и определяемого слова. Так, в рассказах детей-билингов отмечены примеры, когда при полном согласовании зависимый компонент согласуется с главным не во всех имеющихся категориях (рода, числа, падежа): *мальчик взял одно маленькое лягушат* // (БД-7); *в какой-то ночь / он поймал лягушку* // (БД-13). В данных примерах нарушается согласование в роде, а в первом примере еще и в числе. Подобные отклонения были зафиксированы и в речи родителей-билингов и детей-монолингов: *он решил взять своего любимую лягушечку* // (БР-19), а также детей-монолингов: *они полезли вместе со своим собачкой вниз* // (МД-13-1).

Отклонения от норм употребления предложно-падежных сочетаний

Возможно, было бы логично рассматривать отклонения от норм употребления предложно-падежных сочетаний вместе с отклонениями от норм употребления падежных форм, однако предлог, будучи грамматическим формантом, одновременно является и словом, и отклонения от норм употребления предлогов в структурном отношении во многом сходны с отклонениями от норм употребления знаменательных слов. Так, среди них встречаются случаи замен, отсутствия и вставок предлогов:

– замены предлогов: *там ещё такой маленький крот / в картинке внизу* // (БД-1); *в картинке тоже нарисован улей* // (БД-6); *мальчик и собака / пошли искать на дупле* // (БД-2);

– вставки лишнего предлога: *стоят большие сапоги / думаю / от взрослого* //; *думаю / это дети от мужской лягушки / и женской лягушки* // (БД-6); *он сказал от собаке / чтоб она была / чтоб тише была* // (БД-14); *собачка так сильно трясла на дереве* // (БД-16-2);

– отсутствие предлогов: *следующей картинке / видно мальчика* // (БД-6); *пёсик смотрел банку на лягушку* // (МД-15).

Указанные отклонения от норм имеют место в рассказах детей-билингвов, однако отдельные единичные примеры встречаются и в рассказах монолингвов. Случаи смешения предлогов *в* и *на* с предложным и винительным падежами характерны не только для билингвов, но и для всех иностранцев, изучающих русский язык. Существующее в русском языке разграничение конструкций с данными предлогами отсутствует в других языках, что и является причиной отклонений от норм. С.Н. Цейтлин отмечает их и среди ошибок учащихся российских школ [21]. Наличие таких отклонений в речи детей-билингвов, носителей унаследованного русского языка, может быть вызвано влиянием немецкого языка, как и вставка предлога *от* в конструкции *сапоги от взрослого*. В аналогичной конструкции в немецком языке используется предлог *von* (например, *von einem Erwachsenen*). Отсутствие предлога, скорее всего, связано с неуверенностью в правильности его выбора.

Отклонения от норм употребления видо-временных форм

В ходе анализа материала были выявлены примеры отклонений от норм употребления видо-временных форм. В рассказах детей-билингвов таких примеров не очень много, и это исключительно замены глаголов совершенного глаголами несовершенного вида: *он собаку с собой брал* // (БД-1); *потом мы дошли / доплыли до дерева свалившего / перелезли его / и видели две лягушки* // (БД-11-1). Вызывает у них затруднение и употребление однонаправленных и разнонаправленных глаголов движения: *собачка смотрит на улей, где летят много пчёл* (БД-8).

В транскриптах обеих групп монолингвов, а также родителей-билингвов подобные отклонения почти не встречаются, что коррелирует с данными С.Н. Цейтлин о том, носители русского языка в отличие от инофонов усваивают категорию глагольного вида в раннем детстве [8]. В этом смысле речь некоторых детей-билингвов сближается с речью инофонов, изучающих русский язык. При этом в исследуемом материале обнаружен пример проявления неуверенности родителя-монолингва в правильности выбора вида глагола: *он попросил разрешения у мамы с папой / взя / брать одного лягушонка к себе домой* // (МР-15).

В таблице 2 представлены обобщенные данные анализа отклонений от морфологических норм в рассказах информантов по выделенным группам.

Таблица 2 / Table 2

Разновидности отклонений от морфологических норм в рассказах четырех групп информантов (средние значения, в %) / Types of deviations from morphological norms in the stories of four groups of informants (average values, %)

Тип отклонения / Type of deviations	Родители-билингвы / Bilingual parents	Дети-билингвы / Bilingual children	Родители-монолингвы / Monolingual parents	Дети-монолингвы / Monolingual children
Отклонения от норм построения словоформ / Deviations from the norms of word form construction	0,08	0,18	0,04	0,12
Отклонения от норм употребления падежных форм / Deviations from the norms of using case forms	0,38	0,63	0,24	0,38
Отклонения от норм употребления предложно-падежных сочетаний / Deviations from the norms of using prepositional-case combinations	0,22	0,56	0,07	0,17
Отклонения от норм употребления видовременных форм / Deviations from the norms of using tense forms	0,00	0,20	0,00	0,00
Другие единичные случаи отклонений от морфологических норм / Other isolated cases of deviations from morphological norms	0,04	0,12	0,08	0,10
Общее число отклонений / Total number of deviations	0,72	1,69	0,43	0,77

Заключение

Количество отклонений от морфологических норм в рассказах взрослых билингвов, переселившихся в Германию в 1990–2010-х гг., и их детей в возрасте 10–15 лет в целом незначительно. Это означает, что в семьях, стремящихся сохранить русский язык в условиях эмиграции, морфологическая система остается относительно стабильной. Вместе с тем у представителей каждой из групп информантов, включая и группы монолингвов, количество отклонений от морфологических норм различно. В одних семьях сохраняется

литературный язык и не выявлено влияния немецкого языка, в других используются просторечные формы и обороты. Некоторые отклонения от морфологических норм могут быть вызваны межъязыковой интерференцией. Именно в семьях второго типа проявляются морфологические особенности речи билингов, среди которых большая часть — отклонения от норм употребления падежных форм и предлогов. При этом подобные явления, включая элементы просторечия, имеют место и в рассказах монолингов, проживающих в России, что говорит об их общем характере и о том, что предложно-падежная система является наименее стабильным участком морфологической системы русского языка.

Список литературы

1. *Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
2. *Воейкова М.Д.* Становление имени: ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: ЯСК, 2015.
3. *Гагарина Н.В.* Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008.
4. *Dulay H., Burt M.* Should we teach children syntax? // *Language Learning*. 1973. No. 23. Pp. 245–258.
5. *Bailey K., Madden C., Krashen S.* Is there a “natural sequence” in adult second language learning? // *Language Learning*. 1974. No. 21. Pp. 235–243.
6. *Larsen-Freeman D.* An explanation for the morpheme acquisition order of second language learners // *Language Learning*. 1976. No. 26. Pp. 125–134.
7. *Панов М.В.* Работа над морфологическими ошибками // *Фонетические, морфологические и синтаксические ошибки в русской речи учащихся национальных школ*. М., 1989. С. 42–100.
8. *Цейтлин С.Н.* Грамматические ошибки в освоении русского языка как первого и как второго // *Вопросы психолингвистики*. 2009. № 9. С. 43–53.
9. *Ахнина К.В.* Грамматические ошибки студентов-билингвов в медицинском дискурсе // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. 2015. № 5. С. 145–148.
10. *Крутикова А.Ю.* Интерференционные морфологические ошибки в речи русско-таджикских билингвов // *Наука и образование сегодня*. 2021. № 4 (63). С. 64–68.
11. *Polinsky M.* Gender under incomplete acquisition: Heritage speakers’ knowledge of noun categorization // *Heritage Language Journal*. 2008. Vol. 6. No. 1. Pp. 40–71.
12. *Laleko O.* What is difficult about grammatical gender? Evidence from heritage Russian // *Journal of Language Contact*. 2018. No. 11 (2). Pp. 233–267.
13. *Lemmerth N., Hopp H.* Gender processing in simultaneous and successive bilingual children: Cross-linguistic lexical and syntactic influences // *Language Acquisition*. 2019. Vol. 26. No. 1. Pp. 21–45.
14. *Janssen B.E.* The acquisition of gender and case in Polish and Russian: A study of monolingual and bilingual children. Thesis. Amsterdam: Pegasus, 2016.
15. *Anstatt T.* Aspect and tense in storytelling by Russian, German and bilingual children // *Russian Linguistics*. 2008. No. 32. Pp. 1–26.
16. *Anstatt T.* Aspektfehler im russischen mono- und bilingualer kinder // *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008*. München: Sagner, 2008. Pp. 13–25.
17. *Laleko O.* Restructuring of Verbal Aspect in Heritage Russian: Beyond Lexicalization // *International Journal of Language Studies*. 2011. No. 5.3. Pp. 13–26.

18. *Mikhailova A.* Interaction of Aspectual Morphology in L2 and Heritage Russian // Granena G. et al. (eds.) Selected Proceedings of the 2010 Second Language Research Forum. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2011. Pp. 63–77.
19. *Сергеев Ф.П.* Речевые ошибки и их предупреждение. Волгоград: Учитель, 2010.
20. *Сичинава Д.В.* Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 30–57.
21. *Цейтлин С.Н.* Речевые ошибки и их предупреждение. М.: Либроком, 1997.

References

1. Tseitlin, S.N. 2009. Essays on word formation and form formation in children's speech. Moscow: Znak publ. Print. (In Russ.).
2. Voeikova, M.D. 2015. Formation of a name: early stages of mastering the nominal morphology of the Russian language by children. Moscow: YaSK: Foundation for the Development of Fundamental Linguistic Research. Print. (In Russ.).
3. Gagarina, N.V. 2008. Formation of grammatical categories of the Russian verb in children's speech. St. Petersburg: Nauka publ. Print. (In Russ.).
4. Dulay, H., and M. Burt. 1973. Should we teach children syntax? *Language Learning* 23: 245–258.
5. Bailey, K., Madden, C., Krashen, S. 1974. Is there a "natural sequence" in adult second language learning? *Language Learning* 21: 235–243.
6. Larsen-Freeman, D. 1976. An explanation for the morpheme acquisition order of second language learners. *Language Learning* 26: 125–134.
7. Panov, M.V. 1989. Work on morphological errors. In Panov, M.V., Sukunov, Kh.Kh., Ekba, N.B. Phonetic, morphological and syntactical errors in the Russian speech of students of national schools. Moscow: Research Institute of National Schools of the Ministry of Education of the RSFSR. Pp. 42–110. (In Russ.).
8. Tseitlin, S.N. 2009. Grammatical errors in the development of the Russian language as a first and as a second. *Questions of psycholinguistics* 9; 43–53. (In Russ.).
9. Akhnina, K.V. 2015. Grammatical errors of bilingual students in medical discourse. *Polylinguality and transcultural practices* 5: 145–148. (In Russ.).
10. Krutikova, A.Yu. 2021. Interference morphological errors in the speech of Russian-Tajik bilinguals. *Science and education today* 4 (63): 64–68. (In Russ.).
11. Polinsky, M. 2008. Gender under incomplete acquisition: Heritage speakers' knowledge of noun categorization. *Heritage Language Journal* 69 (1): 40–71.
12. Laleko, O. 2018. What is difficult about grammatical gender? Evidence from heritage Russian. *Journal of Language Contact* 11 (2): 233–267.
13. Lemmerth, N., Hopp, H. 2019. Gender processing in simultaneous and successive bilingual children: Cross-linguistic lexical and syntactic influences. *Language Acquisition* 26 (1): 21–45.
14. Janssen, B.E. 2016. The acquisition of gender and case in Polish and Russian: A study of monolingual and bilingual children. thesis. Amsterdam: Pegasus.
15. Anstatt, T. 2008. Aspect and tense in storytelling by Russian, German and bilingual children. *Russian Linguistics* 32: 1–26.
16. Anstatt, T. 2008. Aspektfehler im russischen mono- und bilingualer kinder. *Deutsche Beiträge zum 14 Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008*. München: Sagner. Pp. 13–25/
17. Laleko, O. 2011. Restructuring of Verbal Aspect in Heritage Russian: Beyond Lexicalization. *International Journal of Language Studies* 5 (3): 13–26.
18. Mikhailova, A. 2011. Interaction of Aspectual Morphology in L2 and Heritage Russian. In Granena G. et al. (eds.) Selected Proceedings of the 2010 Second Language Research Forum. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project. Pp. 63–77.
19. Sergeev, F.P. 2010. Speech errors and their prevention. Volgograd: Teacher Publ.

20. Sichinava, D.V. 2019. Slavic pluperfect: spaces of possibilities. *Questions of linguistics* 1: 30–57. (In Russ.).
21. Tseitlin, S.N. 1997. *Speech errors and their prevention*. Moscow, Librokom Book House. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Беляева Анастасия Павловна — лаборант-исследователь филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: nas97erm@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7418-8507

Московкин Леонид Викторович — доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: l.moskovkin.leonid@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4818-1205

Цховребов Алан Солтанович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: alanec1985@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5199-1460

Bio Notes:

Anastasia P. Belyaeva is a laboratory assistant-researcher, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. E-mail: nas97erm@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7418-8507

Leonid V. Moskovkin is a Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching It, St. Petersburg State University. E-mail: l.moskovkin.leonid@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4818-1205

Alan S. Tskhovrebov is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching It, St. Petersburg State University. E-mail: alanec1985@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5199-1460

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-650-658

EDN: MGYEOI

Научная статья

О необычном названии трутня в удмуртском языке XVIII века

Л.М. Ившин

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4
✉ ivleo.75@mail.ru

Аннотация. Актуальность предложенной темы обусловлена недостаточным выявлением и описанием лексики фауны как одного из наиболее архаичных слоев в словарном запасе почти всех финно-угорских языков. Цель исследования — проследить историю письменной фиксации слова *вар-бозго* ‘трутень’ в удмуртском языке, начиная с момента первого его появления в самых ранних письменных памятниках XVIII в. и завершая основными лексикографическими работами современного периода, рассмотреть лексико-семантическое образование сложного наименования и определить по возможности его этимологию. Достижение поставленной цели представляется возможным при решении задач, связанных с выявлением и описанием этого энтомологического термина в сопоставлении с данными из других родственных и неродственных языков. Материалом исследования являются рукописные и опубликованные письменные памятники XVIII–XIX вв., важнейшие лексикографические работы по удмуртскому языку современного периода, а также возможные параллели этих слов из контактирующих родственных и неродственных языков. Используется в основном описательный метод, а также некоторые элементы семантического и сравнительно-этимологического анализа. Название *вар-бозго* ‘трутень’ является уникальным — не имеет типологических параллелей, оно зафиксировано лишь в одном письменном источнике — рукописной грамматике М. Мышкина, составленной во второй половине XVIII в. Для разработки вопроса приводится дальнейшая фиксация отдельных компонентов этого сложного слова в удмуртском языке, которые функционируют с большой и малой частотностью. В результате проведенного исследования было обнаружено расширение лексико-семантического содержания слова *бозго* в ходе развития языка. Этимологический анализ позволил выявить происхождение составных элементов энтомологического термина: *вар* ‘слуга, раб’ имеет параллели во многих финно-пермских языках и является исконным удмуртским словом финно-пермского периода развития языка-основы; а происхождение компонента *бозго* ‘жук; навозный жук’ связывают со звукоподражательным

© Ившин Л.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

словом *боз* (*боз-боз*), имитирующим жужжание или низкий голос, к которому в период самостоятельного формирования удмуртского языка был присоединен непродуктивный именной формант *-го*.

Ключевые слова: удмуртский язык, лингвистика, словарь, энтомологический термин, лексика, история слова, письменные памятники, этимология

История статьи: поступила в редакцию 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Ившин Л.М.* О необычном названии трутня в удмуртском языке XVIII века // Полилингвистическая и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 650–658. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-650-658>

Research Article

About the unusual name “drone” in the Udmurt language of the 18th century

Leonid M. Ivshin

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
4, Str. Lomonosov, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation,

✉ ivleo.75@mail.ru

Abstract. The relevance of the proposed topic is due to the insufficient identification and description of the vocabulary of fauna, as one of the most archaic layers in the vocabulary of almost all Finno-Ugric languages. The purpose of this study is to trace the history of the written fixation of the word *var-bozgo* ‘drone’ in the Udmurt language, starting from its first appearance in the earliest written monuments of the 18th century and ending with the main lexicographic works of the modern period, to consider the lexical-semantic formation of a complex name and determine by possibilities of its etymology. Achieving this goal seems possible by solving problems related to identifying and describing this entomological term in comparison with data from other related and unrelated languages. The research material is handwritten and published written monuments of the 18th–19th centuries, the most important lexicographic works on the Udmurt language of the modern period, as well as possible parallels of these words from contacting related and unrelated languages. The descriptive method is mainly used, as well as some elements of semantic and comparative etymological analysis. The name *var-bozgo* ‘drone’ is unique — it has no typological parallels, it is recorded only in one written source — the handwritten grammar of M. Myshkin, compiled in the second half of the 18th century. To develop the question, further fixation of individual components of this complex word in the Udmurt language, which function with high and low frequency, is provided. As a result of the study, an expansion of the lexical and semantic content of the word *bozgo* was discovered during the development of the language. Etymological analysis made it possible to identify the origin of the constituent elements of the entomological term: *var* ‘servant, slave’ has parallels in many Finno-Permian languages and is an original Udmurt word of the Finno-Permian period of development of the base language; and the origin of the component *bozgo* ‘zhuk; dung beetle’ is associated with the expressive-figurative word *boz* (*boz-boz*), expressing the sound image of a buzzing or low voice, to which the unproductive nominal formant *-go* was added during the period of independent formation of the Udmurt language.

Key words: Udmurt language, linguistics, dictionary, entomological term, vocabulary, word history, written monuments, etymology

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Ivshin, L.M. About the unusual name “drone” in the Udmurt language of the 18th century. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 650–658. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-650-658>

Введение

Зоологическая терминология, бытующая в удмуртском языке и его диалектах, весьма разнообразна и многочисленна. Она относится к числу наиболее архаических слов словарного запаса финно-угорских языков, поэтому выявление и описание этой тематической группы в отдельных языках имеет большое значение для дальнейшего развития исторической лексикологии и истории финно-угорских языков. Несмотря на наличие работ по данной проблематике¹ [1. С. 136–143; 2. С. 130–135; 3. С. 152–156], лексика фауны остается недостаточно изученной в удмуртском языкознании.

Данная статья посвящена анализу одного из названий трутня, зафиксированного в письменных памятниках удмуртского языка XVIII в.: *уар-возги* ‘трутень’. Источником исследования послужили рукописные и печатные памятники ранней удмуртской письменности (XVIII в.), а также ряд лексикографических работ, опубликованных на рубеже XIX–XXI вв. Словарные публикации более позднего периода представляют более полную историю фиксации изучаемых лексем в удмуртском языке, показывают семантические изменения различного характера. При выполнении научных изысканий использовались методы лингвистического описания, семантический и этимологический. Орфография слов, толкования, взятые из всех источников, приводятся без изменений.

Обсуждение

Самые ранние письменные памятники удмуртского языка фиксируют два названия трутня в удмуртском языке. В рукописном удмуртско-русском словаре З. Кротова, составленном в 1785 г. и являющимся самым объемным из всех дошедших до нас письменных документов, данный термин

¹ Соколов С.В., Туганаев В.В. Словарь биологических терминов. Ижевск: Удмуртия, 1994.

переведен словом *зурй* ‘шершень, трутень’² (общеизвестное для удмуртов наименование — *узыри* ‘трутень; трутневой’)³, которое является чувашским заимствованием в удмуртском языке, ср.: чув. *сӑр* ~ *сӑрӑ* ‘серый; трутень’, *сӑр хурт* ‘трутень’⁴ и, по-видимому, восходит к болгарскому периоду: < болгар. *zurī.

Второе наименование трутня, о котором будет идти речь в нашем исследовании, отмечается только в рукописной грамматике М. Мышкина, написанной в 1789 г.: *уарь-возгй* ‘трутень’ [4. С. 33] (букв. жук-слуга).

Данное, можно выразиться, экзотическое обозначение трутня по неизвестным причинам до сегодняшнего времени осталось без внимания специалистов-филологов и других исследователей, хотя рукописная работа М. Мышкина была опубликована уже четверть века назад Институтом истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. Даже в специальном исследовании, посвященном вопросу номинации трутня в удмуртских диалектах [4. С. 152–156], об обозначении *уарь-возгй*, как ни странно, ни слова не говорится.

Это сложное слово, образованное средствами удмуртского языка, состоит из двух элементов — *вар* ‘слуга, прислуга; работник’ + *возги* (< *бозго* ‘жук; большая зеленая муха’). Дословным обобщенным значением этого сочетания, по-видимому, является ‘жук-слуга’ или ‘услужливый жук’, хотя данная номинация для обозначения трутня как самца пчелы типологически нигде не встречается. По поводу передачи М. Мышкиным начального согласного второго компонента буквой в Т.И. Тепляшина отмечает, что важной отличительной чертой бесермян (а в грамматике М. Мышкина отчасти отражен материал бесермянского наречия удмуртского языка) от литературного и других пермских языков является подмена губно-зубного согласного *v* губно-губным *b*. Старшее поколение бесермян *v* и *b* как особые фонемы не различает. На месте литературного *b* в некоторых словах отмечен губно-зубной консонант *v*, например: *bargas*, лит. *варгас* ‘гусыня, не выведшая гусят’; *bukekjanə*, лит. *вукекъяны* ‘тошнить, рвать’; *voržanə*, лит. *борžаны* ‘заплести лапти, начать плести’; *ovin’*, лит. *обинь* ‘овин’. Таким образом, звуки *b* и *v* в языке бесермян свободно заменяют друг друга. Данное явление, не имеющее аналогий в других диалектах пермских языков, особо выделяется исследователем и объясняется особенностью качества губно-зубного *b* в тюркских языках (а бесермянский по происхождению является языком тюркского типа), близкого к английскому *w* [5. С. 147–148]. К вышеназванным примерам, возможно, относился

² *Кротовъ* З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 64.

³ Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов. Ижевск, 2008. С. 685.

⁴ *Федотов* М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары: Чувашский гос. институт гуманитарных наук, 1996. Т. 2. С. 29.

в XVIII в. компонент *-возги* словоформы *уарь-возги* ‘трутень’, зафиксированный в рукописи М. Мышкина.

В важнейших текстовых и лексикографических источниках более позднего периода энтомологический термин *уарь-возги* не встречается. Поэтому приведем фиксацию отдельных компонентов этого сложного слова.

1. *Вар* ‘слуга, прислуга; работник’.

1847: *Сотникъ бень отвѣтъ сіотыса Сола, веразъ: Инмарэ! монъ сылы-монъ муртъ эвэлъ, тыныдъ мынамъ юртамъ пырыны; кыль-дэ гинэ véра Тонъ, бурмозно мынамъ варь (медо). ‘Но сотникъ отвѣтствуя Ему, сказалъ: Господи! я недостойнъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровь мой; а только скажи слово, и выздоровѣтъ слуга мой’⁵;*

1847: *Монъ бонъ покцигэсъ-кэно судъ выжилэсъ, монъ ки-уламъ уванъ ожмасъкисыдсъ (глаз. солдатъидсъ) оgezь-лы вералд; мынь, мынэно; оgezь-лы ношъ лыкты лыктэно; асъ варлы но; лэсты соэ, лэстэно. ‘Ибо я хотя и подвластный человекъ, но, имѣя подчиненныхъ мнѣ воиновъ, скажу одному: поди, и идетъ; другому: приди и приходитъ; и слугъ моему: сдѣлай то, и дѣлает’⁶;*

1880: *var* ‘Knecht, Diener, Selav (слуга, раб — Л.И.)’⁷;

1892: *вар* ‘слуга’⁸;

1896: *var, Glaz. war* ‘rab, szolga (рабъ) | schlave, diener, knecht (слуга, раб — Л.И.)’⁹;

1925: *вар, ляльчи, медо* ‘работник; слуга’¹⁰;

1983: *вар* уст. ‘слуга, прислуга; работник’¹¹;

2008: *вар* уст. ‘слуга, прислуга; работник’¹²;

2013: *вар, ляльчи* ‘раб, невольник’, *вар, ляльчи, медо* ‘слуга’¹³;

⁵ Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань: тип. Императорскаго Казанскаго университета, 1847. С. 47.

⁶ Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелиста Матѳея на русскомъ и вотятскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань: тип. Императорскаго Казанскаго университета, 1847. С. 47–48.

⁷ *Wiedemann F.J.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhangе und einem deut-schen Register [Зырянско-немецкий словарь с вотско-немецким словарем в приложении и немецким указателем]. St.-Petersburg, 1880. С. 551.

⁸ *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь]. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. С. 52.

⁹ *Munkácsi B.* A wotják nyelv szótára [Словарь удмуртского языка]. Budapest, 1896.

¹⁰ *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 4: Русско-вотский словарь [= Русско-удмуртский словарь]. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2020. С. 303, 339.

¹¹ Удмуртско-русский словарь / под ред. В.М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. С. 74.

¹² Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов. Ижевск, 2008. С. 74.

¹³ *Насибуллин Р.Ш., Семенов В.Г.* Системно-тематический русско-удмуртский словарь = Удысьёсья радъям зуч-удмурт кылсузъет / под общ. ред. Р.Ш. Насибуллина. Ижевск: Изд-во «Ассоциация «Научная книга», 2013. С. 119, 329.

2019: *вар* ист. ‘слуга, прислуга; работник’¹⁴.

По поводу происхождения лексемы *вар* ‘слуга, раб’ этимологические работы дают несколько разных сведений. Составители «Краткого этимологического словаря коми языка» и некоторые другие исследователи связывают этот энтомологический термин с общепермским периодом: кп. *вер*: *ни-вер* ‘деверь, брат мужа’ (*ни* ‘сын’); & *er* др.-перм. ‘слуга, раб’, *verys* др.-перм. ‘мужчина’; *ver-keri* вым. ‘рыба-самец’ (*чери* ‘рыба’) | удм. *var, war* ‘раб, слуга’ < общеп. *ver ‘мужчина’ < доперм. *эзз или **wэзз*¹⁵. Другие лингвисты, с которыми мы соглашаемся, считают, что данное слово восходит в финно-пермский период развития языка-основы (фп. *orja; финн. *orja* ‘раб, рабыня’, эрз. *ur’e*, мокш. *ur’ä* ‘раб, наемник’)¹⁶ [6. С. 321; 7 С. 97].

2. *Бозго* ‘навозный жук’:

1890-е гг.: *bozgo* МУ ‘Mistkäfer (навозный жук — Л.И.)’¹⁷;

1892: *бозго* ‘1. животное, отличающееся чрезвычайной толстотой, неуклюжестью 2. о человеке: одевшийся толсто 3. неуважительный эпитет’¹⁸;

1896: *bozgo* (Kaz.) [tat.] ‘küszöb (tat. *busaya*) | schwelle (порог — Л.И.; Б. Мункачи зафиксировал омонимичную татарскую форму)’¹⁹;

1925: *бозго* ‘толстота’²⁰;

1932: *бозго* ‘навозный жук’²¹;

1948: *бозго* ‘навозный жук’²²;

1983: *бозго* ‘жук (также навозный)’; *ву бозго* ‘плавунец’²³;

1994: *бозго* (*бозо, бозоро, быз*) ‘жук; хрущ; долгоносик’²⁴;

¹⁴ Русско-удмуртский словарь: в 2 т. / Л.М. Ившин, С.А. Максимов, О.В. Титова и др.; отв. ред. Л.М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2019. Т. 2. (П–Я). С. 349.

¹⁵ *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С. 52; *Вершинин В.И.* Этимологии удмуртских слов. Т.И. Йошкар-Ола, 2015. С. 34.

¹⁶ *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch [Уральский этимологический словарь]. Band 1–2. Budapest: Akademiai Kiado, 1988. С. 721.

¹⁷ *Wichmann Y.* Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wihmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen [Удмуртский словарь. Записал Юрье Вихманн. Под редакцией Т.Э. Уотила и Микко Корхонена]. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. С. 26.

¹⁸ *Верецагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь]. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. С. 28.

¹⁹ *Munkácsi B.* A wotják nyelv szótára [Словарь удмуртского языка]. Budapest, 1896. С. 627.

²⁰ *Верецагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 4: Русско-вотский словарь [= Русско-удмуртский словарь]. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2020. С. 351.

²¹ *Борисов Т.К.* Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1932. С. 30.

²² Удмуртско-русский словарь / под ред. Н.А. Дружковой. М.: ОГИЗ. ГИИНС, 1948. С. 29.

²³ Удмуртско-русский словарь / под ред. В.М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. С. 49.

²⁴ *Соколов С.В., Туганаев В.В.* Словарь биологических терминов. Ижевск: Удмуртия, 1994. С. 10, 76, 176.

2008: *бозго* '1. жук (навозный) 2. диал. большая зеленая муха'²⁵;
2013: *бозго* 'навозник обыкновенный'; *вубозго* 'плавунец'²⁶;
2019: *вубозго* 'плавунец (жук)'²⁷.

Материалы поздних письменных документов показывают, что *бозго* в большинстве из них имеет значение 'навозный жук; жук' и лишь в словарях Г.Е. Верещагина это слово не имеет отношения к насекомым, а обозначает признак неуклюжести и полноты человека или животного. Таким образом, можем отметить, что в конце XIX столетия у этого понятия произошло семантическое расширение значения.

Происхождение термина *бозго* 'навозный жук', по мнению лингвистов, связано с экспрессивно-образительным словом *боз* (*боз-боз*), выражающим звуковой образ жужжания или басистого голоса; название образовано с помощью непродуктивного именного суффикса *-го* в древнеудмуртский период развития языка²⁸ [8. С. 171–172].

Заключение

Удмуртское обозначение трутня *вар-бозго*, образованное средствами удмуртского языка и зафиксированное единожды лишь в XVIII в., является уникальным явлением и не имеет типологических параллелей. Составные элементы энтомологического термина с большой или малой частотностью продолжают функционирование в современном удмуртском языке, о чем наглядно говорят материалы основных лексикографических работ последующего и современного периода. Лексема *вар* 'слуга, раб; работник' имеет параллели во многих финно-пермских языках и по происхождению восходит в финно-пермский период развития языка-основы, а *бозго* (< *возги*) 'навозный жук' образовано в период самостоятельного развития удмуртского языка от звукоподражательного слова *боз* (*боз-боз*).

²⁵ Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов. Ижевск, 2008. С. 73.

²⁶ *Насибуллин Р.Ш., Семенов В.Г.* Системно-тематический русско-удмуртский словарь = Удысьёсья радьям жуч-удмурт кылсузъет / под общ. ред. Р.Ш. Насибуллина. Ижевск: Научная книга, 2013. С. 52, 53.

²⁷ Русско-удмуртский словарь: в 2 т. / Л.М. Ившин, С.А. Максимов, О.В. Титова и др.; отв. ред. Л.М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2019. Т. 2. (П–Я). С. 65.

²⁸ *Алатырев В.И.* Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1988. С. 186–187; *Соколов С.В.* Этимологической пичи кылбугор [Маленький этимологический словарь] // Вордскем кыл [Родное слово]. 1997. № 5. С. 86;

Список сокращений

булг. — болгарский язык;	фп. — прафинно-пермский язык-основа;
диал. — диалектная форма;	чув. — чувашский язык;
доперм. — допермский язык-основа;	эрз. — эрзянский язык;
др.-перм. — древнепермский язык-основа;	Glaz. — глазовский диалект (по: Munkácsi 1896);
ист. — исторический термин;	Kaz. — казанский диалект (по: Munkácsi 1896);
кп. — коми-пермяцкий язык;	MU — малмыжско-уржумский диалект (по: Wichmann 1987);
лит. — литературный удмуртский язык;	tat. — татарский язык (по: Munkácsi 1896 и Wichmann 1987).
мокш. — мокшанский язык;	
общеп. — общепермский язык-основа;	
удм. — удмуртский язык;	
уст. — устаревшая форма;	
финн. — финский язык;	

Список литературы

1. Ракин А.Н. Ихтионимическая лексика в пермских языках // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: сб. статей. Ижевск: [Б. и.], 1997. С. 136–143.
2. Насибуллин Р.Ш. Удмуртские термины по пчеловодству // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всероссийской научн. конференции финно-угроведов / Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 130–135.
3. Насибуллин Р.Ш. Комментарий к карте «трутень» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. VIII. Ижевск: Институт компьютерных исследований; Регулярная и хаотическая динамика, 2021. С. 152–156.
4. Могилить М. Краткой отяцкія Грамматика опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие).
5. Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М. : Наука, 1970.
6. Кельмаков В.К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2. Ижевск: Удмуртский университет, 2004.
7. Тараканов И.В., Кондратьева Н.В. Удмурт кыллэн исторической лексикологиезъя ужпумъёс [Проблемы исторической лексикологии удмуртского языка]. Ижевск, 2019.
8. Максимов С.А. Комментарий к карте «жук-навозник» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2014. Вып. IV. С. 165–175.

References

1. Rakin, A.N. 1997. Ichthyonymic vocabulary in Permian languages. In *Permistika 4: Perm languages and their dialects in synchrony and diachrony*: Sat. articles. Izhevsk. Pp. 136–143. Print. (In Russ.).
2. Nasibullin, R.Sh. 2019. “Udmurt terms on beekeeping”. In *Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges Proceedings*. Izhevsk: Izdvo Anny Zeleninoy publ. Print. Pp. 130–135. (In Russ.).
3. Nasibullin, R.Sh. “Commentary on the Frame ‘truten’”. 2021. *Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments. Vol. VIII*. Izhevsk: Institut komp’uternykh issledovanij publ; NICz “Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika” publ. Pp. 152–156. Print. (In Russ.).

4. Mogilin, M. 1998. Experience of a brief Udmurt grammar. Edited by L.E. Kirillova. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN publ. Print. (In Russ.).
5. Teplyashina, T.I. 1970. The language of the besermen. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.).
6. Kel'makov, V.K. 2004. Dialectal and historical phonetics of the Udmurt language. Vol. 2. Izhevsk: Udmurt university publ. Print. (In Russ.).
7. Tarakanov I.V., Kondrat'eva N.V. 2019. Problems of historical lexicology of the Udmurt language. Izhevsk. Print. (In Russ., in Udmurt).
8. Maksimov, S.A. Commentary on the Frame “zhuk-navoznik”. 2014. Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments. Vol. IV. Izhevsk: Institut komp'uternykh issledovanij publ; NICz “Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika” publ. Pp. 165–175. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ившин Леонид Михайлович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского федерального исследовательского центра, Уральское отделение РАН. E-mail: ivleo.75@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3774-2617

eLibrary SPIN-code: 1603-3915

Bio Note:

Leonid M. Ivshin is Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher Department of Philological Research of Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ivleo.75@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3774-2617

eLibrary SPIN-code: 1603-3915

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-659-672
EDN: NAGRIX

Научная статья

Стратегии перевода татарской литературы на тюркские языки: история и современное состояние

Ф.С. Сайфулина [✉], Л.И. Мингазова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18
[✉] fsaifulina@mail.ru

Аннотация. Рассматривается реальность художественного перевода татарской литературы на тюркские языки. Подчеркивается, что на протяжении многих лет в силу внешних социополитических факторов у татарских писателей не было возможности представить произведения национальной литературы на тюркских языках. Актуальность данного вопроса связана с практической необходимостью, так как литературный перевод служит делу сближения народов, развитию взаимопонимания между народами и диалогу культур, что исключительно важно для развития российского этнокультурного пространства, налаживания культурных взаимосвязей с тюркским миром. Активизация переводческой деятельности в Татарстане обусловлена общественно-политическим и этногуманитарным вниманием к идеологии родства, языковой и мировоззренческой близости тюрков. На большом фактическом материале исследуются основные направления художественного перевода. Отмечено, что наиболее интенсивно татарская литература переводится на турецкий язык. Особое внимание уделяется личности переводчика, проанализированы некоторые историко-культурные контексты возникновения татарско-турецких переводческих проектов. Рассмотрены реалии, современное состояние татарско-казахских и татарско-азербайджанских художественных переводов. Как важный аспект межкультурной коммуникации прочтываются татарско-башкирские переводы. При всей схожести двух близкородственных языков, литературных традиций для национального писательского сообщества очевидна необходимость культурного взаимодействия такого формата. Сделаны выводы о том, что исследование активности, жанрового разнообразия переведенных на тюркские языки произведений позволит разрабатывать дальнейшие стратегии в области литературного перевода, планировать и целенаправленно развивать данное направление творческой деятельности, а также актуализировать вопрос подготовки кадров в этой области. Подчеркивается, что интенсификация художественных переводов способствует существенному обновлению образных языков литературы, расширению ее культурных границ, эстетических ориентиров.

© Сайфулина Ф.С., Мингазова М.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: татарская литература, литературный перевод, языки тюркских народы, культурный диалог

История статьи: поступила в редакцию 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Сайфулина Ф.С., Мингазова М.И. Стратегии перевода татарской литературы на тюркские языки: история и современное состояние // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 659–672. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-659-672>

Research Article

Strategies for Translating Tatar literature into Turkic languages: History and Current State

Flera S. Sayfulina , Liailia I. Mingazova

Kazan Federal University,
17 Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation
 fsaifulina@mail.ru

Abstract. The article addresses the reality of artistic translation of Tatar literature into Turkic languages. It is emphasized that for many years, due to external sociopolitical factors, Tatar writers did not have a full-fledged opportunity to present works of national literature in Turkic languages. The relevance of this issue is linked to the practical necessity, as literary translation is one of the areas that serves the cause of rapprochement of peoples, the development of mutual understanding between nations and the dialog of cultures, which is extremely important for the development of the Russian ethno-cultural space, the establishment of cultural interrelations with the Turkic world. The activation of translation activity coincided with cardinal changes in the life of the country, was conditioned by socio-political and ethno-humanitarian attention to the ideology of kinship, linguistic and worldview closeness of the Turks. Based on a large amount of factual material, the main directions of artistic translation are investigated. It is concluded that Tatar literature is most intensively translated into Turkish. The authors of the article identified the works of the most actively translated into Turkish authors, traced the works of Tatar writers, which aroused interest among Turkic-speaking readers. A large number of books by Tatar writers have been published in Turkey. Special attention is paid to the personality of the translator, some historical and cultural contexts of the emergence of Tatar-Turkish translation projects are analyzed. The realities and current state of Tatar-Kazakh and Tatar-Azerbaijani literary translations are also considered. Tatar-Bashkir translations are analyzed as an important aspect of intercultural communication. With all the similarity of two closely related languages and literary traditions, the necessity of cultural interaction of this format is obvious for the national writing community. The conclusions are made that the study of activity, genre diversity of works translated into Turkic languages will allow to build further strategies in the field of literary translation, planning and purposeful development of this direction of creative activity, as well as actualization of the issue of training in this field. It is emphasized that the intensification of artistic translations contributes to a significant renewal of figurative languages of literature, the expansion of its cultural boundaries and aesthetic reference points.

Key words: Tatar literature, literary translation, languages of Turkic peoples, cultural dialog

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Sayfulina, F.S., and L.I. Mingazova. 2023. “Strategies for Translating Tatar literature into Turkic languages: History and Current State”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 659–672. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-659-672>

Введение

В художественном тексте автор транслирует представления о мире, сквозь призму быта и бытия отображает историю своего народа, раскрывает его национальный менталитет, проявляет выразительные ресурсы родного языка. При этом литература, будучи словесным видом искусства, ограничена языковыми границами и доступна только тем, кто непосредственно владеет языком, на котором написано произведение. Поэтому очевидно, что художественный перевод, его теоретико-методологические аспекты занимают особое место в системе гуманитарного знания. Проблема переводов рассматривается учеными-литературоведами и переводчиками с разных позиций. В рамках данной работы представляет интерес мнение М.В. Осиповой, которая отмечает, что «перевод способствует не только пониманию, но и культурному взаимообогащению народов, а переводческую деятельность с полным правом можно назвать двигателем межкультурной коммуникации» [1. С. 368–392].

Художественный перевод, как одно из важнейших средств включения в культурную жизнь народа достижений литературы других народов, также способствует взаимопониманию этносов, содействует обмену художественным наследием, активизирует диалог литератур и культур. В связи с этим представляется актуальным вопрос о переводе татарской литературы на языки родственных тюркских народов. Это один из наиболее эффективных путей продвижения, включения родной (татарской) литературы в отечественное и мировое пространство.

Татарская литература — одна из немногих художественных традиций, входящих в российскую межлитературную общность, которая имеет тысячелетнюю историю развития и взаимодействия с культурами других народов. Как отмечает А.А. Арзамазов, «татарская гуманитарная интеллигенция, писательское сообщество многие десятилетия не мыслили себя вне родного языка, внутренняя когнитивная и социально-гражданская сопряженность с которым, находилась на другом уровне, чем это было у большинства народов РСФСР. Татарский язык в силу различных разнородных факторов обретает не просто формальный государственный статус, а становится стабильным языком науки, образования, журналистики, политики, других интеллектуальных, социальных коммуникаций, имеет разветвленную сеть применения.

Татарский писатель формируется, живет, выражает себя в системе непрерываемой практики татарского языкового и культурного взаимодействия, он ощущает количественную поддержку своей читательской аудитории [2. С. 22–25].

Журналист, переводчик А. Каримова пишет: «Конечно, для татарской литературы (которая имеет тысячелетнюю историю) жизненно важно не замыкаться в собственном пространстве, расти и развиваться, в том числе, и, будучи переведённой на другие языки, и в первую очередь — на русский и английский, плюс — как родственное направление — на турецкий и даже, может быть, арабский. Ведь только так она получает реальную возможность быть вписанной в мировой культурный, литературный контекст»¹.

Как отмечают авторы «Истории татарской литературы» в 8 томах, «литературный перевод в настоящее время является одним из путей реализации связи между литературами разных народов» [3. С. 551]. Х. Миннегулов обращает внимание на особую функцию переводческой деятельности: «Перевод является не только обычным, сугубо лингвистическим или же литературным явлением, это значимое средство взаимопонимания, ознакомления с духовными и информационными ресурсами. Он приближает людей, народы, страны, века, обеспечивает их общение-диалог» (пер. с татарского наш. — Ф.С.) [4].

Художественный перевод в значительной степени способствует расширению культурных границ национальной литературы, является посредником между разными культурами. Логично, что особыми переводческими литературными взаимосвязями должны быть связаны родственные народы: близость языков при этом далеко не всегда упрощает задачу переводчику. Генетически близкие, в языковом плане родственные народы под воздействием внешних реалий нередко отдаляются, «общие знаменатели» языкового сознания утрачивают свою силу. Тюркские этносы, невзирая на свою похожесть, в последние десятилетия отдалились друг от друга: речь идет о разных политических ориентациях стран, разных алфавитах, разных культурных векторах развития. Поэтому особенно важно придерживаться стратегии взаимообогащающей межкультурной коммуникации, восстанавливать утраченные культурные связи и литературные контакты.

Развитие переводческой деятельности как важного социокультурного института ставит вопрос об открытии школ (курсов) переводчиков для целенаправленной подготовки специалистов в данной области. Нужно отметить, что одно из главных требований к переводчику — знание нескольких языков. В основном писатели-билингвы, владеющие как родным языком, так и русским (или одним из тюркских / европейских языков), становились

¹ Каримова А. https://promegalit.ru/public/10172_alena_karimova_perevod_kak_svjaschennaja_objazannost.html дата обращения 04.10.2022.

отличными переводчиками. Актуально в этом плане мнение Е.А. Жиндеевой, которая отмечает: «... билингвизм, как одна из разновидностей многоязычия, выступает как компенсирующая система, открывающая доступ к образцам мировой культуры, является условием приобщения к мировым хранилищам знаний. Таким образом, билингвизм целенаправленно стимулируется в образовательной, познавательной сферах жизни общества и находит достойное развитие в культуре национального региона, так как в этом существует потребность» [5. С. 63–71].

В этом русле размышлений об особенностях переводческой деятельности актуален вопрос, поднятый в диалоге двух поэтов разных поколений — Сибгата Хакима и Рауля Бухараева: «К сожалению, часто забывают, что профессиональная литература, в том числе и художественный перевод, — это искусство, забывают уроки великих мастеров. Высочайшая нравственность мастера — в его отношении к своему произведению. Где начинается поденщина — кончается искусство. В переводах это виднее всего» (Р. Бухараев); «Да, мы вновь вернулись к нравственному критерию. Перевод — это колоссальный труд, требующий больших знаний. Не представляя языка оригинала, фольклора, духа народа, схватить внутреннее течение мысли поэта очень сложно. И молодым переводчикам придется нелегко. Но дело того стоит. Удача в переводе, особенно классики, — счастье поэта!» (С. Хаким) [6].

Ю. Нигматуллина пишет о том, что переводческая деятельность у татар начинает формироваться в начале XX в. Вопросы теории перевода разрабатываются такими татарскими писателями и литературоведами, как Дж. Валиди, Г. Ибрагимов, Г. Тукай, Ф. Амирхан и др. [7. С. 189–194]. История развития переводческой деятельности с русского языка на татарский описана известным татарским ученым-литературоведом Э. Нигматуллиным в его фундаментальном труде «Диалог литератур: указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык» [8]. Особенности переводов татарской литературы на русский язык рассматривались в статьях представителей научной школы компаративистики КФУ В.Р. Аминовой [9], Э.Ф. Нагумановой [10], А.З. Хабибуллиной [11], Г.М. Нуртдиновой [12] и др. Использовались переводы произведений татарской литературы на тюркские языки также [13].

Данная статья посвящена систематизации и анализу переводной литературы с татарского языка на языки тюркских народов, проживающих как на территории России, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья, а также с тюркских языков на татарский. Теоретической основой послужили работы об особенностях литературного перевода, объектом исследования — опубликованные переводы произведений татарской литературы на тюркские языки и переводы на татарский произведений литературы родственных народов.

Обсуждение

В советские годы, особенно во второй половине XX в., в писательском сообществе активно велась большая работа над переводами произведений многих русскоязычных писателей и писателей, создававших свои произведения на национальных языках (через переводы с русского на татарский язык). До конца 1980-х гг. Татарское книжное издательство ежегодно выпускало около десятка переведенных с русского языка произведений, что составляло 8–10 % ежегодно выпускаемой в Татарской АССР художественной литературы [14. С. 23–24].

В этом плане вызывает интерес творчество Ч. Айтматова, произведения которого были переведены более чем на 200 языков мира. Первым на татарский язык М. Усманов перевел повесть «Джамиля», написанную на киргизском языке и принесшую Ч. Айтматову мировую известность. Постепенно переводились почти все основные книги, романы, повести. Так, произведение «Топлек мой в красной косынке» было переведено Х. Сарьяном. Театральная постановка этого произведения в Татарском государственном академическом театре им. Г. Камала была удостоена премии имени Г. Тукая. Со временем произведения Ч. Айтматова «Первый учитель», «Материнское поле», «Прощай, Гульсары» также были переведены на татарский язык. Романы, написанные Ч. Айтматовым позже («И дольше века длится день», «Плаха»), были переведены на татарский язык Р. Ширияздановым и стали доступны для татарского читателя. В 2018 году, к 90-летию писателя, были изданы избранные произведения², куда были включены переведенные ранее произведения Ч. Айтматова, а также современные переводы произведений писателя «И дольше века длится день» (пер. М. Харисова), «Белое облако Чингизхана» (пер. М. Валиева). Стремление сохранить национальную идентичность, представить читателю национальный образ мира, авторское желание поднять актуальные проблемы сохранения культурных ценностей родного народа придают произведениям Ч. Айтматова особую значимость. Его творчество олицетворяет собой целую эпоху в истории национальной литературы Страны Советов и именно благодаря переводам стало достоянием мировой литературы.

Татарский народ исторически столетиями жил в тесной культурно-экономической взаимосвязи с такими родственными народами, как башкиры, казахи, киргизы, узбеки и др. В духовном сближении народов большую роль сыграли учебные заведения — дореволюционные татарские медресе. В известных татарских медресе «Мухаммадия» (Казань), «Галия» (Уфа), «Мутыйгия» (Уральск) обучались башкиры, узбеки, туркмены,

² *Айтматов Ч.Т.* Избранные произведения: роман, повести / пер. Р. Шириязданова и др. Казань: Тат. книгоиздат., 2018.

казахи, азербайджанцы, каракалпаки, уйгуры и др. В Стерлибашевское медресе (на территории бывшей Оренбургской губернии) ежегодно принимали до 150 казахов. В татарских медресе «Хусаиния» (Оренбург), «Галия» (Уфа), «Мухаммадия» (Казань), «Расулия» (Троицк) обучались также многие будущие казахские писатели. Среди них Беимбет Майлин, Магжан Жумабаев, Мухамеджан Сералин, Султанмахмут Торайгыров и др. Принято считать, что среди казахов достижения восточной литературы распространялись главным образом татарскими писателями — через книги, изданные в типографиях Казани. В татарских типографиях печаталось большое количество казахских книг. «Добрососедство казахов и татар обусловлено многими объективными факторами и предпосылками. Прежде всего, двух братских народов объединяет общее этническое происхождение, близость языка, мифологии, словесного искусства. Единство религии и письма, многовековая ориентация на Мусульманский Восток, географическое взаимопроникновение, экономическое и духовно-культурное сотрудничество, смешанные браки сыграли большую роль в объединении и сближении наших народов», — пишет татарский литературовед Х.Ю. Миннегулов [15. С. 106–112]. Казахский писатель Сабит Муканов в книге «Слово о Тукае» писал: «В начале XX века татарская культура была самой передовой среди тюркоязычных народов... В течение десяти дооктябрьских лет многие писатели и поэты тюркоязычных народов прошли литературную школу Тукая, учились у него художественному мастерству, явились его учениками в буквальном смысле этого слова. Татарско-башкирский писатель Сайфи Кудаш, казахские писатели Султанмахмут Торайгыров, Сабит Дунантаев и Беимбет Майлин, киргизские писатели Имангали Арабаев и Касим Тиистанов, узбекские писатели Фитрат, Шулпан (Чулпан) и Абдулла Кадири, таджикский писатель Садриддин Айни и Рахимзаде, туркменский писатель Берды Кербабаяев и многие другие свои первые шаги на литературном поприще совершили под благотворным влиянием Габдуллы Тукая» [15. С. 431].

В советское время увидели свет переводы произведений многих казахских авторов: в 1979 г. был издан сборник повестей казахских писателей «Белый верблюд»; успешным примером переводов можно назвать сборник Абая Кунанбаева «Слово со смыслом» (Казань, 1981), а также книгу «На пастбище» (Казань, 1993) в переводе Л. Хамидуллина, где представлены произведения А. Алимджанова «В стране голубых гор», «Воспоминания Отрара», С. Муратбекова «Поле», У. Букиева «Одинокая сваха» и др.

В конце XIX — начале XX в. турецко-татарские взаимосвязи носили интенсивный характер. Вопрос об истории культурно-экономических взаимосвязей Татарстана с Турцией рассмотрен нами ранее [16. С. 322–326].

Получившие возможность самостоятельного развития как отдельные государства в результате распада Советского Союза тюркские народы (страны

ближнего зарубежья), а также Турция к началу 2000-х гг. обратили внимание на необходимость возобновления и укрепления связи с тюркским миром, в том числе с Республикой Татарстан.

В начале XXI в. отсутствие системной переводческой работы в сфере художественной литературы с одного тюркского языка на другой «обозначилось» как одна из наболевших, актуальных проблем тюркоязычного сообщества. Особенно важным в продвижении данного вопроса стало выступление генерального директора ТЮРКСОЙ Д. Касеинова на заседании в 2008 г. Вскоре в тюркских государствах и республиках, в том числе в Республике Татарстан, открылись школы с преподаванием турецкого языка, классы с турецким языком обучения, в вузах стали популярными образовательные программы с турецким языком, начали открываться совместные учебные программы; активно стали проводиться совместные научные и культурные форумы.

Таким образом, к началу XXI в. были созданы благоприятные условия для активизации литературного перевода в тюркоязычной культурной среде. Очень важный аспект успешной переводческой работы — личность переводчика. В рамках современной татарской литературы активную переводческую деятельность ведет преподаватель Казанского федерального университета А. Рахимова. Прежде всего она переводит произведения малого жанра турецких писателей. Среди переведенных авторов и произведений — Умер Сайфутдин («Валинигмет — милосердный», «Высокие каблуки»), Тарык Бугра («Младший брат» (отрывок из романа), «Наш сын»), Сабахаттин Али («Пропать Хасана»), Мехмет Сейдан «Межхмет, приносивший счастье в деревню», Шевкет Булут («Язмыги»), Бегзат Айтан («Дележка наследия»), Бурган Гунел («У зимы другое состояние»), Алев Алат («Жасмины до сих пор за туманами?») (отрывок из романа «Жасмины»), Орхан Памук («Три мушкетера» (Отрывок из романа «Черная книга»), «Меня зовут Красный» (Отрывок из романа)) и др. [17. С. 230]. В этом направлении также активно работает Бика Рахимова, в переводе которой увидели свет некоторые произведения Юнуса Эмре (XIII в.) («Мухаммед» (С.Г.В.)), фрагменты произведений Мавлена Джалалутдина Руми (XIII в.), («Человек, спрятавшийся от Азраиля», «Падишах и двое его рабов», «Продавец и жар-птица»), Ашык Умера (XVII в.) («Мучения Соловья»), Ашык Райхана (XX в.) («Приглашение»), Рамазана Айтана (XX в.) («Кушание») и другие тексты турецкой классики.

По-прежнему актуальным остается вопрос о переводе татарской литературы на тюркские языки. Изучая вопрос переводов татарских авторов на тюркские языки, прежде всего необходимо обратить внимание на переводы литературы на языки тюркоязычных народов Поволжья. Здесь можно отметить, что татарской и башкирской языки очень близки, в связи с этим нет и потребности в переводах. Однако имеются многочисленные примеры переводов на башкирский язык. Так, сборник стихов Роберта

Миннуллина увидел свет на родине поэта на башкирском языке («Я люблю», пер. Р. Янбека), позже, в 2008 г. был издан второй сборник поэта («Я тебя люблю», пер. Р. Бикбаева). В настоящее время при Союзе писателей Башкортостана действует отделение татарской литературы, в республике имеются печатные издания на татарском языке.

Заслуживает внимания сборник «Татарская поэзия благочестия» (Казань, 2013), изданный на чувашском языке, который начинается предисловием известного чувашского поэта Юрия Семендера. В книге представлены произведения 123 татарских поэтов, начиная с поэта Средневековья Кол Гали и включая представителей современной татарской поэзии. Творчество детского поэта Р. Миннуллина также представлено на чувашском языке отдельным сборником («Пылак сапантуй» / «Сладкий сапантуй», пер. Ю. Семендера). Нужно отметить, что отдельные произведения татарских писателей представлены в переводе на страницах газет и журналов, издаваемых в г. Чебоксары.

«Антология современной татарской поэзии», изданная на якутском языке, знакомит якутского читателя с образцами татарской поэзии. Данное издание, подготовленное молодым татарским поэтом Л. Шаихом, открывается предисловием профессора КФУ Ф. Галимуллина: дается картина развития татарской поэзии (в пер. А. Шапошниковой). В сборнике представлена поэзия XX в. (сначала идет блок классики (Г. Тукай), далее следуют образцы лирики второй половины XX в. — стихотворения К. Булатовой, Г. Рахима, Р. Хариса, Р. Гаташа, Р. Файзуллина, Р. Валиева, З. Мансурова, М. Мирзы, Р. Миннуллина, Г. Мората, Р. Зайдуллы, а также произведения представителей татарской поэзии более молодого поколения — Л. Шаиха, Л. Гибадуллиной, Р. Салаха, Р. Мухаметшина и др.

В настоящее время есть успехи в плане переводов татарской литературы на языки тюркских народов стран дальнего и ближнего зарубежья. Наблюдается высокая интенсивность переводов на турецкий язык. В начале XXI в. у турецкого читателя появилась возможность познакомиться с малыми жанрами татарской литературы: в издательстве Zambak на турецком языке был издан сборник рассказов *Vasiyet* («Завещание»). В книгу были включены десятки рассказов татарских писателей, изданные в переводе на турецкий язык Фатихом Кутлу, Хамза Эрсой, Надиром Тамэр Аслан, Харуном Тосун и др. Чуть позже был издан сборник произведений *Mavi hüzün* («Голубая печаль») поэта Разиля Валиева, а также *Tatar çocuk hikayeleri* («Татарские рассказы для детей»). Особенно активно в аспекте татаро-турецких художественных переводов работает переводчик Ф. Кутлу. Именно он перевел на турецкий язык 130 стихотворений великого татарского поэта Г. Тукая (этот проект был приурочен к 130-летию со дня рождения поэта). Хорошее знание татарского языка помогает переводчику точно передать смысловую и эстетическую концепцию произведений. Ф. Кутлу также является переводчиком на турецкий язык произведений известного татарского писателя А. Гилязова. В его

переводе увидела свет повесть «Три аршина земли» (Bir avuç toprak), которая по своей философской глубине близка к роману Ч. Айтматова «И дольше века длится день». В 2012 году перевод данного произведения А. Гилязова был отмечен Союзом писателей Евразии как лучший перевод с тюркских языков. Ф. Кутлу были переведены и изданы повести А. Гилязова «В пятницу, вечером» (Cuma günü, akşam..., 2013), «Рана» (Yara, 2018). Большой интерес у турецкого читателя вызвал перевод объемного романа-воспоминания «Ягез, бер дога» («Давайте помолимся»), посвященного «лагерной» теме. Данное произведение было издано также на русском (в пер. Наилия Ишмухаметова) и венгерском языках (пер. Арпада Галгоци).

Писательница Н. Данизер высоко оценивает произведения А. Гилязова, Бэтул Джошкун, Тагир Танер называЮт его «татарским Стендалем». [18. С. 42–63].

Переводческая деятельность Ф. Кутлу активно продолжается и в настоящее время. В 2021 году им были переведены рассказы и повести одного из популярнейших татарских писателей второй половины XX в. — Амирхана Еники.

В этом ряду переводов произведений татарских писателей на турецкий язык можно отметить книгу стихов Р. Миннуллина Tatar Gonlu («Татарская душа», 2018), переведенных турецким ученым-языковедом Эрджаном Алкая.

В 2019 году на суд турецкого читателя были представлены переводы стихов из цикла «Мообитские тетради» М. Джалиля в переводе Алсу Камалиевой (Tutsak siirler. Tatar saire Musa Celilen Moabit Defterleri Siirleri / Стихи М.Джалиля, написанные в неволе).

Заметным событием стало издание сборника переводов татарской литературы на казахский язык «Татар әнгімелері» («Татарские истории»)³. Этому событию предшествовало издание в Казани сборника стихов современных казахских поэтов Нурлана Оразалина и Галима Джайлибай. В «Татарских историях» опубликованы рассказы более тридцати татарских писателей второй половины XX в. в переводе Гульзат Шойбековой. В сборник включены произведения известных татарских прозаиков старшего поколения — Ибрагима Салахова, Адлера Тимергалина, Шарафа Хусаинова, Хисама Камалова, Мухамеда Магдиева, Ахата Гаффара, Фуата Садриева, Радика Фаизова, Рафката Карами, Марата Амирханова и др. В этих текстах нашли отражение размышления татарских писателей о смысле жизни, человеческих ценностях, вечной борьбе добра и зла. Среди отобранных составителем произведений — популярные среди современных татарских читателей авторы Набира Гиматдинова («Душа»), Лаис Зулькарнай («Песочные часы»), Галимджан Гильман («Зеленая сера»), Ринат Мухаммадиев («Все — только

³ Татар әнгімелері [Татарские истории] сост. Р. Корбан; Гульзат Шойбековой. Алматы: Мерей, 2015.

первые») и др. Данные тексты достойно представляют целую эпоху в истории татарской литературы, знакомят с традиционным укладом жизни татарского народа, новыми реалиями этнического самовыражения.

В последние десятилетия актуализировались переводы татарской литературы на азербайджанский язык. Среди достижений этого языкового направления вышедшие на азербайджанском сборники стихотворений Р. Миннуллина, *Ətirli yarpaqlar* («Листья хранят память») (Баку, 2010, пер. Магаммета Казима); *Bubulləgen toyu* («Праздник соловья») (Баку, 2018, пер. Рамиза Аскара). Показательно, что в советский период азербайджанские читатели были знакомы с творчеством великих татарских поэтов Г. Тукая и М. Джалиля. В настоящее время идет инициированная Союзом писателей Татарстана работа над переводом цикла татарских рассказов на азербайджанский язык (планируется выход антологии) [19].

В 1980 году на каракалпакском языке был издан сборник «Татарские поэты». В предисловии, написанном народным поэтом Каракалпакстана И. Юсуповым, отмечено, что книга издана с целью познакомить читателей с имеющей многовековую историю татарской литературой. В сборнике представлены образцы поэзии первой половины XX в. (Маджит Гафури, Хади Такташ, Хасан Туфана и др.), а также произведения известных поэтов второй половины XX в. (Зульфат, Мударрис Агламов, Фаннур Сафин, Роберт Миннуллин, Нурия Измайлова и др.) Следует также отметить, что в журнале «Амударья» (№ 4, 2018 г.) по случаю 70-летия были опубликованы стихотворения Р. Миннуллина в переводе С. Амирлана. Стихи поэта, переведенные на каракалпакский язык, неоднократно публиковались в этом журнале.

Заключение

Очевидно, что литературный перевод — это сложная интеллектуальная деятельность, заключающаяся в передаче основной идеи произведения-оригинала выразительными средствами другого языка. В эпоху глобализации литературный перевод имеет особое значение. От количественных показателей и качества литературного перевода в определенной степени зависит формирование представления о духовном наследии, интеллектуальных ресурсах народа, его достижениях в области литературы. Повышаются и квалификационные требования к переводчику — он должен владеть языками, осваивать другие лингвокультуры. В последние годы у татарских литераторов появилась возможность посредством переводов делиться художественным наследием своего народа с другими народами, а также обогащаться литературным достоянием родственных народов.

В настоящее время более активно ведется перевод с татарского на языки тюркских народов; переводы осуществляются по инициативе самого автора, по случаю юбилеев отдельных литераторов, в связи с совместными

проектами, и т.д.; выбор произведений автора может определяться заинтересованностью переводчика. Существующий корпус переведенных с татарского языка литературных текстов относится к языкам тюркских народов, с которыми установлены более тесные связи — это казахский, турецкий, азербайджанский языки.

Изучение вопроса об истории развития и современного состояния перевода татарской литературы на языки родственных народов даст возможность выстроить стратегию дальнейшей работы в данном направлении, определить перспективные планы развития переводческой деятельности.

Список литературы

1. *Осипова М.В.* Стратегии перевода текстов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 368–392.
2. *Арзамазов А.А.* Венгерский сонет татарского поэта: эпизод межлитературного взаимодействия // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы: круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан : сб. ст. Вып. 1 / сост.: А.Ф. Ганиева, Ф.Х. Миннуллина, Л.Р. Надыршина. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 22–25.
3. История татарской литературы. В 8 т. Т. 3. Казань: Татарское книжное издательство, 2015. 551 с. (на татарском языке)
4. *Миннегулов Х.Ю.* И татарину нужен переводчик // Мәдәни жомга. (2008), 10 октябрь. (на татарском языке)
5. *Жиндеева Е.А.* Русскоязычная литература национального региона России: наднациональная идентификация или межлитературные взаимодействия // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы: круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (11 сентября 2019 г., Казань): сб. ст. Вып. 1 / сост.: А.Ф. Ганиева, Ф.Х. Миннуллина, Л.Р. Надыршина. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 63–71.
6. Диалог Равила Бухараева и Сибгата Хакима // Вечерняя Казань, 19 мая 1979.
7. *Нигматуллина Ю.Г.* Памяти ученого, раздвинувшего века и границы (к 90-летию литературоведа Энгеля Нигматуллина / Филология и культура. 2020. № 4 (62) С. 189–194.
8. *Нигматуллин Э.Г.* Диалог литератур: указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык. Казань: Унипресс, 2002.
9. *Аmineва В.Р.* «Определение» в русской и татарской лирике: сопоставительная поэтика жанра // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование: материалы V Международной научно-практической конференции / сост. У.М. Бахтикиреева. М.: РУДН, 2019. С. 153–160.
10. *Нагуманова Э.Ф.* «Непереводимое» в переводах современной татарской поэзии на русский язык: к постановке проблемы // Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ / под общ. ред. В.П. Синячкина. Москва: РУДН, 2022. С. 196–204.
11. *Хабибуллина А.З.* Категория различия и основы сопоставления национальных литератур // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: I международный научно-практический семинар. Казань: сб. материалов /

- сост.: Ф.Г. Файзуллина, Г.А. Хуснутдинова, Э.М. Галимзянова. Казань: ИЯЛИ, 2020. С. 234–239.
12. *Нуртдинова Г.М., Тахтарова С.С., Хабибуллина Э.К.* Татарское литературное наследие в аспекте перевода // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 442–450.
  13. *Сайфулина Ф.С.* Переводы стихов Роберта Миннуллина в контексте популяризации татарской литературы // Международная научно-практическая конференция «Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад», посвященная 70-летию юбилею народного поэта Республики Татарстан Роберта Миннуллина. Казань: Изд-во Магариф-Вақыт, 2018. С. 166–176.
  14. *Хамидуллин Л.* Татарская литература и проблемы перевода // Идель, 2012, № 11, С. 23–24.
  15. *Миннегулов Х.Ю.* О казахско-татарских литературных взаимосвязях и о Рымгали Нургалиеве // Научный Татарстан. 2015. № 3. С. 106–112.
  16. *Муканов С.* Слово о Тукае. Писатели и ученые о татарском народном поэте. Казань: Татарское книжное издательство, 1986. 431 с.
  17. *Сайфулина Ф.С.* Татарско-турецкие культурные и научные взаимосвязи: история и современность // Филология и культура. 2014. № 2 (36). С. 322–326.
  18. *Рахимова А.* Будем знакомы (достояние турецкой литературы). Казань, 2005. (на татарском языке)
  19. *Сайфулина Ф.С., Валиева А. Fatih Kutlu. Ф. Кутлу как переводчик и пропагандист татарской литературы в Турции // Tatarica. 2017. № 2 (9). Б. 42–63.*

References

1. Osipova, M.V. 2021. “Strategies for translating texts of indigenous peoples of the Russian Far East”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 18 (4): 368–392. (In Russ.).
2. Arzamazov, A.A. 2019. Hungarian sonnet of a Tatar poet: an episode of interliterary interaction. In *National literatures at the present stage: scientific concepts and hypotheses: a round table dedicated to the 80th anniversary of the creation of the Institute of Language, Literature and Art named after. G. Ibragimov of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan: collection. Vol. 1. Kazan: IYALI, 2019. Pp. 22–25. Print. (In Russ.)*.
3. History of Tatar literature. In eight volumes: T. 3. 2015, XIX century. Kazan: Tat.knigo publishing house. 551 p. (In Tatar)
4. Minnegulov, Kh.Yu. And the Tatar needs a translator. In *Madani жомга. (2008), October 10. (In Tatar)*
5. Zhindeeva, E.A. 2019. “Russian-language literature of the national region of Russia: supranational identification or interliterary interactions”. In *National literatures at the present stage: scientific concepts and hypotheses: a round table dedicated to the 80th anniversary of the creation of the Institute of Language, Literature and Art named after. G. Ibragimov of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (September 11, 2019, Kazan): collection. Art. Vol. 1. Kazan: IYALI, 2019. Pp. 63–71. Print. (In Russ.)*.
6. Dialogue between Ravil Bukharaev and Sibgat Khakim. 1979. Newspaper “Evening Kazan”, May 19, 1979. (In Russ.).
7. Nigmatullina, Y.G. 2002. In memory of the scientist who expanded centuries and boundaries (to the 90th anniversary of the literary critic Engel Nigmatullin. In *PHILOLOGY AND CULTURE. PHILOLOGY AND CULTURE 4 (62): 189–194. (In Russ.)*.
8. Nigmatullin, E.G. 2002. Dialogue of Literatures: Index of translations of works of Russian literature into the Tatar language. Kazan: Unipress publ. (In Russ.).
9. Amineva, V.R. 2019. “Definition” in Russian and Tatar lyrics: comparative poetics of the genre. In *Bi-, poly-, translanguaging and language education: materials of the V International scientific and practical conference under the auspices of MAPRYAL. Moscow, RUDN University, / comp. U.M. Bakhtikireeva. M.: RUDN, 2019. Pp. 153–160. (In Russ.);*

10. Nagumanova, E.F. 2022. “Untranslatable” in translations of modern Tatar poetry into Russian: towards the formulation of the problem. In Bi-, poly-, translingualism and linguistic education = Bi-, Poly-, Translingualism and linguistic education: collection of materials of the VIII International scientific and practical conference under the auspices of MAPRYAL.
11. Khabibullina, A.Z. 2020. “Category of differences and the basis of comparison of national literatures”. In Tatarology in a changing paradigm situation: theory, methodology, practice: I international scientific and practical seminar. Kazan: IYALI publ. Pp. 234–239. (In Russ.).
12. Nurtdinova, G.M., S.S. Takhtarova, and Khabibullina, E.K. 2021. Tatar literary heritage in the aspect of translation. Polylinguality and Transcultural Practices 18 (4): 442–450. (In Russ.).
13. Sayfulina, F.S. 2018. Translations of Robert Minnullin’s poems in the context of the popularization of Tatar literature. In International scientific and practical conference “Literature and artistic culture of the Turkic peoples in the East-West context”, dedicated to the 70th anniversary of the people’s poet of the Republic of Tatarstan Robert Minnullin. Kazan: Publishing house Magarif-Vakyt publ. Pp. 166–176. (In Russ.).
14. Khamidullin, L. 2012. Tatar literature and problems of translation. Idel 11:23–24.
15. Minnegulov, Kh.Yu. 2015. “About Kazakh-Tatar literary relations and about Rymgali Nurgaliev”. Scientific Tatarstan 3: 106–112. (In Russ.).
16. Rakhimova, A. Let’s get to know each other (the property of Turkish literature). Kazan, 2005. (In Tatar)
17. Saifulina, F.S., and A. Valieva, A. 2017. Fatih Kutlu: A Translator and advocate of Tatar Literature in Turkey. Tatarica 2 (9): 42–63. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Сайфулина Флера Сагитовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой татарской литературы, Казанский федеральный университет. E-mail: fsaifulina@mail.ru, tel. 8 (929)726-50-22

ORCID: 0000-0001-5623-4269

id Scopus 56028479100

Мингазова Ляйля Ихсановна — доктор филологических наук, профессор кафедры татарской литературы, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанский федеральный университет. E-mail: leila69@inbox.ru tel. 8 (904)763-87-01

ORCID: 0000-0001-5116-1419

id Scopus 56436613500

Bio Notes:

Flera S. Sayfulina is a Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Tatar literature, Institute of Philology and intercultural communication, Kazan Federal University (Russia). E-mail: fsaifulina@mail.ru, tel. 8 (929)726-50-22

ORCID: 0000-0001-5623-4269

id Scopus 56028479100

Liailia I. Mingazova is a Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Tatar literature, Institute of Philology and intercultural communication, Kazan Federal University, . E-mail: leila69@inbox.ru tel. 8 (904)763-87-01

ORCID: 0000-0001-5116-1419

id Scopus 56436613500

id Web of Science M-4180-2013

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-673-683
EDN: LWJXZG

Научная статья

Языки коренных народов Сибири: этнопереводческий аспект

В.А. Разумовская

Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79
✉ veronica_raz@hotmail.com

Аннотация. Исследованы лингвистические, антропологические и культурные предпосылки возникновения этнопереводчества, понимаемого как активно развивающаяся фронтальная зона современной гуманитаристики. Символическое значение фронта рассмотрено в переводоведческом дискурсе для обозначения зоны встречи старого и нового, изученного и неизученного. Признание ингерентно сложной и неоднозначной природы рассматриваемого фронта определяет необходимость его исследования в рамках традиционных направлений науки о переводе и ее соответствующей категориальной парадигмы, а также с обязательным привлечением новых знаний, понятий и категорий из «близких» и «дальних» переводоведению научных областей и, прежде всего, наук этнонаправления. Интеграция различных подходов обеспечивает требуемый междисциплинарный подход к этнотексту — новому объекту переводческой деятельности и безусловному ключевому понятию этнопереводчества, которое в настоящее время находится на стадии своего становления и обретения категориального аппарата. Этнотекст определяется в исследовании как этнокультурная информационная «капсула», возникающая и функционирующая в культурных пространствах отдельных регионов и всего многоязычного и поликультурного мира, что способствует сохранению культурной информации и памяти отдельного этноса и обнаруживает тесную связь с культурной идентичностью его представителей, а также поддерживает культурное и языковое многообразие человечества. Исследование, имеющее как дескриптивный, так и прескриптивный характер, обращено к ситуации, которая сложилась в области переводов этнотекстов коренных народов Сибири. Определяются основные сферы и задачи этнопереводчества, а также и дальнейшие перспективы его применения. Этноперевод понимается как «ключ» к культурной информации этнотекстов и эффективный инструмент сохранения уникальных языков и культур коренных малочисленных народов Сибири, их ревитализации и возрождению. Выделение этнопереводчества в отдельную область переводоведения предполагает создание новых возможностей для знакомства представителей «других» культур мира с уникальными языками и культурами Сибири, часть которых находятся на грани исчезновения. Этнопереводчество

© Разумовская В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

также может обрести важное значение для поддержания и усиления культурной идентичности у представителей этносов, практически утративших свой родной язык.

Ключевые слова: этнотекст, культурная информация и память, идентичность, интегративный подход, междисциплинарность, этноперевод

История статьи: поступила в редакцию 18.06.2023; принята к печати 19.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Разумовская В.А. Языки коренных народов Сибири: этнопереводческий аспект // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 673–683. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-673-683>

Research Article

Languages of the Indigenous Peoples of Siberia: Ethnic Translation Aspect

Veronica A. Razumovskaya

Siberian Federal University,
79 Svobodnyy prospect, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation
✉ veronica_raz@hotmail.com

Abstract. The article addresses the linguistic, anthropological and cultural prerequisites for the emergence of Ethnic Translation Studies, understood as an actively developing frontier zone of modern humanities. The symbolic meaning of the frontier is proposed in the translation discourse to denote the meeting zone of the old and the new, the studied and the unexplored. The recognition of the inherently complex and ambiguous nature of the frontier under consideration determines the need for its research within the framework of traditional areas of translation science and its corresponding categorical paradigm, as well as with the mandatory involvement of new knowledge, concepts and categories from “near” and “far” for Translation Studies scientific fields and, above all, the sciences of ethnic area. The integration of various approaches provides the required interdisciplinary approach to the ethnic text — a new object of translation activity and an unconditional key concept of Ethnic Translation Studies, which is currently at the stage of its formation and acquisition of a categorical apparatus. The ethnic text is defined in the study as an ethnocultural information “capsule” that arises and functions in the cultural spaces of certain regions and the entire multilingual and polycultural world, which contributes to the preservation of cultural information and memory of a particular ethnic group and reveals a close connection with the cultural identity of its representatives, and also supports the cultural and linguistic diversity of mankind. The study, which has both descriptive and prescriptive character, is addressed to the situation that has developed in the field of translations of indigenous peoples of Siberia ethnic texts. The article defines the main areas and tasks of Ethnic Translation Studies, as well as further prospects for its application. Ethnic translation is understood as the “key” to the cultural information of ethnic text and an effective tool for preserving the unique languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia, their revitalization and revival. The separation of ethnic translation into an independent field of Translation Studies involves the creation of new opportunities for representatives of “other” cultures of the world to get acquainted with the unique languages and cultures of Siberia, some

of which are on the verge of extinction. Ethnic Translation Studies can also become important for maintaining and strengthening cultural identity among representatives of ethnic groups who have practically lost their mother tongue.

Key words: ethnic text, cultural information and memory, identity, integrative approach, interdisciplinarity, ethnic translation

Article history: received 18.06. 2023; accepted 19.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Razumovskaya, V.A. 2023. “Languages of the Indigenous Peoples of Siberia: Ethnic Translation Aspect”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 673–683. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-673-683>

Введение

Фронтир как понятие современной науки

Появление в предметной области переводоведения неоектов или применение новых подходов к объектам, ставшим уже традиционными (и даже «вечными»), определяет необходимость и важность обращения к фронтирным зонам актуальной переводческой проблематики, требует расширения категориальной парадигмы науки о переводе, через призму которой проблемы исследуются. В своем основном значении фронтир является территориальным, географическим понятием, передающим идею границы, проходящей между освоенными и неосвоенными территориями (как, например, при освоении североамериканского континента). В дальнейшем понятие фронтира обрело в гуманитаристике переносное значение и широко используется в символическом и абстрактном смыслах. Став в последнее время часто используемым в науке как гносеологическое и эпистемологическое понятие, фронтир трактуется уже как некая важная граница, разделяющая старое и новое, зону их пересечения, подвижную зону, обладающую незаконченностью и неопределенностью и ведущую в итоге к интеграции [1]. Связь фронтира с интегративным подходом к его исследованию, отвечающему общему курсу на научную интеграцию, стало отличительной чертой научной мысли XXI в., основные тренды которой определяются как комплексное исследование фронтирных зон, понимаемых как передний край знаний о жизни (по данным сайта НИУ ВШЭ от 08.02.22, <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/562629709.pdf>). Среди явного многообразия актуальных фронтиров представлены различные типы, изучение которых предполагает синтез различных подходов и знаний из многих областей науки.

Современное переводоведение уверенно обрело статус интегративной области гуманитаристики, активно развивающей междисциплинарность

(а также и трансдисциплинарность), что, по мнению теоретиков перевода, может привести к созданию новой эффективной модели перевода и стать надежным залогом системности и успешности в изучении переводческой деятельности и накоплении переводческого опыта [2]. Выделение фронтальных зон в переводоведении непосредственно связано с его междисциплинарностью, предполагающей интеграцию уже существующих направлений в науке о переводе, а также привлечение знаний из различных (не только гуманитарных) областей знаний. При этом становится уместно следующее гипотетическое предположение: во фронтальных зонах переводоведения междисциплинарность значительно усиливается, что обусловлено как гетерогенностью анализируемых (нео)объектов, так и вытекающей из их сложной природы необходимостью проводить анализ с позиций принципа дополненности. Предложенный Н. Бором почти сто лет назад для рассмотрения актуальной проблематики предметной области квантовой механики принцип дополненности приобрел универсальный научный статус и соответствует практике привлечения идей, высказанных в других областях знаний, для рассмотрения сложных переводоведческих проблем.

Результаты и обсуждение

Фронтальные зоны переводоведения

К фронтиру с полным правом можно отнести этнопереводоведение, выделение которого в отдельный раздел науки о переводе намечалось в результате наблюдаемого «бума» исследовательского внимания к различным этнодисциплинам (этнографии, этнолингвистике, этнологии, этнопсихологии, этнолитературоведению и т.д.), существенного переосмысления традиционной антропологической онтологии и действенное применение ее матричных свойств для рассмотрения гуманитарных вопросов. Еще одной важной предпосылкой этнопереводоведения стало накопление ценных этноматериалов — важнейших антропологических объектов, ставших в связи с «этнобумом» интересными и доступными для исследователей. Антропологический поворот «означает смену парадигмы в мышлении о человеке и поиск нового языка для выработки нового антропологического дискурса» [3]. Указанный поворот был подготовлен предшествующими новаторскими идеями исследователей, работающих в отношении антропологии в «ближних» и «дальних» сферах науки. К знаковым предпосылкам этнопереводоведения с полным правом можно отнести и лингвистический поворот, предопределивший интерес к тексту, понятие которого в дальнейшем вышло за пределы науки о языке и уверенно приобрело широкое семиотическое значение.

Становление антропологической парадигмы науки обеспечило смену продолжительное время господствующего в переводоведении

литературно-лингвистического подхода на новый коммуникативный подход, что определило необходимость обращения к человеку, вовлеченному в переводческую деятельность, понимаемую как особый вид сложного коммуникативного процесса (к автору, переводчику, адресату и т.д.). Т.Г. Пшенкина считает междисциплинарность перевода отражением интегративных процессов в современной науке, выделяя среди подходов к переводоведческой проблематике именно функционально-коммуникативный подход [4].

Таким образом, этнопереводоведение — это прямой «наследник» прежде всего лингвистического и антропологического поворотов гуманитаристики. Ключевым объектом нового направления стал этнотекст, понимаемый как обязательный элемент этнодискурса и важнейший фактор языковой и культурной идентичности [5]. Именно посредством этнотекстов представители различных культур получают возможность познакомиться со «своей» и «чужой» культурой информацией и памятью, представленными в такого рода текстах. Исследование этнотекстов дает прекрасную возможность приблизиться к народной культуре, основной формой и важным условием существования которой является традиция. Именно через традицию происходит накопление и постоянное воспроизводство в социальной среде коллективного опыта и формирование на его основе этнокультурной памяти [6]. Этнотекст можно образно определить как некую этнокультурную информационную «капсулу», формируемую и активно функционирующую в культурных пространствах отдельных регионов и всего поликультурного мира и ставшую основной формой («упаковкой») представления культурной информации и памяти [7]. Корпусы этнотекстов служат надежными «банками» культурной информации и памяти и играют важнейшую роль действенных инструментов формирования и сохранения культурной идентичности для представителей «своего» этноса. Информационные свойства этнотекстов, присутствующих в пространствах культур, позволяют считать данные культурные объекты регулярными генераторами новой культурной информации и памяти, что полностью согласуется с плодотворной лотмановской идеей о текстах как активных создателях культуры, генераторах культурных смыслов [8].

Как научный объект этнотекст принадлежит к нескольким областям знаний, в частности к лингвистике, фольклористике, культурологии и этнографии. Основы теории этнотекста были сформулированы Ж.-К. Бувье и Кс. Равье, определившими этнотекст как речь (дискурс) коллектива о самом себе [9; 10]. Французские лингвисты обратились к этнотекстам в более широком контексте дискурсивных исследований — с позиций эпilingвистического дискурса, выполняющего не только коммуникативную, но и эпilingвистическую функцию, отражающую связь говорящего со «своим» территориальным социумом, его отношение к своему языку и культуре [11]. Источниками концепции этнотекста наряду с теорией дискурса также стали традиционная фольклористика и этнография XIX — начала XX в., структурная антропология

К. Леви-Стросса и идеи социолога Э. Дюркгейма о коллективных представлениях и коллективном сознании [5. С. 54]. Первоначально французские лингвисты анализировали устные этнотексты (этнодискурс) городских и сельских жителей. В дальнейшем в материалы исследований были включены и письменные тексты. Следует признать, что к настоящему времени еще не создана общепризнанная типология этнотекстов, что отражает различные точки зрения на их природу и признаки, а также разногласия в критериях выделения такого рода текстов. Выражая обоснованное сомнение в возможности создания «полного» корпуса этнотекстов, Т.Ю. Загряжкина отмечает, что бесспорное методологическое значение приобретает понятие глобального этнотекста — референтного фонда знаний и установок, дающим человеку ориентиры для жизни в каждом конкретном культурном ареале [5. С. 59–60]. В отношении типологии традиционно разграничиваются литературные (легенды, сказки, песни, пословицы, поговорки, эпосы) и нелитературные (воспоминания, рассказы, биографии) этнотексты.

Как уже указывалось, важнейшими параметрами этнотекстов является наличие в них культурной информации и памяти, а также их связь с конкретной территорией. Этнотексты, прежде всего, призваны обеспечить актуализацию традиции, извлечение ее из пассивной памяти этноса (или постоянное удержание традиции в активной памяти) и ее функционирование в культурном пространстве. Можно утверждать, что посредством традиции культура этноса обеспечивает себе сохранение и дальнейшее развитие. Целью изучения этнотекстов является актуализация культурного смысла, который в них был заложен создателями (как коллективными, так и индивидуальными; как неизвестными, так и известными), определение того, что думают о своем коллективе говорящие и что они хотели бы рассказать слушателям.

Отметим, что события коллективной жизни этноса, сохраненные в его культурной памяти, передаются в этнотекстах выборочно, произвольно, а также неоднозначно и неточно. Обращение к культурной памяти связано еще с одним поворотом, происходящим в гуманитаристике (наряду с антропологическим и лингвистическим), — культурным. Более правильно было бы утверждать, что все три поворота тесно взаимосвязаны, ими не ограничивается динамика гуманитарной науки, но они занимают в ней ключевые позиции, следуя друг за другом или синхронно и обеспечивая возникновение новых поворотов [12]. Результатом культурного поворота стало изменение старой и создание новой научной парадигмы, нашедшей отражение в работах Дж. Александера, А. Варбурга, П. Жане, Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана М. Хальбвакса. Именно культурный поворот стимулировал обращение исследователей к культурной памяти [13]. Таким образом, этнотекст приобретает устойчивый научный интерес также и в силу ингерентного присутствия в нем культурной информации и памяти — явлений, изучаемых в рамках парадигм всех трех поворотов гуманитаристики. Нельзя не согласиться

с французскими дискурсологами в том, что этнотекст — это прежде всего текст о культуре [14]. Изучение культурной памяти в контексте вопросов этнической идентичности предполагает обращение к факторам, обеспечивающим формирование такого рода идентичности, и к основным способам общения к ней.

Корпус этнотекстов коренных народов Сибири (насколько возможно говорить о наличии такого корпуса или его полноте) содержит уникальный этнографический материал и прошел сложный (еще далеко не оконченный) путь создания. Особенностью формирования корпуса является следующее обстоятельство: при первых случаях обращения к этнотекстам коренных сибирских этносов их языки еще не имели письменной формы и этнотексты фиксировались с помощью алфавитных систем других языков (кириллицы и латиницы). Языки коренных малочисленных народов Сибири получили письменность преимущественно в XX в., что позволяет определить их как младописьменные или новописьменные. Сибирские этнотексты с полным правом могут быть определены как объекты «ближней антропологии», т.е. отнесены к понятию, которое было использовано учеными Франции для обозначения дисциплины, изучающей народные традиции «своей» страны, и дихотомичное понятию «дальней антропологии», репрезентирующей область знаний, объектами которой являются уже культуры зарубежных («чужих») стран.

Выше отмечалось, что обязательными характеристиками этнотекстов является наличие в них культурной информации и памяти, а также их эпилингвальность — способность эксплицировать принадлежность к определенному территориальному социуму. Еще одной важной регулярной характеристикой является их языковая форма — форма родного языка их создателей. Можно уточнить, что такие этнотексты являются первичными, описывающими на «своем» языке «свою» культуру. Иноязычные версии, возникающие в результате перевода, относятся к категории вторичных этнотекстов. В соответствии с ключевым объектом перевод этнотекстов может быть определен как этноперевод. Накопленный материал переводов этнотекстов коренных народов Сибири и области их функционирования свидетельствуют о сферах их применения, среди которых представлены научно-исследовательская, культурно-просветительская, а также образовательно-социальная. Так, в сфере науки перевод этнотекстов с момента их «открытия» используется для фиксации и описания уникальных этнообъектов. Другим важным научным аспектом, непосредственно связанным с изучением этнотекстов, является сохранение и ревитализация языков и культур, находящихся под угрозой исчезновения. Результаты научного описания языков и культур коренных (в первую очередь малочисленных) народов Сибири должны стать основой для определения стратегий и разработки программ их сохранения и возрождения,

что делает этноперевод инструментом, с помощью которого уникальные языки и культуры не только изучаются, но и сохраняются.

В культурно-просветительской сфере перевод становится «ключом» для представителей «других» культур к знакомству с «чужими» для них языками и культурами. Речь здесь идет не только о представителях культур «далеких», но и культур «близких», среди которых наиболее «близкой» является русская культура, а также культуры этносов, проживающих на одних территориях (см. выше о «ближней» и «дальней» антропологии). С помощью переводов этнотекстов, их вторичных иноязычных версий малоизвестные и неизвестные культуры входят в широкое поликультурное пространство России и всего современного мира, обеспечивая его культурное разнообразие. Также отметим, что полная или частичная утрата родных языков, доминирование русского языка в различных сферах общения и при этом возрастающее стремление коренных народов Сибири познакомиться со «своей» культурой делает такое знакомство для них возможным именно через переводы «своих» этнотекстов (прежде всего через переводы на русский язык).

В образовательно-социальной сфере применение переводов этнотекстов связано с особенностями социокультурной динамики коренных народов Сибири, с наиболее проблемными аспектами этнической идентичности в поликультурных пространствах современной Сибири, России и мира. Следует отметить, что в условиях инокультурного воздействия и взаимодействия, а также возрастающей тенденции к обретению и сохранению коренными малочисленными народами своей культурной идентичности перевод может стать одним из действенных механизмов сохранения культурной самобытности сибирских этнических общностей. В данной ситуации первичные и вторичные этнотексты (часто публикуемые в билингвальном формате) представляют собой ценнейший дидактический материал, который используется на различных ступенях дошкольного, школьного и университетского образования, а также и самообразования. Важную роль образовательную роль в данном контексте играет публикация этнотекстов в учебных, научных, художественных и периодических изданиях, что делает их доступными «своим» и «чужим».

Ключевым для этноперевода является понятие «чужого», которое должно стать понятным, но при этом сохранить свою «иноэтничность» во вторичных текстах. В связи с этим для становления этнопереводоведения крайне важными оказываются новаторские идеи А. Бермана, считавшего перевод испытанием «чужим» и определившего переводческую деятельность как опыт постижения «чужого» [15; 16]. Французский исследователь отмечал, что особую ценность во вторичном тексте представляют сохраненные в переводе «следы» «чужого». При переводе этнотекстов «чужими» становятся уже «этноследы», в силу чего этноперевод представляет собой переводческую

деятельность, целью которой является декодирование, интерпретация и трансляция культурной информации и памяти этносов. Культурная информация и память станут единицами этноперевода, относительно которых должно приниматься переводческое решение.

Заключение

Являясь фронтальной зоной, этнопереводведение находится еще на стадии становления. Тем не менее можно утверждать, что формируется новая интегративная область гуманитаристики, объединяющая концепции общего, специального, частного переводоведения, а также плодотворные идеи многочисленных этнодисциплин, что позволяет надеяться на успешное изучение параметров этнотекстов в их первичной и вторичной формах, а также их функционирования в «своих» и «чужих» культурных пространствах. Этноперевод может стать действенным инструментом описания, сохранения и возрождения уникальных языков и культур малочисленных этносов Сибири, находящихся под угрозой исчезновения.

Список литературы

1. Синельникова Л.Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. No. 2. С. 467–492.
2. Поликарпов А.М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2017. Т. 16. № 3. С. 6–17.
3. Смирнов С.А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // *Философия и культура*. 2017. № 2. С. 23–35.
4. Пшенкина Т.Г. Междисциплинарность перевода как отражение интегративных процессов в современной лингвистике // *Язык и культура*. 2014. № 1 (25). С. 51–62.
5. Загряжская Т.Ю. Этнодискурс в пространстве языка и культуры // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2016. № 2. С. 52–65.
6. Брандт З.В. Этнотекст как форма проявления этнокультурной памяти: на русском и французском материале: дисс. ... канд. культурол. наук. М., 2001.
7. Разумовская В.А. Этнопереводведение как новое пограничье / фронтир перевода // *Эпосоведение*. 2021. № 4. С. 44–52.
8. Лотман Ю.М. Три функции текста // *Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история*. М.: Языки русской культуры, 1999.
9. Bouvier J.-C., Ravier X. Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France // *Le monde alpin et rhodanien*. Grenoble, 1976. No 1–2. Pp. 207–212.
10. Bouvier J.-C. La notion d'ethnotexte // *Les voies de la parole: ethnotextes et littérature orale, approches critiques*. Aix-Marseille: Université de Provence, 1992. Pp. 9–22.
11. Bulot T. Discours épilinguistique et discours topologique: une approche des rapports entre signalétique et confinement linguistique en sociolinguistique urbain // *Revue de l'Université de Moncton*. 2005. Vol. 36. No 1. Pp. 219–253.
12. Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // *Международный журнал исследования культуры*. 2013. № 1 (10). С. 93–108.

13. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C.H. Beck, 1992.
14. Tradition orale et identité culturelle: problèmes et méthodes / ouvrage réalisé sous la direction de J.C. Bouvier; [Centre de recherches méditerranéennes sur les ethnotextes, l'histoire orale et les parlers régionaux de l'Université de Provence]. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1980.
15. *Разумовская В.А.* Этноперевод как испытание «чужим» // Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в цифровую эпоху. Ч. 1: сб. научных трудов. Ч. 1. М.: РУСАЙНС, 2022. С. 153–158.
16. *Berman A.* L'Épreuve de l'étranger. Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. Paris: Gallimard, 1984.

References

1. Sinel'nikova, L.N. 2020. "Conceptual environment of frontier discourse in the humanities". *Russian Journal of Linguistics* 24 (2): 467–492. Print. (In Russ.).
2. Polikarpov, A.M. 2017. "Integrative Translation Studies: background and main ideas". *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* 16 (3): 6–17. Print. (In Russ.).
3. Smirnov, S.A. 2017. "The anthropological turn: its meaning and lessons". *Philosophy and Culture* 2: 23–35. Print. (In Russ.).
4. Pshenkina, T.G. 2014. "Interdisciplinarity of translation as a reflection of integrative processes in modern linguistics". *Language and Culture* 1 (25): 51–62. Print. (In Russ.).
5. Zagryazkina, T.Yu. 2016. "Ethnic discourse in the space of language and culture". *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication* 2: 52–65. Print. (In Russ.).
6. Brandt, Z.V. 2001. "Ethnic text as a form of manifestation of ethnocultural memory: on Russian and French material". Candidate Thesis. Moscow, 230 p. Print. (In Russ.).
7. Razumovskaya, V.A. 2021. "Ethnic Translation Studies as a new borderland / frontier of translation". *Epic Studies* 4: 44–52. Print. (In Russ.).
8. Lotman, Yu.M. 1999. "Three functions of text". In *Inside thinking worlds: Man — text — semiosphere — history*, 11–22. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ. Print. (In Russ.).
9. Bouvier, J.-C., Ravier, X. 1976. "Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France". *Le monde alpin et rhodanien*. Grenoble 1–2: 207–212. Print. (In French).
10. Bouvier, J.-C. 1992. "La notion d'ethnotexte". In *Les voies de la parole: ethnotextes et littérature orale, approches critiques*, 9–22. Aix-Marseille: Université de Provence. Print. (In French).
11. Bulot, T. 2005. "Discours épilinguistique et discours topologique: une approche des rapports entre signalétique et confinement linguistique en sociolinguistique urbain". *Revue de l'Université de Moncton* 36 (1): 219–253. Print. (In French).
12. Savchuk, V.V. 2013. "The phenomenon of a turn in the culture of the 20th century". *International Journal of Cultural Research* 1 (10): 93–108. Print. (In Russ.).
13. Assmann, J. 1992. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: C.H. Beck. Print. (In Germ.).
14. Tradition orale et identité culturelle: problèmes et méthodes / ouvrage réalisé sous la direction de J.C. Bouvier; [Centre de recherches méditerranéennes sur les ethnotextes, l'histoire orale et les parlers régionaux de l'Université de Provence]. 1980. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique. Print. (In French).
15. Razumovskaya, V.A. 2022. "Ethnic Translation as a test of 'other'". In *Language. Culture. Translation: intercultural communication in the digital age. Proceedings. Pt. 1*. Moscow: RUSAJNS publ. Pp. 153–158. Print. (In Russ.).
16. Berman, A. 1984. *L'Épreuve de l'étranger. Culture et traduction dans l'Allemagne romantique*. Paris: Gallimard. Print. (In French).

Сведения об авторе:

Разумовская Вероника Адольфовна — кандидат филологических наук, доцент, профессор научно-учебной лаборатории поведенческой экономики и развития коммуникаций, Сибирский федеральный университет. E-mail: veronica_raz@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-0751-7964

eLibrary SPIN-code: 8263-8539

Bio Note:

Veronica A. Razumovskaya is a Candidate of Sciences (In Philology), Associate Professor, Professor of the research-academic laboratory of behavioral economics and communications development at Siberian Federal University. E-mail: veronica_raz@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-0751-7964

eLibrary SPIN-code: 8263-8539

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-684-693
EDN: LZCCFG

Научная статья

Теория транслингвильности: исследования Стивена Келлмана

У.В. Овчеренко , Н.А. Токарева

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.
Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 ovcherenko1993@gmail.com

Аннотация. В современном мире в эпоху глобализации все большее количество исследователей обращаются к феномену транскультурного текста. Ставший принятым термин «монокультуры» не в полной мере отображает культурные феномены нашего времени. Термин «билингвильный» является недостаточным, не полно отражающим суть происходящих в мышлении писателя и литературном тексте процессов. Термин «транслингвильный» является наиболее предпочтительным и емким. Он включает в себя понятие о взаимообогащающем диалоге культур, а не только о номинальном разграничении языков. Изучение различных подходов к исследованию процесса транскulturации, который наиболее ярко отражен в транслингвильной литературе, обусловлено необходимостью расширения парадигмы, с которой может быть рассмотрен литературный би-, поли- и транслингвильный опыт русскоязычного мира. Этот уникальный феномен не может быть изучен только в рамках нарративов новейшего времени, утвердившихся в Европе, или исключительно в логике европейской современности. На русском языке научных работ по транскulturности или транслингвильной литературе ничтожно мало. Причина — разночтение в формулировках. Термин «транскulturная литература» еще не прижился на постсоветском пространстве: для обозначения предмета исследования чаще используется термин «билингвильная литература». Именно поэтому сначала мы очертим границы и определим суть исследования: рассмотрим термин «билингвильзм», его виды, актуальность данного понятия в современном мире и на постсоветском пространстве, сравним его с термином «транскulturность» и пр.; затем докажем, что термин «транслингвильная литература» имеет определенные и явные преимущества перед термином «билингвильная литература», а после этого обратимся к исследованиям Стивена Келлмана в области теории транскulturной литературы. В рамках данной работы мы проанализируем некоторые научные труды русскоязычных исследователей по этой теме.

Ключевые слова: транслингвильзм, транслингвильная литература, транслингвильные авторы, транскulturация

История статьи: поступила в редакцию 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

© Овчеренко У.В., Токарева Н.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Овчеренко У.В., Токарева Н.А. Теория транслингвальности: исследование Стивена Келлмана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 684–693. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-684-693>

Research Article

Translingual Theory: Steven Kellman's Studies

Uliana V. Ovcherenko , Nadezhda A. Tokareva

RUDN University,
6 Mikhlukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
 ovcherenko1993@gmail.com

Abstract. In the modern world under the conditions of globalization, interest in the phenomenon of transcultural text is steadily increasing. Familiar terms of monoculture become irrelevant for describing modern cultural phenomena, in this connection we found that the term “bilingual” is insufficient, not fully reflecting the essence of the processes occurring in the writer’s thinking and literary text. We concluded that the term “translingual” is the most preferable and succinct. It includes the notion of a mutually enriching dialog of cultures, not just a nominal distinction of languages. The study of various approaches to the research of the process of transculturation, which is most vividly reflected in translingual literature, is conditioned by the need to expand the paradigm from which the literary bi-, poly- and translingual experience of the Russian-speaking world is to be considered. This unique phenomenon cannot be studied only within the framework of the narratives of the new age that has established itself in Europe, or exclusively in the logic of European modernity. If we set a task to find scientific works on transculturalism or translingual literature in Russian, we will encounter a negligible number of them. However, the reason for this will not be the lack of researchers’ interest in the subject of study, but it will be due to a difference in wording. The fact is that the term “transcultural literature” has not yet taken root on the territory of, for example, the post-Soviet space: the term “bilingual” literature is more often used to designate the subject of study. That is why in this article we will first outline the boundaries and define the essence of the research: we will consider the term “bilingualism”, its types, the relevance of this concept in the modern world in general and in the post-Soviet space in particular, compare it with the term “transculturality”, etc.; then we will prove why the term “translingual” has certain and obvious advantages over the term “bilingual”, and after that we will turn to the figure of Stephen Kellman as an apologist of the theory of transcultural literature. Within the framework of this paper we will analyze some of the scientific works of Russian-speaking researchers who write articles, monographs devoted to this topic.

Key words: translingualism, translingual literature, translingual authors, transculturation

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Ovcherenko, U.V., and N.A. Tokareva. 2023. “Translingual Theory: Steven Kellman’s Studies”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 684–693. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-684-693>

Введение

В работе В. Вайнрайха «Языковые контакты: статус и проблемы исследования» мы находим определение билингвизма, ставшее классическим: под билингвизмом подразумевается чередование двух языков. Л.В. Щерба выделяет чистый и смешанный билингвизм. В первом случае один язык используется на работе, а второй — дома; во втором — два языка смешиваются, образуя некую синкретическую форму.

В настоящее время монолингвальные регионы практически отсутствуют. Различные культуры и литературы не только ведут диалог, но и синтезируются. Языковая ситуация, сложившаяся на постсоветском пространстве, характеризуется тем, что здесь сосуществуют, взаимодействуя и синтезируясь, русский язык и государственный язык этнического большинства. Е.О. Опарина обращается к языковой обстановке в Казахстане, а также регионах России, таких как Мордовия и Татарстан [1].

Р.О. Туксайтова указывает на важность связи бикультуризма и художественного билингвизма, который свойственен национальным республикам, входившим в состав СССР: «Казахские писатели-билингвы А. Алимжанов, О. Сулейменов, С. Санбаев, Б. Момышулы и другие пишут на русском языке о культуре, быте, традициях, истории казахского народа. В их творчестве представлен жизненный материал, отражающий особенности двух культур — казахской и русской. Благодаря русскому языку как форме литературного творчества произведения писателей-билингвов были известны широкому кругу читателей» [2. С. 97–101]. Исследователь указывает на то, что в подобной ситуации происходит взаимное обогащение моделями, взятыми из соседствующих культур и перенесенными культурными реалиями другой культуры в свою.

Обсуждение

Эпоха глобализации и явление транскультурности касаются всех областей жизни, и литература не является исключением. Термин «транскультурация» был введен в науку кубинским антропологом Ф. Ортисом в 1940 г. [3]. У М.В. Тлостановой мы также встречаем этот термин. Исследователь пишет, что транскультурация в настоящее время трактуется как «эпистемологическая модель, соответствующая эпохе глобализации и проявляющаяся в самых разных областях жизнедеятельности» [4. С. 126–149]. Важно

отметить, что, по мнению М.В. Глостановой, транскulturация является собой не слияние культур, а непосредственно их разговор, диалог. Однако это взаимодействие, общение культур не является фактором утраты «непрозрачности» культур. М.В. Глостанова обращается к явлению «постсоветского» и его взаимоотношениям с набирающей обороты глобализацией, которая также проявляется в пространстве литературы. Благодаря глобализации в литературе сейчас существуют уникальные художественные парадигмы, появившиеся в ходе контактов и взаимообогащения литератур определенных народов и мировой литературы. Исследователь описывает субъект литературы в эпоху глобализации как тот, который, «с одной стороны, уже привык существовать вне локальностей, но, с другой — его память, его бессознательное полны «осколков» прошлого, отраженного в настоящем» [5].

Д. Новохатский говорит, что имеют место некоторые трудности в методологическом и терминологическом аспектах, связанные с исследованием русскоязычной литературы, написанной в иноязычном и инокультурном пространстве. Однако он утверждает, что художественные тексты, созданные на русском языке, где бы территориально и кем бы они ни были написаны, автоматически попадают в строй русской литературы [6]. На наш взгляд, такой подход к трактовке сущности транслингвальной литературы не вполне правомерен. Безусловно, билингвальные авторы опираются на все доступное им богатство мировой литературы. Однако повествовательные модели, жанровые выборы и эпистемиологические модели произведений транслингвальной литературы не могут рассматриваться только и исключительно как часть русской литературы. Именно поэтому необходимо ввести специальный термин «транслитература», «транскультурный текст», демонстрирующий как отличительные, так и синкретичные особенности рассматриваемого нами материала.

Определение транскультурного текста, данное О.А. Валиковой и А.С. Демченко, кажется нам наиболее доказательным: «В русле современной гносеологической доминанты в науках о языке — антропоцентризма — художественный Текст перестает быть *только* (курсив наш. — Авт.) продуктом речевой деятельности, подвергаемым структурной препарации. Он превращается в зону „перекрестного опыления“ множественными смыслами, в креативное поле с повышенным потенциалом к генерации новых образов мира... Текст, безусловно, становится репрезентантом нескольких культур в их взаимоналожении, взаимоотталкивании, симбиозе, подчинении, адаптации» [7].

Пристальное внимание к феномену транскультурного текста постоянно растет из-за увеличения роли глобализации в современном обществе. Ввиду этого транскультурный текст может изучаться как объект, вступающий в конфронтацию с глобализацией, и как пространство литературных

экспериментов (с формами, жанрами, направлениями), представляющее собой естественное слияние национального и инонационального.

И.И. Валуйцева и Г.Т. Хухуни разграничивают «билингвизм автора» и «авторский билингвизм». Под авторским билингвизмом понимается факт владения автором двумя или более языками, а под билингвизмом автора — факт написания литературного произведения, обладающего высокой культурной значимостью и соответствующей формой, т.е. создание художественных произведений на неродном языке [8]. Исследователи согласны с мнением ученых, которые считали, что творчество на родном и на неродном языках — это не тождественный процесс, однако отмечают, что данный вопрос является спорным.

На территории республик бывшего Советского Союза определение языка творчества также дополняется вопросом о национально-культурной принадлежности автора. К.К. Султанов говорит о том, что русский язык становится языком литературного самовыражения автора, «как имманентный фактор национально-литературного самоопределения» [9]. Ученый говорит о том, что некорректно отождествлять язык творчества и самоидентификацию поэта или писателя (ранее актуальной считалась радикальная позиция, подразумевавшая, что человек в большей степени принадлежит к той культуре, языком которой он пользуется активнее). Если автор в иноязычной среде использует русский язык, это не приводит к разрыву с этнически родной культурой, напротив, происходит взаимное обогащение этнической и русской культур [9].

Мы согласны с мнением, что билингвальный автор способен мыслить категориями языка своей культуры и использовать в своем творчестве словообразовательные модели, образную систему и т.д. русского языка, не прибегая к родному языку в процессе творчества, вслед за З.М. Габуниа, которая считает, что «при русскоязычном художественном творчестве этот процесс (мышление билингва. — *Авт.*) протекает со своими особенностями и закономерностями. Национальный писатель в своих произведениях, прежде чем воссоздать тот или иной эпизод, глубоко его переосмысливает, чтобы он был понятен русскоязычным читателям. На каком бы языке автор ни писал художественное произведение о своем народе, мышление его питается прежде всего национальным сознанием» [10].

У.М. Бахтикиреева говорит, что «...понятие „русскоязычный писатель“ в своем значении потенциально содержит комплекс проблем исторического, культурного, лингвистического, социального, политического характера» [11]. Автор отмечает уникальную особенность билингвальной личности, которая состоит в возможности овладеть другим языком для того, чтобы осмыслить и описать реальность. Исходя из суждения М.М. Бахтина о диалогизме, она указывает на самое значительное «свойство билингвальной личности отражать действительность в ее национально-специфическом варианте, инварианте и в ее глобальном проявлении» [11].

Таким образом, становится очевидным, что в терминологический аппарат, касающийся исследований транслингвальной литературы, необходимо ввести термины, в большей степени отражающие актуальную литературную действительность. В наше время в связи с развитием процессов транслингвальности и транскультурности как никогда актуален вопрос идентификации писателя. Для того, чтобы отразить культурные феномены современного мира, прежние термины монокультуры оказываются не вполне корректными, так как быстро устаревают. Именно поэтому сегодня возникает множество споров относительно формулировки новых явлений действительности в условиях перехода в новую парадигму, где сложно поставить четкие рамки, чтобы очертить понятия идентификации и самоидентификации. Однако эта полемика сейчас необходима и особенно важна. В нашей работе мы отталкиваемся от того, что национальная литература на русском языке делится на русскую и русскоязычную, это позволяет учитывать базовые стилистические различия литератур, а также разнонаправленный характер тенденций внутри них. Преимуществом данной позиции является возможность разграничения русских писателей, чье мировоззрение и творчество в большинстве основано на достоинствах русской литературы, и эти писатели имеют фундаментально русскую ментальность, и авторов, в чьем творчестве сконструированы неповторимые стилистические тенденции, существуют особые жанровые предпочтения, уникальное воплощение образных и архетипических структур, способов переработки и понимания действительности.

Стивен Келлман — один из зачинателей теории литературного транслингвизма. Интерес к эстетике поликодовости, проявленной в текстах «неоамериканских» писателей и оформившийся в серии эссе, дал импульс к написанию ряда научных работ, ставших классикой заявленной исследовательской парадигмы. Келлман выделяет две категории авторов-транслингвов: изолингвальные транслингвы — авторы, переключающие языки, но пишущие только одним языком; амбилингвальные транслингвы — авторы, создающие свои произведения на двух и более языках. Кроме того, в своих исследованиях ученый прибегает к терминам L1 и L2 (Language 1 и Language 2) [12], маркируя родной язык и второй язык (язык творчества для изолингвальных транслингвов). Келлман обращается к яркому примеру транслингва-изолятора Джозефа Конрада — поляка, ставшего известнейшим английским писателем, а в качестве двуязычного транслингва приводит в пример Самюэля Беккета, урожденного ирландца, чье творчество как на английском, так и на французском языке стало культовым для европейской литературы и культуры.

В своих работах Келлман, апеллируя к опыту классической латинской литературы, утверждает, что монолингвальная парадигма творчества характерна исключительно для европейской литературы

конца XVIII в. Для всего остального мира многоязычие в целом и транслингвильность в частности являются нормой и результатом естественного развития литературы и культуры. При этом Келлман подчеркивает, что смена страны проживания не всегда становится обязательным условием для изменения языка творчества: так, А.И. Солженицын, проживая в Соединенных Штатах, остался верен русскому языку, особо не утруждая себя изучением английского языка в принципе; родившийся в Польше Исаак Башевис Зингер, хотя подавляющее большинство времени прожил в Соединенных штатах и бегло говорил по-английски, языком творчества избрал родной идиш, несмотря на то, что его (идиша) читательская аудитория уменьшилась.

Так же как и другие ученые, важнейшим фактором появления и развития транслингвильной литературы Келлман считает империализм, причем не только военный и политический, но и культурный, коммерческий. Келлман приводит в пример страны Азии и Африки: весьма полемичной темой считается выбор языка творчества писателями этого региона. Так, Джеймс Нгуги свои первые романы публиковал на английском языке. Позже он пришел к мнению, что тем самым он предает родной язык гикую, а вместе с ним и родную культуру. Свои последующие произведения Нгуги публиковал на гикую (хоть и перевел их впоследствии на английский язык). Напротив, Чинуа Ачебе мог писать только на английском языке по той причине, что его родной язык игбо еще не имел письменной формы. Именно этому писателю принадлежит мысль, имеющая важнейшее значение для всей теории транслингвизма: писатели Африки «присвоили» французский, английский, португальский языки и сделали их африканским французским, африканским английским, африканским португальским etc. Это творческое предчувствие прямо указывает на ранее описанный нами научный факт: используя L2 в качестве творческого плацдарма, писатель — и не важно, изолингв ли он или амбилингв — превращает его в лексическом, грамматическом и, что самое важное, в культурном плане в некий сплав с L1, получая совершенно новый «металл», несколько, на наш взгляд, далекий от привычной картины билингвильности, двуязычия.

Еще одним важным фактором развития транслингвильной литературы Келлман называет читательский и книжный рынок. Безусловно, мировые языки предполагают более широкую читательскую аудиторию, позволяющую писателю быть узанным и признанным. Законы рынка — к сожалению или к счастью — распространяются и на культуру. Отчасти благодаря этому появляется казахский русский язык, татарский русский язык, чувашский русский язык. С помощью русского языка мы в качестве читателей или исследователей можем погрузиться в мир незнакомой нам культуры, обычаев и языка. Многие писатели современности смело экспериментируют

с русским языком, «заставляя» его звучать с уловимым местным колоритом. Так, казахстанский писатель Дюсенбек Накипов «играет» с сочетанием грамматики и звучания казахского языка на русском языке. Приведем пример: превосходная степень прилагательного на казахском языке образуется с помощью дублирования первого слога прилагательного и добавления к нему буквы «п». Затем вся эта конструкция присоединяется к исходному прилагательному: «кызыл» (красный) — «кып-кызыл» (очень красный, ярко-красный). Используя эту словообразовательную модель, Накипов дает жизнь слову «хор-хорёчек», уменьшительно-ласкательного суффикса русское ухо понимает, что имеется в виду «маленький хорёк», однако это ухо слышит и мелодику. Это снова возвращает нас к мысли о том, что транслингвальность подразумевает гораздо большее, чем билингвальность: современные транслингвы постсоветского пространства уже редко используют тюркизмы для изображения иной, отличной от русской картин мира. Изолингвы и амбилингвы играют с грамматикой и синтаксисом, составляя тот самый неповторимый сплав L1 и L2, позволяющий взглянуть на другую картину бытия, услышать ее на одновременно и родном, и неродном языке. Стивен Келлман пишет: «Если бы в мире было примерно 5000 языков, количество транслингвальных возможностей равнялось бы $5000 \times 4499 \div 2 = 12\,497\,500$. И это только подсчет количества двуязычных транслингвальных возможностей; авторы, которые, подобно Камала Дас, Владимиру Набокову и Джорджу Штайнеру, перемещаются между тремя или более языками, добавляют еще больше возможностей к задаче картографирования вселенной транслингвальной литературы. Нам всем предстоит еще много работы» [13] (перевод наш. — *Авт.*).

Заключение

Современное межкультурное пространство зависит от обмена информацией на транслингвальной базе. Этот взаимообмен, происходящий благодаря увеличению мирового информационного пространства в современной жизни, представляет собой существенный параметр деятельности единого мультикультурного поля. Особое место здесь занимает транслингвальная литература.

В ходе исследования нами было установлено, что термин «билингвальная литература» является недостаточным, не полно отражающим суть происходящих в мышлении писателя и литературном тексте процессов. Термин «транслингвальная литература» является наиболее предпочтительным и емким. Он включает в себя понятие о взаимообогащающем диалоге культур, а не только о номинальном разграничении языков.

Всвязи с этим рассматривались исследования американского ученого Стивена Келлмана, чей вклад в теорию транскультурной литературы

высоко оценивается научным сообществом. Наша точка зрения подтверждается демонстрацией классификации авторов-транслингвов (изолингвальные транслингвы и амбилингвальные транслингвы), выдвинутой ученым.

Таким образом, изучение транслингвального опыта имеет большое значение для исследователей мирового, и в частности постсоветского пространства.

Список литературы

1. Опарина Е.О. Взаимодействие языков в современном мире: политические и культурные особенности билингвизма на постсоветском пространстве // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1–2 (32–33). С. 48–60.
2. Туксаитова Р.О. Билингвистическая ситуация в современном Казахстане // Русский язык за рубежом. № 1. 2007. С. 97–101.
3. Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, 1995.
4. Тлостанова М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. 2011. Том V.C. 126–149.
5. Тлостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
6. Новохатский Д. Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни // Mundo Eslavo. 2019. № 18. С. 74–91.
7. Валикова О.А., Демченко А.С. Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 352–362. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-3-352-362>
8. Герасимова И.А. Ивахнов В.Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Научный журнал СЕРВИС plus. Т. 11 (№ 2). 2017. С. 66–76.
9. Валуицева И.И., Хухуни Г.Т. Литературный билингвизм: за и против // Полилингвильность и транскультурные практики. 2015. № 5. С. 298–303.
10. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
11. Султанов К.К. Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // Stephanos. 2016. Т. 3. С. 154–162.
12. Габуниа З.М. Художественный русскоязычный текст как посредник двух языков и двух культур // Cuandernos de Rusistica Espanola. 2006. № 2. С. 104–115.
13. Kellman S.G. Nimble Tongues: Studies in Literary Translingualism // Purdue University Press Book Previews. 2020, P. 203.
14. Келлман С.Г. Литературный транслингвизм: что и зачем? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019, 16 (3). С. 337–346.

References

1. Oparina, E.O. 2018. "Interaction of language in contemporary world: Political and cultural characteristics of bilingualism on the "post-Soviet" space". Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects 1–2 (32–33): 48–60. Print. (In Russ.).
2. Tuksaitova, R.O. 2007. "Bilingual situation in modern Kazakhstan". Russian Language Abroad 1: 97–101. Print. (In Russ.).
3. Ortiz, F. 1995. "Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar". Durham. Print. (In Eng.).
4. Tlostanova, M.V. 2011. "Transculturation as a model of sociocultural dynamics and the problem of multiple identification". Questions of Social Theory V: 126–149. Print. (In Russ.).

5. Tlostanova, M.V. 2004. “Post-Soviet literature and the aesthetics of transculturation. To live never, to write from nowhere”. Moscow: Editorial URSS publ. Print. (In Russ.).
6. Novokhatskiy, D. 2019. “Transcultural Text and Russian Literature Mainstream Tendencies: Tashkent Roman by Suhbat Aflatuni”. *Mundo Eslavo* 18: 74–91. Print. (In Russ.).
7. Valikova, J.A., Demchenko, A.S. 2020. “Translingual Literary Text: On Problem of Understanding”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 17 (3): 352–362. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-3-352-362>
8. Gerasimova, I.A., Ivakhnov, V.Yu. 2017. “The problem of preservation of cultural identity in conditions of globalization”. *Servis plus* 11 (2): 66–76. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22412/1993-7768-11-2-9>.
9. Valuitseva, I.I., Khukhuni, G.T. 2015. “Literary bilingualism: pro and contra”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 5: 298–303. Print. (In Russ.).
10. Bakhtikireeva, O.M. 2005. “Creative bilingualism and the works of fiction’s peculiarities of bilingual writers”. Dissertation of the Doctor of Philological Sciences: 10.02.01. Moscow. Print. (In Russ.).
11. Sultanov, K.K. 2016. “Russian-language literature as a cultural phenomenon and object of research”. *Stephanos* 3: 154–162 (In Russ.).
12. Gabunia, Z.M. 2006. “Artistic Russian-language text as a mediator of two languages and two cultures”. *Cuandernos de Rusistica Espanola* 2: 104–115. Print. (In Russ.).
13. Kellman, S.G. 2020. “Nimble Tongues: Studies in Literary Translingualism”. Purdue University Press Book Previews. Print. (In Eng.).
14. Kellman, S.G. 2019. “Literary Translingualism: What and Why?”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 16 (3): 337–346. Print.

Сведения об авторах:

Овчеренко Ульяна Владимировна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов. E-mail: ovcherenko-u@rudn.ru
ORCID: 0009-0004-8706-6906

Токарева Надежда Андреевна — аспирант кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов. E-mail: tokareva_nadia@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2437-5670

Bio Notes:

Ulyana V. Ovcherenko is a Candidate of Philological Sciences, teacher of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, Peoples’ Friendship University of Russia. E-mail: ovcherenko-u@rudn.ru
ORCID: 0009-0004-8706-6906

Nadezhda A. Tokareva is a Postgraduate student of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, Peoples’ Friendship University of Russia. E-mail: tokareva_nadia@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2437-5670

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-694-707
EDN: MCMOVK

Научная статья

Культурное пограничье в постсоветских русскоязычных текстах казахстанских писателей

И.И. Яценко , А.В. Яценко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27
 irinayat@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена общая тенденция, проявляющаяся в текстах русскоязычных писателей Казахстана двух последних десятилетий: осмысление недавнего советского прошлого в контексте национальной традиции и самоидентификация сегодняшних казахстанцев. В связи с этим отобраны и проанализированы рассказы девяти современных казахстанских авторов: А. Сахариева, Р. Кунбаева, Г. Доронина, Н. Черновой, Б. Канапьянова, С. Назаровой, А. Омар, И. Одегова, Е. Клепиковой. В данных текстах выявлены признаки локального казахстанского текста, в котором сосуществуют и конкурируют между собой паттерны, фиксирующие, с одной стороны, национальную, казахскую, картину мира, с другой — советские реалии. Целью анализа текстов явилось выяснение результатов «диалога» культур (традиционной / казахской и советской). Приводит ли этот «диалог» к стиранию культурного пограничья или же есть зоны абсолютного несовпадения, противостояния национального и советского? Исследование текстов продемонстрировало устойчивость паттернов, отражающих национальную картину мира казахов: традиционная культура отношений между людьми, традиционный быт, нравы, сила верований, мифология. Паттерны, демонстрирующие привнесённое, советское, в жизнь страны, как правило, свидетельствуют о лишь частичном принятии этого нового и отторжении того, что было навязано республике и причинило ей вред (например, Семипалатинский полигон). Особую нагрузку несет противопоставление паттернов *город* и *деревня / аул*, которое имеет мало общего с противостоянием города и деревни в прозе писателей-деревенщиков. В анализируемых рассказах это именно советский город, какой можно было найти в любой республике, входящей в СССР, а деревня — именно казахский аул с его устоявшимися нормами существования. В результате исследования текстов был сделан вывод о том, что данные рассказы отражают реальную тенденцию в развитии современного суверенного Казахстана: избавление от советского диктата и возврат к традиционным ценностям.

Ключевые слова: локальный текст, казахстанский локальный текст, паттерны локального текста, культурное пограничье, современная русскоязычная проза Казахстана

История статьи: поступила в редакцию 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

© Яценко И.И., Яценко А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Яценко И.И., Яценко А.В. Культурное пограничье в постсоветских русскоязычных текстах казахстанских писателей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-694-707>

Research Article

Cultural Boundaries in Post-Soviet Russian-Language Texts of Kazakhstan’s Writers

Irina I. Yatsenko , Antonina V. Yatsenko

Lomonosov Moscow State University,
27 Lomonosov prospect, Moscow, 119991, Russian Federation
 irinayat@mail.ru

Abstract. Within the latest decades a general trend has been manifested in the texts of the Russian-speaking writers of Kazakhstan: a comprehensive rethinking of the recent Soviet past in the context of national tradition and self-identification Kazakhstan’s people today. To study and analyze this trend, the stories of the following nine modern Kazakhstani authors were thoroughly selected: A. Sakhariev, R. Kunbaev, G. Doronin, N. Chernova, B. Kanapyanov, S. Nazarova, A. Omar, I. Odegov, and E. Klepikova. The signs of a local Kazakh text are revealed in the writings of these authors, where the patterns coexist and compete with each other, thus fixing the unique national Kazakh picture of the world, on the one hand, and the Soviet realities, on the other one. The analysis of the texts was aimed to clarify the outcomes of the cultural “dialogue” between traditional, deeply existential Kazakh culture and the imposed one — initially Russian, then the Soviet culture. Thus, the main question reads as follows: does this “dialogue” lead to the obliteration of the cultural boundary, or are there any zones of absolute non-coincidence and, perhaps, confrontation between the national and the Soviet? The study of the texts has demonstrated the stable patterns that reflect the entrenched national picture of the Kazakhstani world: the traditional cultural relationships between people, a customary and ritualized way of life, manners and customs, the strength of beliefs, and mythology. The patterns that demonstrate the Soviet features imposed on the life of Kazakhstan, as a rule, indicate only a partial acceptance of such novelty and rejection of what was imposed and harmed the republic (e. g. the Semipalatinsk tests polygon). The contrast and compare between the patterns of city and village / aul that has little in common with the contrast between the city and the countryside in the prose of Russian village writers, bears a special context load. The analysis of the stories showed that it is precisely the Soviet city that could be found in any republic of the ex-USSR, whereas any Kazakhstan’s countryside is precisely the Kazakh aul with its established unique rituals and norms of existence. As a result of the texts study, it has been concluded that these stories reflect a real trend in the development of sovereign Kazakhstan: to do away with the Soviet order and return to traditional values.

Key words: local text, Kazakh local text, the patterns of local text, cultural boundary, modern Russian-language prose of Kazakhstan

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Yatsenko, I.I., and A.V. Yatsenko. 2023. “Cultural Boundaries in Post-Soviet Russian-Language Texts of Kazakhstan’s Writers”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-694-707>

Введение

В советской культуре с середины 1950-х гг. весьма определенно наметился курс на «новый и странный для СССР художественный либерализм» [1. С. 389], проявившийся в ее интернационализации. Шло активное создание многонациональной советской культуры, где были бы представлены не только 15 союзных республик, но и многие довольно малочисленные автохтонные народности, как, например, чукчи (по данным Всероссийской переписи населения 1970 г., 13 500 человек) или нивхи, проживающие в Приамурье и на острове Сахалин (4 356 человек, 1970 г.), представителями которых в советской литературе стали чукотский писатель Ю.С. Рытхэу и первый нивхский писатель В.М. Санги. Можно по-разному относиться к этому процессу, но одно бесспорно: представители национальных культур получили официальное и поощряемое государством право говорить о своей истории, быте, верованиях и мифологии, о своей картине мира, которая до них была закрыта для внешнего мира.

В отличие от национальных литератур малочисленных народов, литература Казахстана имеет глубокую историю — от эпосов общетюркской литературы, от первых письменных текстов XVI в. к уверенному диалогу казахских писателей с европейской и русской литературой в XIX в. Однако очевидное сближение казахской литературы с русской литературой происходит уже в XX в., особенно в советский период. Многие казахские писатели в равной степени пропагандировали и национальное, и советскую идеологию (например, творчество Джамбула Джабаева).

Следует отметить, что история вхождения Казахстана в состав России была длительна, многособытийна и однозначно не может быть определена как колонизация. Тем не менее сложно отрицать русскую экспансию в сфере национальной культуры (быт, традиции, язык, нормы жизни и т.д.). Она продолжилась и в советский период и привела к общему для всех культур в составе СССР «советскому глобализму» [1. С. 394]. После распада СССР и обретения Казахстаном статуса независимого государства советский дискурс, конечно, не исчез, но в настоящее время идет интенсивный процесс самоидентификации народов Казахстана, где уникально сочетаются культуры разных этносов, среди которых все же доминируют казахи (более 70,4 %, по переписи 2021 г.).

Великая степь (природный регион в центре Евразии, игравший системообразующую роль) породила цивилизацию степняков, которую отличают

степные традиции, кочевой образ жизни, верования, особенности мировоззрения, мифология, коллективизм и др. Насколько сохранилось все это сегодня, каковы последствия взаимодействия традиционного уклада с другой, неблизкой, культурой? Ответы на эти вопросы дают русскоязычные писатели Казахстана в своих рассказах последних десятилетий. Для обоснования этого утверждения мы обратились к текстам девяти авторов, которые вошли в готовящуюся к печати хрестоматию «Современный русскоязычный рассказ Казахстана» (для студентов бакалавриата по направлению «Филология» Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова), составленную под руководством доктора филологических наук профессора Г.И. Власовой. Это рассказы «Блаженный» А. Сахариева, «Старик и его выбор» Р. Кунбаева, «За хлебом» Б. Канапьянова, «День рождения» Г. Доронина, «Овца» И. Одегова, «Кунсулу» Н. Черновой, «Горбушка» Е. Клепиковой, «Мой зеленоглазый аруах» С. Назаровой, «Французский берет» А. Омар. Все рассказы относятся к началу XXI в., когда в уже независимом Казахстане появилась возможность осмысления и вчерашней истории, и тех перемен, которые переживает страна в настоящий момент.

Эти рассказы представляются нам интересными в аспекте рассматриваемой темы, поскольку в каждом из них в той или иной мере присутствует казахстанский локальный текст, в рамках которого вступают в диалог паттерны национальной, казахской, культуры и паттерны культуры советской. Целью исследования является выяснение результатов этого диалога, в котором нам видится взаимовлияние двух далеких друг от друга культур: приводит ли он к стиранию культурного пограничья или же есть зоны абсолютного несовпадения и даже, может быть, противостояния национального и советского?

Обсуждение

«Под термином „культурное пограничье“ понимают особые контактные зоны, в которых мы наблюдаем взаимодействие, встречу культур и которые отличаются особой социокультурной динамикой» [2. С. 110]. Проблему культурного пограничья исследовали М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Г.Д. Гачев, В.С. Библер и др.

Тартуско-московской семиотической школе (в частности Ю.М. Лотману и В.Н. Топорову) современная наука обязана и началом исследования так называемых локальных текстов. Под влиянием анализа петербургского и московского локальных текстов началась активная разработка текстов, связанных с другими городами (таллинский, коломенский, калининградский, лондонский, алма-атинский, ташкентский, пражский и т.п.). В настоящее время локальный текст востребован как объект изучения и литературоведением, и культурологией. Давая определение понятию «локальный текст», сошлемся

на Э.Ф. Шафранскую, которая аккумулировала представления об этом явлении ученых-предшественников (прежде всего В.Н. Топорова [3]). Локальный текст — это «совокупность представлений о месте, деталях этого места, языке, фольклоре, мифологии, людях — с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками» [4. С. 19]. Складываются эти представления благодаря паттернам, т.е. регулярно повторяющимся образам, которые в совокупности характеризуют тот или иной локус, запечатленный в тексте (о паттернах см.: [4; 5]).

По мере разработки локальных текстов исследователи пришли к мнению о том, что «локальный текст может иметь не только городское выражение, но и более расширительное, может быть связан с краем, даже страной» [6. С. 16], например, туркестанский текст. Полностью разделяя это мнение, мы квалифицируем как локальный казахстанский текст, в котором идет непрерывный диалог между традиционным укладом жизни, национальной картиной мира и тем, что было привнесено советским образом жизни.

Обращаясь к русскоязычной прозе казахстанских писателей, мы понимали, что имеем дело с ситуацией билингвизма: это, во-первых, билингвизм, а, возможно, и полилингвизм авторов и, во-вторых, билингвизм текстового материала. Билингвизм рассматриваемых текстов близок по характеру билингвизму туркестанского текста, который «рождался в билингвальной атмосфере — русской и тюркоязычной: слова и понятия для обозначения среднеазиатских арте- и ментефактов входили в русскую культуру постепенно... Впоследствии, будучи растиражированными, они становились сводом стереотипов о месте, или собственно локальным текстом» [7. С. 190]. Однако в нашем случае речь пойдет не столько о языке (как паттерне локального текста), сколько о билингвизме культуры, носителями которой являются многие герои рассказов казахстанских авторов.

В анализируемых рассказах паттерны, представляющие казахские реалии, явно доминируют над паттернами, связанными с реалиями советскими, что неудивительно, ведь все описываемые события происходят на казахской земле и с казахами. Перечислим основные из них:

– паттерны, представляющие разнообразные этнографические детали, традиционный казахский быт: аул, мазанка, дастархан (праздничный стол), отара, асык (овечья кость, которую использовали для игр и гаданий), камча (плеть, кнут), чабан, кесе (пиала), джайляу (летнее пастбище для скота);

– катойконимы и другие номинации жителей Казахстана: адаец (Адай — название одного из родов Младшего жуза); «Мангыстауский я, ата»¹ (Мангыстауская область на Юго-Западе Казахстана), ата (с казахского переводится как 'дед' (предок), редко — 'отец', при употреблении после имени мужчины, обыч-

¹ Кунбаев Р.Н. Старик и его выбор. Рассказ // Proza.kz. URL: http://proza.kz/ru/profile/raimberde_kunbaev.9254/about (дата обращения: 15.12.2017).

но старшего, выражает уважение обращающегося к нему); Келимберди, Жайылган (внутреннее деление рода Адай); берши (один из родов казахов Младшего жуза), степняки густо-коричневого цвета: «На взгляд белых европейцев ... степняки все на одно лицо, и уж, конечно, некрасивы. Есть у европейцев такая спесь!»²; ажешка, аташка (бабушка, дедушка);

– топонимы и детали ландшафта: Урал, Чаган, Уральск, Актобе; горы, ущелья, барханы — на юге страны; на севере Казахстана — «степь плоская, ровная, то зеленая от свежей травы, то красная от тюльпанов и маков, а то сияющая и белоснежная аж до рези в глазах»³; афганец (сухой ветер с песком и пылью), карагач (дерево), белый цветок адраспана;

– национальная кухня: курт, кумыс, казы, сурпа, каймак, бешбармак, овечий сыр, поминальное мясо, куырдак (традиционное жаркое из мяса и лука), таро (жареное очищенное просо), иримшик (полутвердый сыр) и др.;

– нравы: барымта — кража скота, «промысел в степи древний и опасный»⁴, барымтыч (тот, кто занимается барымтой), мамбет, мамбетка (оскорбительное прозвище выходцев из сельской местности), почитание учителя: «сын учителя» — обращение к маленькому мальчику, демонстрирующее расположение к нему⁵, уважение к старшим: «я протянул обе руки, чтобы поздороваться»⁶; «повстречали несколько стариков, с каждым из которых отец поздоровался, протягивая две руки»⁷; добрососедство и коллективизм: «Аул — это, по сути, большая семья»⁸;

– духовная жизнь: намаз, дарет (омовение перед намазом), аср (послеполуденный намаз), мечеть, мулла, хадж — паломничество в Мекку, сура, наурыз (праздник весеннего обновления), шайтан (злой дух), аруах (дух умершего человека).

Совместная с Россией история началась для казахов с признания ими российского протектората в XVIII в. Тогда же началась русификация, а в XX в. и советизация Казахстана. «Советский глобализм» запечатлен во многих из избранных нами текстов посредством соответствующих паттернов:

– годонимы (названия улиц): ул. Первого мая, ул. Розы Люксембург, ул. Карла Либкнехта, ул. М.Горького, ул. Космонавтов (весьма традиционный набор номинаций, который можно было обнаружить в самых разных населенных пунктах СССР) — и эргонимы: кинотеатр «Ударник», кинотеатр «Колос», завод имени Кирова;

² Чернова Н. Кунсулу // Простор. 2016. № 10. С. 77.

³ Одегов И.А. Овца // Дружба народов. 2013. № 10. С. 54.

⁴ Чернова Н. Там же. С. 77.

⁵ Канапьянов Б. За хлебом // Мегалог. 2010. № 3. С.240.

⁶ Кунбаев Р.Н. Старик и его выбор. Рассказ // Proza.kz. URL: http://proza.kz/ru/profile/raimberde_kunbaev.9254/about (дата обращения: 15.12.2017).

⁷ Канапьянов Б. Там же. С. 240.

⁸ Назарова С. Мой зеленоглазый аруах // Отчий край. 2014. № 4 (84). С. 124.

– приметы советской идеологии во внешней атрибутике, и в поведении людей: Первого мая «на воротах мечети развевается красный флаг»⁹.

Героиня рассказа Асели Омар «Французский берет», двенадцатилетняя девочка Токжан, стоит перед нелегким выбором: ее брат необоснованно арестован (1937 год!), он передает ей из тюрьмы письмо Калинин, которое просит отправить в Москву. Что же мешает ей сделать это? «Она была пионеркой и училась в седьмом классе русской средней школы»¹⁰. Какие образцы для подражания предлагались пионерам, общеизвестно. Если Павлик Морозов, согласно советскому пропагандистскому мифу, идет против отца-кулака и погибает, то Токжан, спасая брата, преодолевает страх и совершает поступок (отправляет письмо в Москву), который не мог бы быть одобрен советской идеологией. Иными словами, семейные ценности, сострадание к брату и жажда справедливости оказались выше, чем навязываемые идеологические нормы. Но быть совершенно свободной от *русской средней школы* девочке не удастся. Это становится очевидным, когда, радуясь освобождению брата, сестра Токжан «закружилась в русской присядке», и обе девочки побежали домой, «повторяя выученную недавно в школьном хоре песенку „Распрягайте, хлопцы, коней“...»¹¹. Казахские девочки обучены в школе танцевать русский танец, петь украинскую песню, в чем нет ничего дурного, и тем не менее первая, импульсивная реакция девочек свидетельствует о том, что национальная казахская культура остается за пределами программ русской школы. Экспансия советской культуры осуществляется даже через детские игрушки. Так, дети увлеченно играют на ксилофоне по прилагающейся к нему маленькой книжечке и радуются узнаваемым мелодиям: «Широка страна моя родная...», «Киевский вальс», «Катюша», «Варяг»¹².

Основную нагрузку в противостоянии казахского и советского в пространстве казахстанского локального текста несут паттерн «город» как воплощение советского начала и паттерны «деревня»/ «аул»/ «поселок», представляющие национальный, казахский, уклад жизни. Город символизирует торжество советского образа жизни, *деревня* — верность традиции, национальным корням. Город — это комфорт, кинотеатры, парки, развлечения. Город уже заражен подступающим консьюмеризмом, только в советском варианте, ведь свободно купить ничего нельзя: или «по благу», через знакомых (так мама героя из рассказа С. Назаровой «доставала» через подружку-продавщицу душистое импортное мыло, дефицитный сервелат, китайский сервис), или «отмечаясь ежемесячно в очередях за такими модными и почти недостижимыми синтетическими бельгийскими коврами», которые потом

⁹ Канапьянов Б. За хлебом // Мегалог. 2010. № 3. С. 240.

¹⁰ Омар Асель. Французский берет // Ранние холода. Рассказы. Астана: Аударма, 2007. С. 27.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Доронин Г. Казахстан в моей судьбе. URL: https://adebiportal.kz/ru/news/view/g-doronin-kazakhstan-v-moei-sudbe__23252 (дата обращения: 24.02.2023)

вывешивали на стены, «как мандат своей состоятельности и достигнутого благополучия». А вот «подаренные бабушкой корпешки» (одеяло на вате или шерсти с национальным казахским орнаментом, которое использовали как подстилку или подушку для сидения) «не стали главным украшением квартиры в те времена»¹³.

Приезд сельских жителей в город — это всегда для них потрясение, стресс и желание поскорее оттуда уехать. «Не воздух, а дым ... густой и плотный такой, что через него солнца не видно... дороги ужасные...»¹⁴. Все это видит и ощущает Рафиза, которая приехала в город к брату мужа с просьбой о помощи: ее муж пропал в горах. Рафизу поражают гигантские торгово-развлекательные центры, отсутствие детей на улицах и хмурые лица взрослых. («Плохо, значит, развлекают в этих центрах, раз лица у людей несчастные»¹⁵.) Город демонстрирует масштаб социального расслоения, который неощутим в деревне: движение транспорта остановилось из-за кортежа автомобилей с сиренами и затемненными окнами, что вызывает раздражение людей, вынужденных ждать в переполненном душном автобусе.

Возможно, у них в стекла вмонтированы экраны, на которых мир прекрасен, — обращается в Рафизе сидящий рядом с ней седой мужчина. — А все это, — он кивнул в сторону окна, — видеть они просто не хотят¹⁶.

Власть и народ разделены и физически, и духовно.

Внешняя разруха проникает и в человека, приводит к утрате им эмпатии. Брат мужа Рафизы, который работает в органах, трепещет перед начальством, проявляет малодушие и равнодушие к судьбе брата, которому, очевидно, нужна помощь. Человек бездушной системы, он становится ее частью.

Что заставляло людей, обретших хоть какую-то власть, так за нее держаться, ставить во главу угла не служение людям, а свои карьерные цели? Ответ прост: принадлежность к номенклатуре, которая в обществе, декларирующем равенство, имела ряд привилегий. Они проявлялись в самых разных вещах, например при определении ребенка в детский сад. К садикам «районовским» по месту жительства относились граждане неуважительно — и дети там болеют чаще, и инвентарь там «хуже», и еда поуже... Особой группой стояли садик недоступные: Совмина, КГБ и МВД... Об этих садиках говорили с придыханием и почти нескрываемой завистью¹⁷. Паттерны «районовский садик», «ведомственный», «садик Сомина» — свидетельство социальной стратификации советского общества.

¹³ Назарова С. Мой зеленоглазый аруах // Отчий край. 2014. № 4 (84). С. 128.

¹⁴ Одегов И.А. Овца // Дружба народов. 2013. № 10. С. 60.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 61.

¹⁷ Клепикова Е. Горбушка // В городе яблок. Были и небыли. М. Издательские решения, 2016. С. 42.

Совсем другие паттерны представляют детство в деревне. И дело не только в чистом воздухе, просторе, свежем молоке и речке.

То, что я жил там с раннего детства, помогло мне усвоить как лучшую пищу песни наших аульных домбристов, застольное красноречие импровизаторов простого происхождения, бабушкину особую речь... И добрый тон семейных взаимоотношений моих ажешки и аташки, и простой уклад жизни терпеливых, не обеспокоенных ни карьерой, ни накоплением богатства хороших людей¹⁸.

В этой фразе — безусловное торжество и преимущество народных, национальных основ жизни казахского аула, где советская идеология и порождаемые ею реалии и отношения приживаются не так быстро, как в городе.

Ряд паттернов казахстанского текста связан с теми бедами, которые пришли на казахскую землю в советский период. Это Турксиб, Семипалатинский полигон, а также сталинские репрессии, косвенные упоминания о которых появляются в нескольких анализируемых текстах. В рассказе А. Сахариева «Блаженный» повествователь легализует народную молву о том, почему «люди на этой земле пошли не от мира сего...», почему чудаков в селе «до непристойного много». Причины назывались очевидные:

...ветер с Семипалатинского полигона гнал в наши края всякую заразу... а когда прокладывали железную дорогу, погелгло здесь несметное количество строителей Турксиба¹⁹.

Однако вредоносность Семипалатинского полигона — это не миф, не легенда. Это ядерная трагедия Казахстана: на полигоне с 1949 до 1989 г. было проведено 473 ядерных взрыва. То, что жертвами испытаний стали жители прилегающих населенных пунктов, было подтверждено в 1992 г. комплексной экспедицией Института биофизики Минздрава СССР. В Казахстане был принят закон о реабилитации населения, пострадавшего от ядерных испытаний, а первым указом президента суверенного Казахстана стал указ о закрытии Семипалатинского полигона. Однако и сейчас, хотя после ликвидации полигона прошло более 30 лет, отдаленные последствия все еще изучаются.

Вместе с тем обширная территория Казахстана нашла в советское время и иное применение: она стала частью «архипелага ГУЛАГ». На территории одной только республики действовало 11 сталинских лагерей, среди которых и такие печально известные, как АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников родины) и один из крупнейших в СССР Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь). Нужно отдать должное политике властей

¹⁸ Назарова С. Мой зеленоглазый аруах // Отчий край. 2014. № 4 (84). С. 132.

¹⁹ Сахариев А.К. Блаженный // Нева. 2015. Вып. 12. С. 68.

Казахстана, которые инициировали и поддерживали создание мемориалов на местах лагерей в память о сотнях тысяч жертв сталинского режима.

В основе сюжета рассказа Асели Омар «Французский берет»²⁰ – арест Ислама Кенжегалиева, молодого сотрудника райисполкома, куратора районной газеты, где «наборщик, подслеповатый пожилой человек», допустил техническую ошибку, в результате которой по отношению к имени Сталина было использовано слово «отравленный» вместо «великий». Ситуация разрешилась на удивление благополучно (в результате заступничества Калинина), и теперь, по прошествии лет, у Ислама семья, трое детей. При всей фантастичности сюжета подтекст очевиден: перед сколькими нерожденными детьми должна быть ответственна репрессивная машина сталинского режима.

А вот достаточно типичная судьба девочки, дочки офицера:

Наташкин отец не пришел с фронта, а ее мать совсем недавно вернулась с Севера, где была много лет, а Наташка воспитывалась в детдоме, и у них в доме «куска лишнего нет»²¹.

Сосуществование (причем не всегда согласие — порой конкуренция), в рамках казахстанского текста паттернов «казахских» и «советских» — это своего рода соперничество в борьбе за человека, ведь в конечном итоге именно человеку решать, что предпочтительнее, что нужнее. Герои русскоязычных казахстанских писателей не бесстрастны, они чутки, восприимчивы к происходящему и не скрывают своего отношения к нему. Они чувствуют фальшь официальной идеологии, жизнерадостно рапортующей о всеобщем советском благополучии.

«Говорили по телевизору, что прошла мирная забастовка, а вон Кудайберген-ага сына своего после этой забастовки уже две недели найти не может... А по телевизору все неправда, нельзя верить новостям», — так рассуждает Рафиза, героиня рассказа И. Одегова «Овца»²².

Правда, осмысление сути происходящего нередко приходит к людям гораздо позже. Так, повествователь в рассказе Г. Доронина «День рождения»²³ вспоминает километровые очереди у хлебного магазина на Советской улице. Тогда никому и в голову не приходило, что название улицы и бесконечная очередь вполне символичны, что одно породило другое. Он же размышляет и о том, что для них, детей советского Казахстана, стояло за словами «Родина», «Отечество», «Держава»: «высокий слог был в учебниках, в устах лекторов, на первых страницах газет. Для нас родиной был Урал, таинственный лес над яром, улица Маншук Маметовой, родная школа номер пять...

²⁰ Омар Асель. Французский берет... С. 25–30.

²¹ Доронин Г. Казахстан в моей судьбе. URL: https://adebiportal.kz/ru/news/view/g-doronin-kazakhstan-v-moei-sudbe__23252 (дата обращения: 24.12.2023 г.).

²² Одегов И.А. Овца // Дружба народов. 2013. № 10. С. 52.

²³ Доронин Г. Там же.

мои друзья, мои с поцарапанными коленками товарищи». И в этом тоже было сопротивление лицемерию официоза, независимо от того, что это все не формулировалось, а существовало в ощущениях и предчувствиях.

Между тем соприкосновение национальной казахской культуры и культур пришлых давало и позитивные плоды. Но происходило оно не под воздействием сверху. Так, провозглашаемый советский интернационализм имел мало общего с естественным интернационализмом людей, которых свела на казахстанской земле драматичная история XX в. «Жизнь была небогатой и трудной», как вспоминает рассказчик из «Дня рождения» Г. Доронина. Тем более взрослым хотелось превратить день рождения ребенка в запоминающийся праздник. И тогда все соседи старались, как могли, внести свою лепту в праздничный стол. Это и фаршированная рыба, и хинкали, и ватрушка с творогом, и пирожки с толчеными грецкими орехами в меде (пусть всего два или три) и, конечно, куырдак, каймак, баурсаки. Этот набор блюд — свидетельство не столько национальной принадлежности живущих рядом людей, сколько их добрососедства, открытости и расположенности друг к другу. Наблюдая, как дети «в десять рук» играют на подаренном имениннику ксилофоне, кто-то из взрослых сказал:

«Мы и живем так — сообща... И в голод выживали вместе, и в войну выдюжили заодно... Последним куском делились... Раньше-то в этом дворе три семьи жили, а во время войны и с Украины, и с Беларуси приехали... С Кавказа... А сколько из Ленинграда!.. Многие так и остались здесь, вторую родину нашли... Казахстан многих приютил»²⁴.

С русскими людьми, занесенными нелегкой судьбой в Казахстан, проникали сюда и открывались казахским детям шедевры русского искусства. Пусть не в оригиналах, а в вырезанных из журнала «Огонек» репродукциях «Незнакомки», «Демона сидящего», «Всадницы», «Царевны Лебедь», которые хранились в деревянном сундучке под кроватью Шуры, у которой «голод и война... отобрали близких»²⁵.

Приходит в Казахстан и оттепель: в городском саду — встреча с писателем М. Ауэзовым, автором широко известного романа о знаменитом казахском поэте и мыслителе Абае Кунанбаеве. На эту встречу отец приводит своего маленького сына, который больше озабочен, успеют ли они купить хлеб в магазине. Символично, что книжка «Путь Абая» с автографом автора лежит в сетке-авоське вместе с «двумя свежими буханками хлеба»²⁶. Хлеб нужен человеку для поддержания жизни — но что жизнь физическая без пищи духовной?

²⁴ Доронин Г. День рождения. https://rus.azattyq.org/a/GULAG_closed_50_years_ago/1938789.html (дата обращения: 24.12.2023 г.).

²⁵ Там же.

²⁶ Кананьянов Б. За хлебом // Мегалог. 2010. № 3. С. 242.

Важной составляющей «казахстанского» локального текста являются отсылки к фольклорно-мифологическим образам и сюжетам. При этом идеологически ориентированные советские мифы не могут конкурировать с мифами казахскими, уходящими своими корнями на Древний Алтай, прародину тюрков. Так, архетипические представления казахов о бессмертии души связаны с понятием «аруах». «Аруахи почитались кочевниками вторыми по значению после Тенгри»²⁷, верховного божества древних тюрков. Аруах — душа умершего человека (часто родственника), которая покровительствует живущим людям. В своем рассказе «Мой зеленоглазый аруах» Светлана Назарова в уста молодого человека вкладывает трогательный и искренний рассказ о бабушке, которая не только стала его заступником «там, в неведомом мире», но и всегда была его аруахом, «надежным, самым любимым, лепившим его душу»²⁸. В мифологических представлениях казахов особое место занимают священные растения и деревья, которые одушевляются, например, цветок адраспана, который считался способным отпугивать злых духов, или карагач, сильное, живучее дерево, почитаемое казахами. Свойственный тюркской мифологии культ волка лег в основу рассказа М. Черновой «Кунсулу»²⁹, где в качестве паттернов выступают прежде всего «говорящие» имена героев: Каскырбек — Волк-господин, Кунсулу — Красивая как Солнце, Равная Солнцу, Сункар — Сокол, Кумис — Серебро. Дыхание мифа помогает людям выживать в драматичных обстоятельствах, возвышает их над обыденностью, привносит в их жизнь ощущение причастности к вечности.

Заключение

Казахстанский локальный текст на материале выбранных рассказов убедительно отражает изменения в ментальности казахстанцев в эпоху обретения их родиной суверенитета. Встреча культур в зоне культурного пограничья (национальной / казахской и советской) демонстрирует очевидную социокультурную динамику: возврат к национальным истокам, но уже на новом цивилизационном уровне (опыт истории не проходит бесследно).

Исследование текстов продемонстрировало устойчивость паттернов, отражающих национальную картину мира казахов: традиционная культура отношений между людьми, традиционный быт, нравы, сила верований, мифология. Паттерны, демонстрирующие привнесенное, советское

²⁷ *Жанайдаров О.* Мифы Древнего Казахстана. Алматы: Аруна, 2008.

²⁸ *Назарова С.* Мой зеленоглазый аруах // *Отчий край*. 2014. № 4 (84). С.134.

²⁹ *Чернова Н.* Кунсулу // *Простор*. 2016. № 10. С. 77–84.

в жизнь страны, как правило, свидетельствуют о лишь частичном принятии этого нового и отторжении того, что было навязано республике и причинило ей вред (например, Семипалатинский полигон). Особую нагрузку несет противостояние паттернов город и деревня / аул, которое имеет мало общего с противостоянием города и деревни в прозе писателей-деревенщиков. В анализируемых рассказах это именно советский город, какой можно было встретить в любой республике, входящей в СССР, а деревня — именно казахский аул с его устоявшимися нормами существования. В результате исследования текстов был сделан вывод о том, что данные рассказы отражают реальную тенденцию в развитии современного, суверенного, Казахстана: избавление от советского диктата и возврат к традиционным ценностям.

Список литературы

1. Гусейнов Г. Русское, советское и иное в постсталинском национальном дискурсе: предварительные заметки // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 386–397.
2. Андреева А.А. Пограничье в контексте идей культурно-исторической эпистемологии // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 108–113.
3. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003.
4. Шафранская Э.Ф. Туркестанский текст в русской культуре: колониальная проза Николая Каразина. СПб: Свое издательство, 2016.
5. Яценко И.И. Паттерны русской / советской культуры в художественном тексте как объект анализа в иностранной аудитории // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2020. № 4 (4). С. 9–17.
6. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Локальные тексты в русской литературе: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022.
7. Шафранская Э.Ф. Билингвизм туркестанского текста в русской литературе XIX–XX вв. // Текст в системе обучения русскому языку и литературе: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Е.А. Журавлёва. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2019. Стр. 189–197.

References

1. Guseinov, G. 2017. "Russian, Soviet and other in the post-Stalin national discourse: preliminary notes". *Novoje literaturnoje obozrenie* 2: 386–397. Print. (In Russ.).
2. Andreeva, A.A. 2017. "Borderland in the context of the idea of cultural-historical epistemology". *Bulletin of Kalmyk University* 35 (3): 108–113. Print. (In Russ.).
3. Toporov, V.N. 2003. *Petersburg text of Russian literature: Selected works*. Saint Petersburg: «Iskusstvo — SPB». Print. (In Russ.).
4. Shafranskaya, E.F. 2016. *Turkestan text in Russian culture: Colonial prose by Nikolai Karazin*. Saint Petersburg: Svoio izdatelstvo. Print. (In Russ.).
5. Yatsenko, I.I. 2020. "The russian / soviet culture literary text patterns as an object of analysis by foreign students". *Professorskiy zhurnal. Seria: Russki yazyk i literature* 4 (4): 9–17. Print. (In Russ.).
6. Shafranskaya, E.F., Garipova G.T. 2022. *Local texts in Russian literature: training manual for higher education institutions*. Moscow: Yurait. Print. (In Russ.).

7. Shafranskaya, E.F. 2019. Bilingualism of the Turkestan text in Russian literature of the 19th-20th centuries. In.: Text in teaching Russian language and literature: materials of the international scientific conference, edited by E.A. Zhuravliova. Nur-Sultan: ENU named after L.N. Gumiliov. 189–197. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Яценко Ирина Иосифовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: irinayat@mail.ru
ORCID: 0009-0002-1215-9919
eLibrary SPIN-code: 9721-3137

Яценко Антонина Владимировна — кандидат филологических наук, преподаватель филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: antonina_yatsenko@mail.ru
ORCID: 0009-0004-8830-7783

Bio Notes:

Irina I. Yatsenko is a PhD, Associate Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: irinayat@mail.ru
ORCID: 0009-0002-1215-9919
eLibrary SPIN-code 9721-3137

Antonina V. Yatsenko is a PhD, lecturer, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: antonina_yatsenko@mail.ru
ORCID: 0009-0004-8830-7783

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-708-717

EDN: LDOZOM

Научная статья

Методические принципы обучения русскому языку детей-билингвов в начальной школе

Л.А. Гранкина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, 85

✉ granikon@yandex.ru

Аннотация. Выявлены методические основания обучения русскому языку младших школьников, для которых русский язык не является родным. Показана необходимость выработки последовательного методологического подхода к обучению русскому языку в условиях смешанного языкового коллектива учеников начальной школы. Под смешанным языковым коллективом в данной статье подразумевается коллектив учеников начальной школы, в которой русский язык является основным и единственным языком на котором ведется обучение, а состав обучаемых характеризуется различным статусом языковой личности, включая детей-билингвов с различной степенью владения русским языком как неродным и детей, для которых русский язык является родным. С учетом различной степени владения русским языком детьми-билингвами на начальный момент обучения в русскоязычной школе цель исследования заключалась в выявлении и анализе принципиальных положений, актуализированных в современной лингводидактике по данному вопросу. Материалами исследования послужили современные исследования в области педагогики, психологии, лингвокультурологии и лингводидактики, посвященные вопросам организации образовательного пространства детей-билингвов, изучающих русский язык в условиях смешанного языкового коллектива. Ведущим в исследовании является метод аналитического моделирования образовательной среды как условия формирования языковой личности школьника. Актуальность исследования обусловлена междисциплинарным фокусом проблемы и разноаспектностью выделенной темы, которая требует обсуждения с учетом различных факторов эффективности организации обучения. В качестве ведущих в исследовании обосновываются следующие принципы организации образовательного пространства детей-билингвов в современной начальной школе: (1) лингвокультурологический, обусловленный комплексным характером формирования языковой картины мира и коммуникативных навыков у языковой личности как субъекта обучения; (2) компетентностный, вытекающий из объективных (социокультурный фактор, нормативные положения) и субъективных (возраст, условия обучения в конкретном языковом коллективе смешанного характера, личностные ориентиры, уровень развития языковой личности и ее коммуникативно-речевой способности и т.д.); (3) коммуникативно-деятельностный,

© Гранкина Л.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

учитывающий психолингвистический фактор развития речевой способности как деятельностной сферы языковой личности, определяемой в том числе пространством образовательной коммуникации.

Ключевые слова: билингвизм, дети-билингвы, образовательное пространство, языковая личность, компетенции выпускника

История статьи: поступила в редакцию 08.08.2023; принята к печати 22.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Гранкина Л.А.* Методические принципы обучения русскому языку детей-билингвов в начальной школе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 708–717. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-708-717>

Research Article

Methodological Principles of Teaching Russian to Bilingual Children at Elementary School

Ludmila A. Grankina

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda str., Belgorod, 308015, Belgorod, Russian Federation
✉ granikon@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the urgent problem of identifying the methodological foundations of teaching Russian to younger schoolchildren for whom Russian is not their native language. The topic proposed for consideration is characterized by a broad scientific and descriptive context of the problem that is of interest to specialists in psychology, pedagogy and linguo-didactics, and a pronounced practical aspect that is associated with the need to develop a consistent methodological approach to teaching Russian in a mixed language group of elementary school students. Russian is the primary and only language of instruction, and the composition of the trainees is characterized by a different status of linguistic personality, including bilingual children with varying degrees of proficiency in Russian as a non-native language and children for whom Russian is their native language. Taking into account the varying degrees of proficiency in the Russian language by bilingual children at the initial moment of schooling, the purpose of the study is precisely to identify and analyze the fundamental provisions that are actualized in modern linguo-didactics on this issue. The materials of the study were modern studies in the field of pedagogy, psychology, linguo-culturology and linguo-didactics, devoted to the organization of the educational space of bilingual children learning Russian in a mixed language group. The leading method in the study is the analytical modeling of the educational environment as a condition for the formation of a student's linguistic personality. The relevance of the research is due to both the interdisciplinary focus of the problem and the diversity of the selected topic, which requires discussion taking into account various factors of the effectiveness of the organization of training. The following principles of the organization of the educational space of bilingual children in modern primary school are substantiated as the leading ones in the study: (1) linguo-culturological, due to the complex nature of the formation of the linguistic picture of the world and communicative skills of a linguistic personality as a subject of learning; (2) competence-based, arising from objective (socio-cultural factor, normative provisions) and subjective (age, learning conditions in a particular mixed-character language team,

personal orientations, the level of development of a linguistic personality and its communicative-speech ability, etc.); (3) communicative-activity, taking into account the psycholinguistic factor of the development of speech ability as the activity sphere of the linguistic personality, determined, among other things, by the space of educational communication.

Key words: bilingualism, bilingual children, educational space, language personality, graduate competencies

Article history: received 08.08.2023; accepted 22.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Grankina, L.A. 2023. “Methodological Principles of Teaching Russian to Bilingual Children at Elementary School”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 708–717. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-708-717>

Введение

Реалии современной системы образования, связанные с тенденцией к усилению миграции, требуют мобильного и четкого подхода к инклюзии детей-билингвов в образовательный процесс, осуществляемый на русском языке. В числе базовых ориентиров, определяющих актуальные вопросы обучения детей-билингвов в русскоязычной школе, находятся факторы (1) поликультурной и полиэтнической среды, которая наблюдается на территории России не только в национальных школах, но и в школах с русским языком обучения как единственным; (2) оптимизации образовательной среды в соответствии с задачами формирования языковой личности школьника как субъекта учебно-познавательной и социокультурной деятельности; (3) требования к содержанию и уровню компетенций выпускника школы, подразумевающие высокую степень адаптации к поликультурной среде.

Современные исследователи в числе приоритетных для лингводидактики задач отмечают разработку и обоснование концептуальных основ методики обучения русскому языку в условиях естественного (в национальных школах) и «вынужденного» (для детей из семей мигрантов) билингвизма как следствия освоения русского языка в качестве обязательного государственного. С наиболее сложным комплексом задач мы сталкиваемся в случае обучения детей, которые владеют русским языком в недостаточной степени или вовсе не владеют. И здесь мы наблюдаем проблемы, связанные как с разнородностью языкового коллектива обучаемых, в составе которого могут находиться дети-инофоны, для которых русский язык, по сути, иностранный и совершенно не освоенный; дети-билингвы — выходцы из семей, в которых русский язык используется в процессе бытовой коммуникации, но не является родным и основным; дети-билингвы, владеющие русским языком достаточно свободно и приближенно к уровню владения родным языком, и дети, владеющие только русским языком.

Обсуждение

В начальной школе разница в уровне навыков речевой коммуникации на русском языке может быть достаточно существенной у детей обозначенных групп, к этому в качестве осложняющего добавляется фактор различной степени развития речевого навыка и возможных симптомов в задержке речевого развития у детей младшего школьного возраста. И если факторы возрастной неоднородности в развитии речевого навыка и степени сформированности словарного запаса личности за время обучения в начальной школе подлежат успешной коррекции, то включение фактора билингвизма ставит перед педагогами нестандартные задачи, решение которых возможно лишь при условии консолидации научных знаний, системного обсуждения педагогического опыта и научного прогнозирования основных составляющих процесса обучения.

Лингводидактика по своей сути является научным направлением с несколькими фундаментальными теоретическими основаниями: педагогика, психология и лингвистика всегда были тремя научными составляющими, определяющими как теоретические основы, так и стратегические практико-ориентированные задачи теории и методики обучения русскому языку. На сегодняшний день теоретическое основание лингводидактики может выглядеть более сложным в плане структуры, поскольку каждая наука в соответствии с общими тенденциями постмодернизма и антропоцентризма в современном гуманитарном знании имеет ряд смежных и узкоактуализированных направлений, исследовательские задачи которых в самом общем смысле связаны с выявлением закономерности формирования и развития языковой личности как субъекта образовательного процесса. Соответственно, вопросы методики обучения русскому языку детей-билингвов помимо привычных традиционных научно-теоретических оснований детерминированы такими научными направлениями, как психолингвистика и лингвокультурология, а также предметно-содержательной сферой теории личностно ориентированного и деятельностного подходов.

Как отмечает Р.Г. Давлетбаева, методология «формирования билингвальной языковой личности младшего школьника базируется на новейших научно-теоретических достижениях методологического, психолого-педагогического и методического уровней», на каждом из которых актуализированы свои содержательные аспекты. В соответствии с концепцией разноуровневого подхода исследователь также выделяет определенные закономерности, выраженные в интеграции теоретических основ различных научных направлений, обосновании личностно ориентированного подхода в обучении второму языку и использовании «деятельностного принципа организации учебных действий младших школьников» [1. С. 15].

Комплексный междисциплинарный фокус при определении ведущих оснований методики обучения русскому языку детей-билингвов обусловлен

еще и самим феноменом «смешанного языка, который возникает в результате смешения, возможно, слияния двух исходных языков» [2. С. 203]. В связи с этим явление интерференции в ряду иных проявлений взаимодействия двух языковых систем следует рассматривать «комплексно: с позиций лингвистики, психолингвистики, социолингвистики и других наук» [3. С. 173].

Таким образом, наряду с объективными факторами билингвизма, связанными с особенностями распределения билингвизма на территории России, в отборе методов для обучения русскому языку в начальной школе необходимо учитывать и факторы, напрямую связанные с современными требованиями к организации современного образовательного пространства и выявляемые в ходе исследования структуры языковой личности с учетом лингвокультурологического и психолингвистического подходов. Поскольку билингвальная языковая личность — это «личность, овладевшая языковой, лингвистической, коммуникативной и лингвокультурологической компетенциями», для ее формирования особенно важны «тематические учебно-речевые ситуации, приближенные к естественным» [1. С. 16–17]. Опорные методические подходы и формы напрямую обусловлены значимостью для современной лингводидактики таких понятий, как языковая картина мира, языковая личность и коммуникативно-речевая среда, а психологическое и лингвистическое основания лингводидактики обнаруживают высокую степень взаимодействия в решении ключевых теоретических задач.

При выделении ключевых принципов, определяющих основание модели формирования языковой личности детей-билингвов, мы не можем говорить об их отличии от общих принципов формирования языковой личности школьника как субъекта образовательного процесса, иначе это будет противоречить закону единства к подходу в обучении детей в условиях смешанного языкового коллектива. Вместе с тем стоит акцентировать ряд принципиальных положений и пояснить, чем они важны и в чем актуальны именно в свете задач формирования языковой личности детей-билингвов, обучающихся на общих основаниях в условиях смешанного языкового коллектива.

Первым и основным в связи с этим, по нашему мнению, является **лингвокультурологический принцип** формирования языковой личности младшего школьника, который заключается в необходимости соотнесения фактических системных знаний и коммуникативных навыков с «языковой и концептуальной картинами мира новой для него социальной действительности» [1. С. 26], поэтому, на наш взгляд, в системе организации образовательного пространства для детей-билингвов в младшей школе он является основополагающим и системообразующим.

Р.Г. Давлетбаева, анализируя модель формирования билингвальной личности, отмечает, что, независимо от статуса языка в структуре личности, процесс овладения языковой и этнокультурно-ориентированной коммуникативной системами представляет собой взаимосвязанное освоение

языка и культуры, а сам путь овладения комплексом навыков языковой личности подразумевает этапы (1) освоения фонетического, лексического и грамматического уровней языка; (2) овладения вербально-семантическим кодом; (3) создания индивидуальной проекции языковой картины мира и (4) освоения концептуальной картины мира [1. С. 27]. В работе с детьми-билингвами младшего школьного возраста мы имеем дело с целым комплексом образовательных действий и соответствующим им психолого-педагогическим сопровождением, в основе которого лежит собственно лингвокультурологический принцип.

Лингвокультурологический принцип обучения детей-билингвов напрямую связан с проблемой формирования у них русской языковой картины мира, что подразумевает определенную «перекодировку» имеющихся базовых представлений о мире, почерпнутых в процессе освоения родного языка. В условиях смешанного языкового коллектива обучаемых в начальной русскоязычной школе мы имеем дело с двумя ведущими типами билингвов, первый из которых представляет собой так называемых естественных билингвов, которые с начальных моментов развития речи пользуются двумя языками, вследствие чего в их языковом сознании одновременно развиваются и органично сосуществуют две картины мира, каждая из которых обусловлена одним из языков. Второй тип детей-билингвов — это следствие искусственного билингвизма как явления, возникшего в результате формирования в сознании ребенка новой языковой картины мира, которая, по сути, отличается картины мира, освоенной естественным путем [4. С. 590].

Отдельного внимания заслуживает и такой аспект проблемы формирования языковой личности, который связан с переходом ребенка из поликультурной в монокультурную языковую среду — подобное, к примеру, происходит в случае переезда семьи из российских регионов, в которых «на протяжении длительного времени знаковыми являются этническая мозаичность и культурно-языковое многообразие» [5. С. 528], например в республиках Северного Кавказа. И в этих случаях мы имеем дело с детьми, которые растут и воспитываются в условиях естественного билингвизма, а в условиях русскоязычной школы оказываются в ситуации, когда определенный параллелизм в изучении грамматических явлений и другие методические особенности, используемые в обучении инфонов и билингвов, оказываются нерезультативны, поскольку они не могут быть эффективно применимы в условиях смешанного языкового коллектива обучаемых.

Не менее важным, по нашему мнению, является **компетентностный принцип**, который заключается в компетентностной целостности билингвальной языковой личности как субъекта образовательного процесса. Мы выделяем данный принцип с учетом принципиально значимых ориентиров, заложенных в государственном образовательном стандарте

для определения содержательной структуры компетентностной модели выпускника, которые подразумевают гармоничное и синергичное развитие таких компетентностных сфер, затрагиваемых в обучении русскому языку, как собственно языковая (лингвистическая), коммуникативная (речевая) и культуроведческая. В целом компетентностный подход к формированию языковой личности младшего школьника не может расцениваться как следствие формальных требований, поскольку сами реалии, цели и задачи современного общества, на которые сегодня ориентирована система общего образования, формируют тот перечень задач, с которым будет сталкиваться выпускник средней школы в процессе следующего этапа социализации.

Как отмечают современные исследователи, «школа, ориентированная исключительно на академические и энциклопедические познания выпускника, учитывая новые запросы рынка труда, сегодня претерпевает изменения» [6. С. 13], и эти изменения связаны не только с формированием у школьников высокой степени мобильности в освоении нового знания и необходимых навыков, но и с формированием у них тех компетенций, которые позволяют успешно реализовывать задачи самообразования. Модернизация системы образования как сложный и многоэтапный процесс не может быть детально спланирована без учета меняющихся реалий и социальных задач, при этом само направление модернизации, актуальное для основного общего образования, задано с учетом основного критерия обучения русскому языку — формирование языковой личности, «полноценно владеющей речью во всех ее видах и формах» [6. С. 13]. Следовательно, тот комплекс компетенций, который формируется у языковой личности, не может быть «отдельным» для детей-билингвов, осваивающих программу начальной школы, и не может рассматриваться как «коррекционный» или частичный в том или ином содержательном моменте. По сути, здесь нет другого пути, кроме как формировать языковую личность ученика-билингва с ориентацией на весь комплекс компетенций, актуальных для структуры компетентностной модели выпускника.

Как отмечает Саяхова Л.Г., само понятие языковой личности применительно к ученику как ключевой фигуре субъект-субъектной модели обучения подразумевает трактовку личности именно как «субъекта отношений и сознательной деятельности», и данная деятельность, несомненно, определяется и детерминируется принятой в обществе системой «системой общественных отношений и культурой» [7. С. 784]. Отсюда, на наш взгляд, и вытекает принцип единства компетентностной системы, которую можно сформировать только в условиях четкой направленности образовательного пространства на актуальные и продуктивные для развития языковой личности параметры социума. Образовательная среда — это активная и мобильная система, способная не «приспосабливаться» к меняющимся условиям и задачам, а, будучи

частью социальной системы, быстро и адекватно перестраиваться в соответствии с задачами образования на уровне всех частных компетенций, формируемых у ученика.

Еще один важный момент связан с тем, что компетенции сами по себе не являются замкнутыми системами навыков и не просто связаны друг с другом, а имеют определенные взаимопроникающие связи и элементы. В частности, как отмечают современные исследователи, «ценностно-отношенческая составляющая языковой компетенции тесно связана с лингвокультурологической» [8. С. 58], а системная диагностика сформированности языковой компетенции у младших школьников показывает теснейшую взаимообусловленность с уровнем развития коммуникативной компетенции в части определения цели изучения отдельных тем [8. С. 58].

Реализация задачи по формированию всего комплекса компетенций, обеспечивающего требуемый уровень развития языковой личности, подразумевает и соблюдение важного принципа, суть которого описана и в классической, и в современной лингводидактической литературе, а также отражена в современном государственном образовательном стандарте, — принципа коммуниктивно-деятельностной ориентации в организации образовательного пространства. Данный принцип учитывает сам «коммуниктивно-деятельностный характер владения языком, который предполагает его использование в естественных для общения ситуациях, в том числе и приближенных к жизненному опыту ребенка» [9. С. 113–114]. И органичной сферой формирования коммуникации как навыка является образовательное пространство как определенным образом упорядоченная развивающая среда [10. С. 127].

В современной лингводидактическом освещении проблема обучения детей-билингвов сфокусирована прежде всего на задачах формирования и организации билингвальной образовательной среды, поскольку преимущественно речь идет об обучении русскому языку в национальных школах различных регионов Российской Федерации. Наш же исследовательский фокус направлен на ситуацию обучения детей в условиях смешанного языкового коллектива, большинство в котором составляют дети, владеющие русским языком как родным. Соответственно, сам характер языковой коммуникации в подобном коллективе далек от «типичного» при существовании билингвального языкового пространства, когда ребенок переключается с системы одного языка на систему другого в процессе коммуникации. Скорее, в нашем случае речь идет о грамотной, детализированной на всех уровнях психолого-педагогического сопровождения, системе инклюзии языковой личности детей-билингвов в монолингвальную среду. Данная инклюзия как система мер и действий и базируется на принципе коммуниктивно-деятельностного включения языковой личности в систему коммуникации на русском языке.

Заключение

Разработка, обоснование и аналитическое описание модели образовательной среды, позволяющей эффективно формировать языковую личность детей-билингвов с различной степенью владения русским языком, базируется на трех ведущих принципах. На наш взгляд, именно приоритет лингвокультурологического подхода, учет компетентностной направленности и коммуникативно-деятельностного характера обучения позволяет разработать содержательную основу системы обучения русскому языку детей-билингвов в условиях смешанного языкового коллектива.

Необходимо признать неразрывность задач по формированию языковой личности детей-билингвов и общих задач анализа и моделирования компетентностной сферы выпускника младшей ступени современной общей основной школы. Процессы инклюзии в образовательное пространство детей со слабой степенью сформированности коммуникативных навыков на русском языке подразумевают именно общее образовательное пространство, единую образовательную среду и единое коммуникативно-языковое пространство как факторы, способствующие успешному формированию русскоязычной языковой личности.

Список литературы

1. Давлетбаева Р.Г. Методическая система формирования билингвальной личности младшего школьника: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. Казань. 2010.
2. Юздова Л.П., Безногова Т.Г. Смешанный язык как результат интерференции языковых систем (на примере восточнославянских языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч.1. С. 203–206.
3. Юздова Л.П., Лукиных Н.В. Обучение инофонов и билингвов русскому языку в начальной школе // Вестник ЮУрГГПУ. 2018. № 8. С. 169–180.
4. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Формирование языковой картины мира у билингвов // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 587–595.
5. Башиева, С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч. Формирование языковой личности в поликультурной среде // Полилингвальность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 525–534.
6. Квасных Г.С. Компетентностный подход к формированию языковой личности младшего школьника // АНИ: Педагогика и психология. 2013. № 3. С. 13–15.
7. Саяхова Л.Г. Компетентностный подход к формированию языковой личности в лингвокультурологической концепции обучения русскому языку // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3. С. 282–292.
8. Макеева С.Г., Шуткина И.В. Формирование языковой компетенции младших школьников в условиях реализации образовательных стандартов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 55–59.
9. Шурпаева М.И., Халидова Р.Ш., Мадиева З.З. Коммуникативная направленность обучения русскому языку учащихся-билингвов на начальном этапе // Известия ДПГУ. Психолого-педагогические науки. 2016. № 3. С. 112–121.
10. Улзытуева А.И. Билингвальное образовательное пространство как социокультурный феномен // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2011. № 6. 127–132.

References

1. Davletbaeva, R.G. 2010. Methodical system of formation of the bilingual personality of a junior schoolboy: abstract: 55. Kazan. Print. (In Russ.).
2. Yuzdova, L.P., and Beznogova, T.G. 2018. Mixed language as a result of interference of language systems (on the example of East Slavic languages). *Philological sciences. Questions of theory and practice* 7 (85). Part 1: 203–206. Print. (In Russ.).
3. Yuzdova, L.P., and Lukinykh, N.V. 2018. Teaching foreign speakers and bilinguals the Russian language in primary school. *Bulletin of the SUSUHP* 8: 169–180. Print. (In Russ.).
4. Afanasyeva, N.D., Zakharchenko, S.S., and Mogileva, I.B. 2022. Formation of the linguistic picture of the world among bilinguals. *Polylinguality and Transcultural practices* 19 (4): 587–595. (In Russ.).
5. Bashieva, S.K., Z.R. Dokhova, and Shogenova, M.Ch. 2020. Formation of a linguistic personality in a multicultural environment. *Polylinguality and Transcultural Practices* 17 (4): 525–534. (In Russ.).
6. Kvasnykh, G.S. 2013. Competence-based approach to the formation of the linguistic personality of a junior schoolboy. *ANI: Pedagogy and psychology* 3: 13–15. (In Russ.).
7. Sayakhova, L.G. 2011. Competence-based approach to the formation of a linguistic personality in the linguoculturological concept of teaching the Russian language. *Bulletin of Bashkir University* 16 (3): 282–292. (In Russ.).
8. Makeeva, S.G., and I.V. Shutkina. 2015. Formation of language competence of junior schoolchildren in the conditions of implementation of educational standards. *Bulletin of Yaroslavl Pedagogical University* 5 55–59. (In Russ.).
9. Shurpaeva, M.I., R.S. Khalidova, and Madiyeva, Z.Z. 2016. Communicative orientation of teaching Russian to bilingual students at the initial stage. *News of DSPU. Psychological and pedagogical sciences* 3: 112–121. (In Russ.).
10. Ulzytueva, A.I. 2011. Bilingual educational space as a socio-cultural phenomenon. *Scientific notes of ZabGU. Series: Vocational education, theory and teaching methods* 6: 127–132. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Гранкина Лилия Анатольевна — аспирант кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: granikon@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-1200-3298

Bio Note:

Liliya A. Grankina is a Postgraduate student of the Department of Russian Language, Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University. E-mail: granikon@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-1200-3298

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-718-728

EDN: LBVDAS

Научная статья

Преподавание русского языка в условиях образовательного мультилингвизма

Р.А. Урханова

Веронский университет,
Италия, 37129, Верона, Via S. Francesco, 22
✉ rimma.urkhanova@univr.it

Аннотация. Описан опыт преподавания русского языка как иностранного в академической среде с мультилингвальным контекстом. Процесс преподавания русского языка в условиях многоязычия, в особенности на начальном этапе, неизбежно сталкивается с проблемой корреляции сложившихся у студентов языковых структур с вводимыми новыми знаниями. В условиях, когда весь учебный процесс в университете проходит на трех официальных языках, обучение русскому языку осуществляется в рамках факультативного курса. Перед преподавателем стоит серия задач по организации работы в группе студентов с разной лингвистической биографией, с различным культурным контекстом, а также с выбором метаязыка. Методы наблюдения и анализа позволяют сделать выводы о значительном влиянии лингвистических характеристик второго языка, в том числе его фонетических, лексических и грамматических элементов, на процесс усвоения русского языка как иностранного. Процесс обучения русскому языку, который выходит за рамки «второго» языка и вписывается в парадигму «третьего», в мультилингвальном контексте неизбежно испытывает на себе предшествующий опыт студентов, являющийся катализирующим элементом и выступающий в то же время в качестве своеобразного замедляющего механизма. Показано, каким образом обучение русскому языку как иностранному в контексте сосуществования немецкого и итальянского языков пробуждает механизмы рефлексии и осознания особенностей своих языков и в тех случаях, когда возникает возможность отстраниться от родного языка и через призму второго, уже знакомого, посмотреть как на новый, изучаемый, так и на родной язык. Опыт преподавания в мультилингвальной среде позволяет сделать вывод об эффективности принципов межкультурной коммуникации, несмотря на факт непринадлежности родных языков студентов к одной языковой группе; как правило, исследования, посвященные работе таких принципов показывают эффективность их работы внутри групп с носителями родственных языков.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, мультилингвизм, межкультурная коммуникация, языковые структуры

История статьи: поступила в редакцию 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

© Урханова Р.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Урханова Р.А.* Преподавание русского языка в условиях образовательного мультилингвизма // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 718–728. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-718-728>

Research Article

Teaching Russian in a Multilingual Educational Context

Rimma A. Urkhanova

Verona University,
22 Via S. Francesco, Verona, 37129, Italy
✉ rimma.urkhanova@univr.it

Abstract. In this article the author refers to her own extensive experience of teaching Russian as a foreign language in an academic multilingual environment. When teaching Russian in multilingual academic contexts, especially with beginners, the problem inevitably arises of finding correlations between the students' established language structures and the new imparted knowledge. In conditions where the entire educational process at university takes place in three official languages, Russian is offered as an optional course. The teacher is then faced with a series of tasks involving the organization of work within a diverse group of students with different language and cultural backgrounds, as well as the need to choose a metalanguage. The methods of observation and analysis allow conclusions to be drawn about the significant influence exerted by various linguistic characteristics of the second language, including its phonetical, lexical, and grammatical aspects, on the process of learning Russian as a foreign language. The process of teaching Russian not as a "second" language but rather within a "third" language paradigm in a multilingual context inevitably implies taking into account the previous experience of students, which serves as both a catalyst and a delaying mechanism. In the article the author describes how teaching Russian as a foreign language in a bilingual German and Italian academic context stimulates the students' mechanisms of reflection and awareness of the peculiarities of their own languages. This includes the opportunity offered to students to distance themselves from their native language and, through the prism of the second language with which they are already familiar, examine their own native language as well as the new language being studied. The experience of teaching in a multilingual environment allows conclusions to be drawn about the effectiveness of the principles of intercultural communication, including when the students' native languages are different. As a rule, research carried out on such principles has shown their effectiveness within groups of speakers of close languages.

Key words: Russian as a foreign language, multilingualism, intercultural communication, linguistic structures

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Urkhanova, R. A. 2023. “Teaching Russian in a Multilingual Context”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 718–728. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-718-728>

Введение

В основе статьи лежит личный опыт автора, рефлексия и наблюдения в процессе длительного (в течение двадцати трех лет) опыта преподавания в Свободном университете Больцано (немецкое название — Боцен). Университет находится на северо-востоке Италии, в регионе, граничащем с Австрией.

В мировой образовательной практике существует немало интересных примеров проявления многоязычия и межкультурной коммуникации. Одним из них является Свободный университет Больцано в итальянском Южном Тироле, где преподавание ведется на немецком, итальянском и английском языках. Южный Тироль — автономная провинция в составе региона Трентино — Альто Адидже в Итальянской республике, на территории которой, согласно статистике, проживает почти 70 % носителей немецкого языка (это самое многочисленное этническое и языковое меньшинство в Италии), около 25 % италоязычных субъектов, около 5 % ладинцев, говорящих на одной из разновидностей ретороманского языка и населяющих Валь Гардена и Валь Бадия (Грёденталь и Гадерталь — немецкие географические названия этих альпийских долин).

Методология

Свободный университет Больцано был основан в 1997 г., и много лет он занимает лидирующие позиции в рейтингах небольших итальянских университетов. Изначальная концепция университета уже предусматривала многоязычие как основной принцип построения образовательных циклов: дисциплины на всех факультетах преподаются на английском, немецком и итальянском языках. Для поступления в университет требуется определенный уровень владения названными языками, минимальный же порог знания L2 — B2 (исключения делаются для иностранных студентов из стран, не входящих в Евросоюз, для них существует специальная квота). Университет популярен благодаря расширенному набору языков, на которых преподаются все дисциплины, это позволяет получившим необходимый инструментарий выпускникам трудиться по окончании университета не только в стране, но и за пределами Италии.

Русский язык преподается с 2000 г., за все это время состав студентов всегда отличался многоязычием: среди слушателей курсов заметным большинством долгое время были носители немецкого языка, но постепенно в группах стали преобладать студенты с родным итальянским (это связано с растущей популярностью и престижностью университета в других регионах страны и, как следствие, с постепенным изменением языкового

состава студентов); в разные годы курсы посещали студенты из Польши, Чехии, Молдавии, Греции, Мексики. В целом же социолингвистическая специфика в регионе характеризуется ярко выраженным билингвизмом — как в стенах университета, так и за его пределами люди говорят на двух языках, итальянском и немецком.

Наблюдение за изучением студентами русского языка, который всегда предлагался здесь в качестве факультативного, а с 2020 г. стал одним из языков по выбору с обязательными шестью кредитными пунктами на экономическом факультете, вписывается в рамки исследований в области обучения третьему, четвертому, пятому и т.д. иностранному языку и концепции многоязычия (концепция *Third language acquisition and multilingualism*). Для многих студентов родным языком является немецкий, а для большинства носителей итальянского языка немецкий является первым иностранным языком (L2). Здесь важно заметить, что студенты зачастую при сравнении обращаются к немецкой грамматике, как в роли L1, так и в роли L2 (в этих условиях немецкий язык выступает в роли так называемого фактора внешней поддержки, *external supplier* [5]). Согласно нашим наблюдениям, немецкий язык может выступать как в качестве катализатора, ускоряющего процесс (к примеру, падежная система в морфологии), так и тормозящим фактором (в чтении наблюдаются фонетические интерференции и экстраполяции как для итальянцев, с произношением согласного [с] в начальной позиции как [ш] по аналогии с прочтением в немецком — *Student, Stuhl, Straße, Spiegel*, так и для носителей немецкого языка типична путаница, особенно с произношением [с] перед гласными или замена шипящих согласных — *задиться, замовар, хорожо*). В изложении результатов обучения для нас важным является применение методов наблюдения, сравнительного анализа, а также методов контрастивной грамматики, что способствует преодолению возникающих в учебном процессе недостатков и ошибок. Важной задачей в процессе обучения представляется развитие у студентов способности к рефлексии и сравнению элементов и структур знакомых языковых систем с соответствующими частями речи изучаемого языка.

Результаты

Особенность ситуации в условиях университета Больцано заключается в том, что, во-первых, даже на начальном этапе преподавания нет единого метаязыка — в качестве такового выступают сразу два языка, иногда добавляется английский (например, два года назад на курс записался один турецкий студент без знания немецкого и итальянского языков, для объяснения базовых правил фонетики и грамматики преподаватель использовал английский). В процессе работы семантизация материала проходит на немецком и итальянском языках, даже диалоги и тексты в аудитории при

необходимости переводятся участниками учебного процесса на свой родной язык, при этом все присутствующие понимают все, активно используя в процессе обучения неродной язык — в этом проявляется действие механизмов межкультурной коммуникации. Важно заметить, что студенты-билингвы зачастую семантизируют анализируемый и усваиваемый материал на привычном им языке обучения (проявление социального билингвизма, диглоссии). Допустим, студентка А. из итальянской семьи, посещавшая немецкоязычную школу в городе, где 90 % населения говорит по-немецки, переводила с русского на немецкий язык; немецкоязычная студентка В., посещавшая курс сравнительно высокого уровня, учила русский в Венеции и поэтому предпочитала семантизировать материал на итальянском, поскольку процесс обучения в итальянской языковой среде сформировал у студентки навыки и умения на языке обучения, и лишь в исключительных случаях она переводила на немецкий, с трудом подыскивая эквиваленты — и это не единичный, а, скорее, типичный случай. Наблюдение позволяет нам зафиксировать и тот факт, что в условиях многоязычия (в нашем случае это вариант билингвизма и мультилингвизма) отчетливо наблюдаются черты металингвистических проявлений, когда студент склонен развивать способность к рефлексии, интерпретировать новые языковые знания с позиции уже обретенных, хорошо усвоенных, в этом проявляется лишь языку присущая способность к метасемантике, по словам Э. Бенвениста [Цит. по: 1. С. 89]. Речь идет о том, что слушателям курса русского языка как *target language*, который в их репертуаре значителен как минимум в качестве L4, свойственна рефлексия над самим языком, склонность к сравнению, сопоставлению лексических единиц русских грамматических структур с уже знакомыми им языками, когда происходит рефлексия как над родным языком, так и над вторым (в случае с носителями немецкого языка это итальянский, в случае с италоязычными студентами это немецкий), т.е. идет активная рефлексия с эффектом «ага», «эврика». На основе наблюдений мы также можем утверждать, что в условиях мультилингвизма значительно ускоряется процесс усвоения нового (русского) языка, что соответствует тезису о том, что изучение так называемого третьего языка (*Third language acquisition*) не совпадает с процессом освоения второго (*Second language acquisition*) языка — сроки сокращаются, студент уже выработал свою индивидуальную стратегию и тактические приемы обучения, преодолел возможный психологический барьер, преподаватель же имеет возможность использовать арсенал инструментов сравнения с уже имеющимся у студентов языковым репертуаром; немаловажным фактором для преподавателя становится возможность привлечения учебных пособий и справочного материала, выходящих сразу в нескольких европейских странах, в немалой степени облегчает работу возможность получения материалов из немецкоязычных стран.

Обсуждение

На более высоких уровнях (B2, C1) возникает возможность творческого подхода к сравнительному анализу переводных версий русского художественного текста, в том числе и произведений русской классики, с использованием переводов как на немецкий, так и на итальянский язык. Использование компаративных методов в анализе переводных текстов малого жанра на одном германском и, соответственно, на одном романском языке, дает возможность объемного, многомерного постижения русского художественного текста как в плане содержания, так и в плане выражения.

С какими конкретными проблемами нам приходилось сталкиваться в повседневной практике? На начальном уровне серьезным барьером достаточно продолжительное время остается произношение, в особенности правильное произношение шипящих согласных у носителей немецкого языка; для итальянцев характерна экстраполяция, перенесение из немецкого некоторых правил произношения звуков, о чем было сказано выше. Достаточно длительно вырабатывается навык правильного произношения и чтения редуцированных гласных, в особенности [o]: не всегда у носителей обоих языков развитие навыков чтения автоматически ассоциируется с фонетическими правилами. Это проявляется при письменном воспроизведении прослушанного текста, часто и в заданиях креативного плана (например, в сочинении) в заученных на слух словах допускаются орфографические ошибки.

Своеобразным культурным шоком для студентов — носителей обоих языков выступает отсутствие в русском неопределенного и определенного артиклей — при переводе, в письменных работах, часто вставляется *один / одна* на том месте, где должен стоять соответствующий артикль *ein / eine, un / uno*. Определенность / неопределенность существительного становится понятной постепенно, когда вводится не только существительное в именительном падеже, но и вся падежная система, а потом и глагол. Если в самом начале мы объясняем этот аспект исключительно со ссылкой на необходимость понимания контекста, упоминания или первичного названия объекта, то постепенно определенность объекта нуждается в более точном представлении. При этом очень ценными для слушателей курса являются пояснения немецких лингвистов из ставшей уже классической коллективной монографии *Russisch im Spiegel des Deutschen*. При семантизации необходимо учитывать, с одной стороны, порядок слов, коммуникативную структуру высказывания (тема / рема). С другой стороны, существует возможность указывать на морфологическое соответствие определенности / неопределенности объекта. К примеру, когда речь идет о существительных, обозначающих субстанции или маленькие объекты

во множественном числе, родительный падеж применяется там, где на немецкий переводится в контексте неопределенности, в том числе и в количественном отношении; если же в русском объект выражается в форме винительного падежа, то в немецком ставится определенный артикль: “Als morphologische Ausdrucksmittel der Determinationsopposition im Russ. ist die Gegenüberstellung des Kasus Akk. und Gen. zu nennen. Diese Differenzierung ist jedoch auf die konstruktiv-syntaktische Position des Objekts beschränkt. Sie bezieht sich außerdem nur auf Stoffnamen und Bezeichnungen kleinerer Gegenstände im Pl”. [1. С. 37].

Авторы монографии приводят примеры, иллюстрируя эти положения: “Er schickte der Mutter Geld. — Он послал матери денег. Er schickte der Mutter das Geld. — Он послал матери деньги.” [1. С. 37]

Понимание неопределенного и определенного объекта студентами в нашей аудитории достигается через эквивалентность в немецком контексте родительному и винительному падежам в русском, в том числе и в отрицательных фразах, например:

Я не читал *текстов*. (I ch habe *keine* Texte gelesen./Non ho letto *nessun* testo.) Я не читал тексты/Тексты я не читал. (I ch habe *die* Texte nicht gelesen./Non ho letto *i* testi.)

Еще одним ценным положением становится прояснение связи определенности и неопределенности объекта с глагольным видом. На эту связь указывают и немецкие лингвисты в упомянутой выше монографии. Когда речь идет об определенном объекте, употребляется глагол несовершенного вида, когда же указывается неопределенный объект, то употребляется глагол совершенного вида. Это становится важным моментом при переводе. Авторы приводят примеры, иллюстрируя свои утверждения:

Книгу я тебе показывал. — Das Buch habe ich dir gezeigt.

Историю эту он мне уже рассказывал. — Die Geschichte hat er mir bereits erzählt.

Вчера Зимов получил от сына письмо. — Gestern erhielt Simow einen Brief von seinem Sohn.

На рынке я встретил старого знакомого. — Auf dem Markt traf ich einen alten Bekannten.

Рита полила цветы. — Rita hatte Blumen gegossen.

Цветы Рита уже поливала. — Die Blumen hatte Rita schon gegossen. [1. С. 39].

Как было отмечено, наша аудитория отличается тем, что в ней подавляющим большинством являются носители немецкого и итальянского языков, пояснения с использованием примеров из немецких источников доступны для понимания, поскольку носители итальянского языка с самых ранних лет знакомятся с немецким как с первым иностранным языком, т.е. он является для них если не первым (в случае студентов-билингвов), то непременно вторым. К тому же механизмы морфологической эквивалентности при переводе схожи.

На продвинутом этапе (уровень В1) глагол представляется уже системно, изучение этой части речи предполагает знание таких категорий, как лицо, время, вид, наклонение и залог. Если на начальном этапе упор делался на изучение глагола в изъявительном наклонении, то на более высоком уровне закрепление навыков и умений нацелено на употребление повелительного и сослагательного наклонений. И здесь вновь важна рефлексия с использованием методов контрастивной лингвистики, что для студентов на продвинутом этапе представляется важным, с одной стороны, для понимания самого текста, а с другой — для осознания различий между двумя языковыми системами.

В современном итальянском языке, для которого характерны тенденции упрощения в использовании глагольного наклонения (в первую очередь конъюнктива) происходят процессы своеобразной компенсации функциональных потребностей, вызываемых необходимостью выражения некоторых оттенков модальности, в том числе по линии реальности / ирреальности, знания / мнения, уверенного знания / предположения. Такую компенсаторную функцию в разговорной речи выполняет, например, глагольное время, используемое не для выражения предшествования, одновременности или последовательности событий относительно момента речи, а для выражения отношения самого говорящего к сказанному, его предположения по поводу содержания сказанного.

(1) *Se sapevo che c'era anche Francesca non venivo alla festa.* — Если бы я знал, что на празднике будет и Франческа, то не пришел бы.

(2) *Potremmo fissare l'incontro per mercoledì prossimo?* — *Per mercoledì prossimo avevo già un altro incontro.* — Мы могли бы назначить встречу на следующую среду? — В следующую среду у меня уже была другая встреча.

В примере (1) произошел явный перенос значения требуемого ситуацией наклонения (конъюнктива и кондиционала) в сторону использования индикатива и прошедшего времени *imperfetto*, где темпоральная характеристика используется для выражения ирреальности содержания речевой ситуации. В примере (2) использование прошедшего времени, а не настоящего (*В следующую среду у меня уже есть другая встреча*), сигнализирует о возможности изменения планов говорящего, настоящее же время исключает такую возможность модификации [2. С. 496–497].

Другим временем, широко используемым «не по прямому назначению», а для выражения модальности предположения, гипотезы говорящего, его субъективного мнения, является будущее время, которое в таком его функциональном контексте именуется еще «гипотетическим будущим». При переводе на русский язык такие высказывания предполагают наличие вводных и модальных слов и выражений *наверное, наверняка, небось, возможно, вероятно, по всей вероятности* и т.д.:

(3) I lettori *sapranno* che il romanzo di Dostoevskij “Netočka Nezvanova” rimase incompiuto (Moravia). — Читателям *наверняка известно*, что роман Достоевского «Нечочка Незванова» не был окончен.

(4) Gorbačev *avrà commesso* errori di previsione. Non *sarà stato* esente da debolezze e ambiguità (Montanelli). — Горбачев, *наверное*, совершал ошибки, был недостаточно дальновиден. *Возможно*, он не был чужд слабостей половинчатости.

Как известно, наиболее употребляемыми формами с оттенками «субъективации» являются глагольные наклонения (в первую очередь кондиционал и конъюнктив), так называемые нереальные наклонения или *il modo della non realtà*. Кондиционал (*il condizionale*), помимо своей чисто синтаксической функции в главной части сложноподчиненного предложения с условным придаточным, употребляется также для передачи «чужого слова», информации, ответственность за достоверность которой говорящий с себя снимает: *Sarebbe già arrivato a Mosca* / Как передают, он уже приехал в Москву [3. С. 259]. При переводе такой фразы на русский язык появляется указание на источник информации (*говорят, по словам ... , как передают, как сообщают* и т.д.) и, наоборот, при переводе русской фразы на итальянский необходимость в таком указании на источник информации отпадает, поскольку сам предикат стоит в форме кондиционала. Такой оттенок модальности романисты называют «эвиденциальностью» и «медиативом» [3]. К такому же употреблению кондиционала относятся высказывания с указанием косвенного источника информации (что романистами зачастую обозначается отрицательной граммемой «неэвиденциальность»), лексической маркировкой которых в русском варианте являются лексемы *de, дескать, мол*: *La ragazza non avrebbe detto nulla* / Девушка, *дескать*, ничего не сказала [4. С. 260]. Кондиционал употребляется также для выражения значения эпистемической модальности в высказываниях-предположениях, гипотезах о возможности или невозможности осуществления действия, по-русски маркированных вводными словами *возможно, кажется, по-видимому, вероятно, скорее всего* и т.д.; в вопросительных предложениях с вопросительными индикаторами *разве, неужели* с выражением чувства удивления говорящего: *Sarebbe già andato via?* *Разве он уже ушел?* В своей ставшей классической статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» Р.О. Якобсон определяет этот феномен словом *засвидетельствованность* и предлагает называть этим термином глагольную категорию, учитывающую сообщаемый факт, факт сообщения и источник сведений о сообщаемом факте [5. С. 101].

Другим грамматическим средством выражения субъективно-оценочной модальности, эксплицирующим отношение говорящего к сказанному, является конъюнктив (*il congiuntivo*). Конъюнктив в различных его грамматических формах, как правило, употребляется в придаточных предложениях для выражения сомнения, неуверенности, надежды говорящего, мнения, ощущения, перцепции — при этом предикат модуса стоит в индикативе, диктальный

же предикат, несущий на себе всю семантическую нагрузку модальности субъекта модуса, ставится в конъюнктиве: *Penso che sia già andato via* / Думаю, что он уже ушел. Важно отметить, что если предикат модуса выражает уверенное знание, неоспоримый факт, рациональный довод, словом, информацию, в достоверности и реальности которой у говорящего нет сомнения, то предикат диктума остается при переводе на итальянский язык в индикативе: *Se si legge l'articolo ancora una volta allora si capisce tutto* / Если прочитать статью еще раз, то все будет понятно. Другими словами, здесь «вмешательство» прагматического аспекта в семантику предиката модуса становится определяющим, интенции говорящего детерминируют при определении морфологической формы предиката диктума. При переводе с русского на романские языки, в частности на итальянский, учитывается этот аналитический аспект работы, в то время как с германскими языками дело обстоит иначе — форма конъюнктива используется, например, в немецком либо в «пересказывательной» функции (*der Konjunktiv I*), либо в функции ирреального наклонения (*der Konjunktiv II*). Специалисты по контрастивной грамматике, которая очень помогает на занятиях, отмечают, что при существенном отличии языковых систем смыслы компенсируются зачастую лексическими единицами и пониманием контекста:

Als modale Bedeutung der Konjunktivsformen des Russ. und Dt. kann die Signalisierung der Irrealität der Handlung angegeben werden. Die speziellen Bedeutungen des Konjunktivs — potentielle, konditionale und optative Bedeutung — werden in beiden Sprachen erst durch den Kontext realisiert [1. С. 68].

Оттенки модальности в русском конъюнктиве не всегда определяются, в частности, не всегда понятно, идет ли речь о чем-то ирреальном или возможном, к тому же у него нет временных характеристик. В немецком же собственно языковых инструментов больше, например, для одной русской фразы находится сразу целый ряд немецких эквивалентов:

Если бы была хорошая погода, то мы *бы погуляли*.
 Bei schönem Wetter *würden wir spazieren gegangen*.
 Bei schönem Wetter *würden wir spazieren gegangen sein*. (irreale Möglichkeit)
 Bei schönem Wetter *gingen wir spazieren*.
 Bei schönem Wetter *würden wir spazieren gehen*. (potentielle Möglichkeit) [1. С. 68].

Заключение

Преподавание в условиях образовательного мультилингвизма — прекрасная возможность не только для постижения нового языка, это шанс в зеркале изучаемого русского языка отчетливее всмотреться в структурные, функциональные, смысловые рамки других задействованных языков, увидеть, понять и осмыслить собственные языковые структуры, по-другому посмотреть на уже обретенные знания. В нашем случае это означает, что при изучении

русского языка происходит интенсивная рефлексия для носителей немецкого языка, возможность по-новому посмотреть на закономерности функционирования итальянского, а для носителей последнего — открывать для себя скрытые ранее тонкости и детали немецкого языка. Такая работа становится все более заметной по мере этапов освоения языков — чем более продвинутым он становится, тем очевидней проявляется рефлексия, когнитивный инструмент, которым студенты овладевают. В заключение важно отметить, что преподавание русского в условиях многоязычия еще раз раскрывает динамичный и открытый характер процесса освоения нового иностранного языка, который соответствует концепции «Third language acquisition», при этом активизируется механизм языковой рефлексии и другие металингвистические инструменты, а именно — критическое отношение у самой вторичной языковой личности к сложившимся лингвистическим структурам, в рамках уже усвоенных языковых знаний.

Список литературы

1. Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich, 1989, Hg. von Gladrow W., Leipzig: Verlag Enzyklopädie.
2. Dardano M., Trifone P. La nuova grammatica della lingua italiana, Bologna: Zanichelli. 2007.
3. Nuyts J., Dendale P. Bibliographie sélective de l'évidentialité // Langue français. 1994. No. 102. Pp. 121–125.
4. Perillo F.S. La lingua russa all'università. Fonetica, morfologia e sintassi, Bari: Cacucci Editore. 2002.
5. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя, ред. О.Г. Ревзина, Москва: Наука. 2000. С. 95–113.

References

1. Russian im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich, 1989, Hg. von Gladrow W., Leipzig: Verlag Enzyklopädie. Print.
2. Dardano, M., Trifone P. 2007. La nuova grammatica della lingua italiana, Bologna: Zanichelli.
3. Nuyts, J., Dendale P.1994. 'Bibliographie selective de l'évidentialité'. Langue Français 102: 121–125.
4. Perillo, F.S. 2000. La lingua russa all'università. Fonetica, morfologia e sintassi, Bari: Cacucci Editore.
5. Jacobson, R.O. 1972. Shifters, verbal categories and the Russian verb. In Principles of typological analysis of languages of different systems, ed. By O.G. Revzina. Moscow: Nauka publ., p. 95–113.

Сведения об авторе:

Урханова Римма Алексеевна — кандидат философских наук, преподаватель Лингвистического центра Веронского университета, Италия. E-mail: rimma.urkhanova@univr.it

Bio Note:

Rimma A. Urkhanova is a Candidate of Philosophical Sciences, teacher of the Language Centre, University of Verona, Italy. E-mail: rimma.urkhanova@univr.it

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-729-740

EDN: PCMNIS

Научная статья

Повышение уровня мотивации иностранных и билингвальных студентов-международников при изучении языка профессионального общения

Н.Д. Афанасьева , С.С. Захарченко , И.Б. Могилёва

МГИМО Университет,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76
✉ afan-nina@yandex.ru

Аннотация. Описана работа преподавателей кафедры русского языка МГИМО по развитию профессиональной компетентности иностранных студентов. Рассмотрены методы активного обучения: деловые игры, студенческие конференции. Форма обучения студентов в виде деловой игры позволяет преподавателям решить следующие задачи: активировать изученный лексико-грамматический материал, освоить новую лексику, синтаксические конструкции, нормы коммуникативного поведения; обучить построению монологической речи и ведению диалога; мотивировать учащихся расширить лингвострановедческие знания. Участие в студенческих конференциях способствует усилению мотивации к более углубленному изучению русского языка, повышению уровня образования учащихся, доказывает необходимость самостоятельной работы. Анализируется опыт проведения деловых игр, конференций и Модели ООН.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, деловая игра, студенческая конференция, Модель ООН, мотивация изучения языка

История статьи: поступила в редакцию 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Повышение уровня мотивации иностранных и билингвальных студентов-международников при изучении языка профессионального общения // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 729–740. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-729-740>

© Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Increasing the Level of Motivation of Foreign International Relations and Bilingual Students in Studying the Language of Professional Communication

Nina D. Afanasieva , Svetlana S. Zakharchenko , Irina B. Mogileva

MGIMO University,
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation
 afan-nina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the description of the work of teachers of the Russian Language Department of MGIMO on the development of professional competence of foreign students. The authors describe some methods of active learning such as business games and student conferences. Business games allows teachers to solve the following tasks: activation of the studied lexical and grammatical material, the development of new vocabulary, syntactic constructions, norms of communicative behavior; training in the construction of monological speech and dialogue; motivation of students to increase their linguistic and cultural knowledge. Participation in student conferences helps to strengthen motivation for a more in-depth study of the Russian language, increase the level of education of students, proves the need for independent work. The article analyzes the experience of holding business games, conferences and the UN Model in MGIMO.

Key words: professional competence, business game, student conference, Model UN, motivation of language learning

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Afanasieva, N.D., S.S. Zakharchenko, and Mogileva I.B. 2023. “Increasing the Level of Motivation of Foreign International Relations and Bilingual Students in Studying the Language of Professional Communication”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 729–740. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-729-740>

Введение

Главной задачей преподавателей высшей школы является подготовка специалистов высокого уровня, развитие профессиональной компетентности студентов. Для того чтобы процесс обучения был более эффективным, необходимо формировать профессиональную мотивацию студентов, поощрять их стремление к профессиональному росту. Особую трудность представляет работа с билингвами, начинающими учиться в университете. Как правило, они хорошо владеют русским языком в объеме бытовой сферы, но тексты официально-делового и научного стиля, как правило,

недоступны для их понимания в полной мере, навыки академического письма вовсе отсутствуют.

Используя методы активного обучения, развивая у студентов познавательную деятельность, преподаватели русского языка как иностранного на занятиях знакомят учащихся с различными аспектами их будущей работы. Одним из эффективных методов обучения студентов русскому языку профессионального общения является подготовка и проведение деловых игр.

Обсуждение

Деловая игра — это имитация профессиональной деятельности, моделирование условий взаимодействия «экспертов» для достижения определенных целей при наличии неоднозначных, конфликтных ситуаций или в условиях информационной неопределенности. В ходе игры участникам предлагается сюжет, который подразумевает действие по сценарию, соответствующему теме деловой игры. Обучающиеся приобретают навыки самостоятельной работы, принимая собственные решения, рассматривая ту или иную проблему, ориентируясь на позиции других участников [1].

Многие исследователи считают этот вид работы более совершенной технологией обучения, способствующей развитию умений и навыков творческой работы и коммуникативной деятельности (Л.С. Выготский, И.А. Зимняя, П.Я. Гальперин, Н.Д. Гальскова, А.Н. Леонтьев и др.). Форма обучения студентов в виде деловой игры позволяет активизировать изученный лексико-грамматический материал, освоить новую лексику, синтаксические конструкции, нормы коммуникативного поведения, обучить построению монологической речи и ведению диалога; мотивация учащихся увеличить лингвострановедческие знания [2–4].

Игры проводятся на основе пройденного тематического и лексико-грамматического материала. Определяя тему игры, преподаватель направляет деятельность студентов на знакомство с различными аспектами будущей профессиональной работы, мотивирует их приобретать навыки владения русским языком на более высоком коммуникативном уровне. Высокую оценку студентов факультета международных отношений МГИМО МИД России получает деловая игра на тему «Проведение дипломатического приема», которая проводится обычно после изучения дипломатического церемониала и протокола. Чтение текстов учебника, выполнение лексических и грамматических заданий, обсуждение изученных материалов дополняются в ходе деловой игры совершенствованием речевых умений студентов, играющих различные роли — посла, советника посла, министра иностранных дел, зарубежного гостя и др. Участники игры демонстрируют знания дипломатического этикета, участвуют в диалогах, вступают в дискуссии, оценивают сложившиеся

ситуации. Все это отражается на эмоциональном состоянии студентов, формирует их познавательную мотивацию. Важным этапом совместной работы преподавателя и студентов является последующий анализ и разбор ошибок. Хорошо зарекомендовал себя просмотр сделанного в ходе игры видео, когда участники могут комментировать наиболее удачные, критиковать менее успешные приемы общения и определять самого активного члена команды, назвать те проблемы, которые были решены в результате общения.

Подобные деловые игры преподаватели могут проводить в студенческих группах на темы «Переговоры министров иностранных дел двух государств», «Вручение верительных грамот», «Проведение пресс-конференции: встреча министра иностранных дел с представителями СМИ» и др. Деловая игра способствует знакомству студентов с разными сторонами их будущей профессиональной работы, обеспечивая их личностное участие в решении нестандартных задач и являясь стимулом активизации социальных навыков и коммуникативных способностей.

Для студентов-бакалавров факультета международных отношений (возможно и для факультета международного права) преподавателями кафедры русского языка была подготовлена деловая игра «Подписание Версальского мирного договора». По материалам учебного пособия по русскому языку «История международных отношений» [5] и с привлечением дополнительных источников был разработан сценарий, максимально приблизивший участников игры к этому значимому событию, которое на долгие годы определило развитие и функционирование системы международных отношений в Европе. Студенты распределяют между собой роли представителей стран — участниц Парижской конференции, во время которой и был подписан Версальский договор. На этом международном форуме присутствовали делегаты 27 государств Европы, но все-таки наибольший интерес вызывали державы-победительницы в Первой мировой войне, они и сформировали высший руководящий орган — Верховный совет Антанты, состоящий из глав правительств и министров иностранных дел Франции, Италии, Великобритании, а также президента и госсекретаря США и дипломатических представителей Японии.

Поскольку договор предусматривал полную демилитаризацию Германии, ограничения в торговле, пересмотр границ (Германия лишалась части своих территорий и т.д.), студентам, выступавшим «от имени» поверженной страны, приходилось нелегко в деле отстаивания своих интересов без нарушения исторической правды. Участники игры демонстрировали хорошую подготовку по теме и свободно ориентировались в хитросплетениях международной политики того времени. Иногда у присутствующих на игре возникала иллюзия реальности происходящего, так как во время действия использовались фото- и видеоматериалы, не только

имеющие отношение непосредственно к конференции, но и создающие антураж того времени. Конечно, большую роль в игре играет координатор — ведущий, который представляет участников, дает некоторые пояснения по их позициям и целям и вовремя возвращает обсуждение и споры в нужное русло.

Несомненно, такие «живые» деловые игры способствуют более глубокому погружению в изучаемый материал, дают представление об избранной профессии, позволяют раскрыть творческий потенциал студентов, отточить их ораторские способности и научить полемизировать, опираясь на факты и логику [6]. Подготовка подобных игр — кропотливая работа, но она, безусловно, востребована и необходима.

Для того чтобы обучение студентов в рамках деловой игры было успешным, важно поддерживать, как отмечает шведский исследователь С. Самуэльсон [7], четыре среды, которые в комплексе представляют собой учебную среду деловой игры: поведенчески ориентированную, аффективно ориентированную, перцептивно ориентированную и символически ориентированную.

При создании поведенчески ориентированной среды преподаватели должны создавать такие условия деловой игры, которые максимально приближены к реальным. Это дает возможность студентам и получить знания, необходимые им в будущей работе, и приобрести практические навыки решения тех проблем и задач, которые могут возникнуть в действительности. Эта среда повышает мотивацию студентов, укрепляет их уверенность в том, что важно не только усвоение грамматических знаний и увеличение лексического запаса, но и приобретение умений и навыков их использования в конкретных рабочих ситуациях.

Аффективно ориентированная среда дает возможность учащимся понять расстановку сил в игре и каждому осознать свою собственную роль в ней. Здесь важно отметить, что учащиеся должны уметь поменять стереотипные модели мышления при изменяющихся условиях и поступлении новых вводных данных, принимать коллективное решение после анализа нескольких точек зрения, предъявленных командой. Решение задачи или проблемы, предложенное лидером, не является продуктивным, так как часто наиболее верным является то решение, которое из индивидуального было преобразовано в общее.

Перцептивно ориентированная среда помогает студентам понять, каких знаний недостаточно, для того чтобы чувствовать себя уверенными в максимально точном изложении заданной проблемы, понимании речи оппонентов, установлении тех задач, которые необходимо решить команде.

Символически ориентированная среда направлена на соединение практики и теории с помощью информационных систем, когда студенты

самостоятельно приходят к выбору путей решения проблемы, используют различные подходы и методы, выходящие за рамки ранее использованных. Учащиеся должны овладеть навыками создания и апробирования новых способов понимания, определения проблемной ситуации, выработки новых стратегий действий.

Важной основой при анализе и разработке среды обучения деловой игре являются следующие принципы обучения: оно должно быть аутентичным, знание должно быть связано с пониманием явлений, обучение должно быть индивидуализированным, при обучении необходимо использовать разные когнитивные стили. Важно помочь участникам деловой игры не только получить новые знания и развить определенные навыки, но и помочь студентам расширить свой кругозор так, чтобы они могли совместить их для решения тех задач, которые могут возникнуть у них в будущей работе [8; 9].

Мощным фактором мотивации является также участие иностранных студентов в подготовке и проведении студенческих конференций [10; 11]. В 2009 году преподавателями кафедры русского языка МГИМО была подготовлена и проведена I Межвузовская студенческая конференция «Роль русского языка в становлении многополярного мира», в 2011 г. — II «Русский язык как фактор будущей профессии», а в 2023 — уже VII Международная студенческая конференция «Роль русского языка в международных отношениях». Будущие специалисты-международники должны активно овладевать современной общественно-политической лексикой, поэтому в процессе обучения необходимо использовать разнообразные материалы: газетную и журнальную публицистику, новостные и аналитические телепрограммы, интернет-ресурсы, отображающие основные тенденции и векторы развития политической ситуации и в нашей стране, и за рубежом. Подготовка к участию в студенческих конференциях предполагает использование приобретенных студентами навыков разных видов чтения (ознакомительного, поискового, изучающего и др.), реферирования, навыков академического письма, ведения дискуссии.

Чтобы подготовить и провести студенческую научно-практическую конференцию, необходимо продумать ее структуру, определить цели и задачи, создать инициативную группу студентов-участников, которые будут курировать как организационные вопросы, так и содержательные: научную тематику будущих докладов, их проблематику.

Преподаватели оказывают помощь учащимся в определении темы выступления, корректировке работы с источниками исходя из уровня владения студентами русским языком, учитывая психотип их личности. В дальнейшем преподаватели консультируют учащихся, предоставляя им возможность самостоятельной творческой работы. Важно не только критически оценивать этот, как правило, первый опыт научной деятельности,

но и отрабатывать навыки знакомства с текстами источников, помогать определить основную мысль, аргументировать ее, логически выстраивая свое сообщение.

Безусловно, и у студентов-иностранцев, и у билингвов зачастую отсутствуют навыки практического использования знаний научного стиля, поэтому очень важен репетиционный момент, способствующий закреплению этих навыков. Отработка в процессе говорения фонетики, интонации и др., повторение речевых моделей научного стиля дают предсказуемо хороший результат.

В подготовительном периоде также немаловажно обратить внимание на умение составлять план доклада, использовать презентацию, уметь отвечать на вопросы, аргументированно спорить, соблюдать регламент. Преподаватели вместе со студентами выбирают оптимальную форму выступления: доклад, свободная беседа, диалог.

Непосредственно на заседании будут сочетаться такие коммуникативные явления, как говорение и аудирование. В программе конференции участники могут отметить интересующие их доклады, поэтому они заранее могут подготовить вопросы к выступающему.

Очень важно соблюсти все требования к оформлению научного доклада для подготовки его к публикации, т.е. реализовать знания, полученные на занятиях по академическому письму, что является стимулирующим фактором для продолжения научной деятельности.

На заключительном этапе работы конференции, кроме награждения победителей, необходимо не только отметить наиболее удачные выступления, но и проанализировать ошибки учащихся.

Цели, которые ставят преподаватели перед участниками конференции, осуществляя коммуникативно-компетентный подход к обучению русскому языку как иностранному, следующие: активизировать научную работу студентов, которые находятся в среде изучаемого языка, совершенствовать навыки отбора и анализа информации по выбранной теме выступления на конференции, составления плана и тезисов доклада, обучить логически грамотному, с использованием аргументов написанию текста доклада. Не менее важным является работа по обучению созданию презентации к докладу и отработка речевых навыков (интонация, преодоление фонетических трудностей и пр.).

В апреле 2023 г. в МГИМО была проведена VII Международная студенческая конференция «Роль русского языка в международных отношениях». Участники мероприятия отметили актуальность и практическую значимость таких докладов, как «Роль и значение русского языка в сфере высшего образования в России и за рубежом», «Русский язык как инструмент „мягкой силы“ России в странах дальнего зарубежья», «Лингвистический анализ речевого поведения В.В. Путина (на материале обращения В.В. Путина

к Федеральному Собранию)), «Имидж в речи дипломата», «Русский язык в Польше. Развитие или упадок?» и др. Участники конференции с большим интересом слушали выступления докладчиков, задавали вопросы, высказывали свое мнение.

Организация и проведение студенческих конференций имеют большое значение: учащиеся получают опыт самостоятельной научно-исследовательской работы, приобретают устойчивые навыки выступления в большой аудитории, испытывают положительные эмоции от проделанной работы. Для преподавателей задача считается выполненной, если у студентов усиливается мотивация к более углубленному изучению русского языка, формируются общекультурные и профессиональные компетенции, повышается их уровень образования, расширяется кругозор.

Полученные студентами в процессе обучения, участия в деловых играх и научно-практических студенческих конференциях навыки профессионального общения позволяют им принимать активное участие в более сложном виде работы, каким является Модель ООН.

Московская международная Модель ООН имени Виталия Чуркина представляет собой комбинирование элементов конференции и деловой игры, в работе которой принимают участие студенты вузов и учащиеся старших классов школ. Участники Модели ООН во время проведения мероприятия выполняют функции и задачи дипломатов разных стран мира, выстраивают дискуссию по актуальным вопросам современной политики.

Модельное движение зародилось в США в XIX в. В 1789 году в колледжах начали проводить работу по углубленному изучению работы сенаторов в американском Сенате: изучать процедуру проведения заседаний, чередуя практические знания с теоретическими (в области юриспруденции, экономики, международных отношений, истории и др.). Модели Сената продолжают проводить и в настоящее время.

Прообразом Модели ООН стала модель Лиги Наций. В Оксфордском университете индийский студент Мир Махмуд в 1921 г. предложил организовать деловую игру — заседание Международной ассамблеи.

В 1947 году в Пенсильвании в Суортмор-колледже была проведена первая модель ООН. В конце 1960-х гг. модели ООН начали проводиться в Европе, в 1990-е гг. — в Азии, на Ближнем Востоке и в Южной Африке.

В России первая Модель ООН была проведена в 1990 г. Идея ее проведения для студентов и школьников в России принадлежала Российской Ассоциации содействия ООН. Сейчас она представляет собой самую крупную модель ООН в Восточной Европе. Каждый год в заседаниях участвуют более семисот делегатов, представляющих все континенты, например, в апреле 2023 г. участниками модели ООН в МГИМО были учащиеся из 61 вуза и 12 школ 59 регионов (https://una.ru/una_model).

Во время работы Московской международной модели ООН в МГИМО участники проводят заседания, моделируя деятельность в Совете Безопасности, Генеральной Ассамблее, Экономическом и Социальном Совете, Международном Суде и других органах ООН. В процессе игры, обсуждая современные проблемы, делегаты высказывают не свою личную точку зрения, а лоббируют интересы государства, которое они представляют.

Заседания Модели ООН проводятся на шести языках, как и настоящие заседания ООН. Один из них русский язык, поэтому при подготовке этой деловой игры преподаватели кафедры русского языка МГИМО становятся для иностранных студентов консультантами: оказывают им помощь в подборе литературы, которую учащиеся используют, изучая политическую и экономическую ситуацию в представляемой ими стране, в ведении переговоров, в подготовке к выступлению и дискуссиям, в составлении резолюции заседания. Здесь важны и фонетическая работа, и развитие навыков ораторского искусства, и изучение дипломатического этикета, и академическое письмо. Особое внимание преподаватели уделяют развитию способностей обучаемых работе в коллективе, умению планировать свою деятельность и четко следовать своему плану, развитию креативного мышления. Студенты, принимавшие участие в модели ООН, высоко оценивают возможности, предоставляемые данным видом деятельности.

«Модель ООН — это событие, объединяющее судьбы сотен, — так отозвалась о работе MIMUN-2023 Первый заместитель Генерального секретаря этой Модели Р. Хачатрян. — Это то мероприятие, которое заставляет сердца огромного количества людей со всего мира биться в унисон. Для делегатов это возможность предложить свое решение международных проблем... Всех нас объединяет стремление найти единомышленников, которые впоследствии станут друзьями». А. Израэлян также высказывает свое мнение: «Масштабы Модели ошеломляют, и я была впечатлена уровнем профессионализма, который демонстрировали участники. Участие в С-MIMUN в качестве журналиста — уникальный и полезный опыт. Это позволило мне воочию убедиться в силе дипломатии и сотрудничества в решении глобальных проблем. Я покидаю конференцию с чувством вдохновения и мотивации изменить мир к лучшему» (https://una.ru/una_model).

Заключение

Проведение деловых игр, студенческих конференций имеет большое значение в обучении иностранных студентов, так как подобные эффективные способы изучения русского языка как иностранного в вузе позволяют превратить учебный процесс в интересное, увлекательное,

результативное занятие. Такой комплексный подход к обучению будущих специалистов-международников позволяет решить профессиональные и коммуникативно-познавательные задачи, способствует повышению роли самостоятельной работы студентов в учебном процессе, развитию умения моделировать свое поведение в реальных ситуациях делового общения. В результате такого подхода преподаватели реализуют образовательные, развивающие и воспитательные задачи: расширяют кругозор и умения обучающихся, соединяя этот процесс с решением и выполнением практических задач, развивают познавательный интерес и стремление к получению новых знаний, воспитывая в студентах целеустремленность и мотивируя их к саморазвитию. Как отмечают преподаватели и студенты, принимающие участие в подготовке и проведении конференций, деловых игр, при активном использовании таких видов аудиторной и внеаудиторной работы успешно развиваются творческие возможности студентов.

Список литературы

1. Аббасова А.А. Формирование и повышение учебной мотивации при обучении РКИ с применением дискуссионных методов обучения // Глобальный научный потенциал. 2019. № 8 (101) С. 20–23.
2. Коробова Е.В. Игровые технологии в преподавании иностранного языка как одно из средств выработки профессиональной иноязычной компетенции // Гуманитарное образование в экономическом вузе: материалы конференции. 2017. Т. 1. С. 176–183.
3. Цыганкова П.В., Суворова Е.Ю. Ролевые игры живого действия и ролевые онлайн-игры: психологические функции в современном социокультурном контексте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 3. С. 459–474.
4. Чернышенко О.В. Игровые технологии как лингводидактическое средство при обучении РКИ // Казанский педагогический журнал. 2016. № 6. С. 136–140.
5. Афанасьева Н.Д. История международных отношений: учеб. пособие по языку специальности. СПб: Златоуст, 2016.
6. Артемьева О.А., Макеева М.Н. Система учебно-ролевых игр профессиональной направленности М.Н. Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-т, 2007.
7. Samuelsson S. En studie av Undervisnings och Lärandemiljöer i affärsspel. Luleå tekniska universitet. 2002. 196 s. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:989919/FULLTEXT01.pdf>
8. Богачёва А.В., Грушко К.А. Мотивация и методы ее повышения в процессе преподавания РКИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4. С. 12–15.
9. Вохмина Л.Л., Нечаева Е.В. Содержание понятия мотивации в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. 2016. № 1. С. 4–14.
10. Илюшина Н.Н. Подготовка студентов к научной конференции как первый опыт исследовательской деятельности // Диверсификация педагогического образования в условиях развития информационного общества. Минск: БГУ, 2022.
11. Кригер Г.С., Ахметзянова Р.Р., Ринская Н.В. Проведение студенческих конференций как одно из необходимых условий профессионального развития // История и педагогика естествознания. 2015. № 4. С. 27–30.

References

1. Abbasova, A.A. 2019. Formation and improvement of educational motivation in teaching RCT using debatable teaching methods. *Global'nyi nauchnyi potentsial* 8 (101): 20–23. Print. (In Russ.).
2. Korobova, E.V. 2017. Game technologies in teaching a foreign language as one of the means of developing professional foreign language competence. In *Humanities in economical university*. Moscow: Ros. ekonom. un-t publ. Vol. 1. Pp. 176–183. Print. (In Russ.).
3. Cygankova, P.V. 2020. Live-action role-playing games and online role-playing games: psychological functions in the modern socio-cultural context. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* 3: 459–474. Print. (In Russ.).
4. Chernyshenko, O.V. 2016. Game technologies as a linguodidactic tool in teaching Russian as a foreign language. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* 6: 136–140. (In Russ.).
5. Afanas'eva, N.D. 2016. History of international relations. Textbook on the language of the specialty. SPb: Zlatoust publ. Print. (In Russ.).
6. Artem'eva, O.A. 2007. The system of educational role-playing games of professional orientation. Tambov: Tamb. gos. tekhn. un-t publ. Print. (In Russ.).
7. Samuelsson, S. 2002. En studie av Undervisnings och Lärandemiljöer i affärsspel. Luleå tekniska universitet. Web. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:989919/FULLTEXT01.pdf> (In Swedish)
8. Bogacheva, A.V. 2016. Motivation and methods of its improvement in the process of teaching Russian as a foreign language. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* 4: 12–15. Print. (In Russ.).
9. Vokhmina, L.L. 2016. The content of the concept of motivation in teaching Russian as a foreign language. *Russkii yazyk za rubezhom. Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina* 1: 4–14. Print. (In Russ.).
10. Pyushina, N.N. 2022. Preparing students for a scientific conference as the first experience of research activity. Minsk: BGU publ. Pp. 281–286. Print. (In Russ.).
11. Kriger, G.S. 2015. Holding student conferences as one of the necessary conditions for professional development 4: 27–30. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Афанасьева Нина Дмитриевна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, МГИМО Университет. E-mail: afan-nina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9462-7706

РИНЦ Author ID: 788306 spin-код: 7446-9609

Researcher ID (WoS): HKV-1185-2023

Захарченко Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, МГИМО Университет. E-mail: sveta.zakharchenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6815-2153

РИНЦ Author ID: 810963 spin-код: 2770-3555

Могилёва Ирина Болеславовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, МГИМО Университет. E-mail: mogilevairina@yandex.ru

РИНЦ Author ID: 386666 spin-код: 7187-0014

Researcher ID (WoS): E-8534-2016

ORCID: 0000-0003-2169-370X

Bio Notes:

Nina D. Afanasieva is a Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Russian language Department of MGIMO University. E-mail: afan-nina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9462-7706

РИНЦ Author ID: 788306 spin-код: 7446–9609

Researcher ID (WoS): HKV-1185-2023

Svetlana S. Zakharchenko is a Candidate in Pedagogy, Associate Professor of the Russian language Department of MGIMO University. E-mail: sveta.zakharchenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6815-2153

РИНЦ Author ID: 810963 spin-код: 2770–3555

Irina B. Mogileva is a Candidate in Philology, Associate Professor of the Russian language Department of the Moscow State Institute of MGIMO University. E-mail: mogilevairina@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2169-370X

РИНЦ Author ID: 386666 spin-код: 7187–0014

Researcher ID (WoS): E-8534-2016

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-741-746

EDN: OZOQTY

Рецензия

**Рецензия на книгу: Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д.,
Кужугет Ш.Ю., Майны Ш.Б. Тувинцы: Родные люди.
Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. 360 с.**

**Л.С. Кара-оол¹ , И.В. Кормушин² **

¹Тувинский государственный университет,
Российская Федерация, 667000, Кызыл, ул. Ленина, д. 36

²Институт языкознания РАН,
Российская Федерация, 125009, г. Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1
 lkaraool61@mail.ru

История статьи: поступила в редакцию 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Кара-оол Л.С., Кормушин И.В. Рецензия на книгу: Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д., Кужугет Ш.Ю., Майны Ш.Б. Тувинцы: Родные люди. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. 360 с // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 741–746. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-741-746>

Book review

**Book review: Lamajaa Ch.K., Suvandii N.D.,
Kuzhuget Sh.Yu., Myny Sh.B. Tuvans: Native people.
St. Petersburg: Nestor-History, 2022. 360 p.**

**Lyubov S. Kara-ool¹ , Igor V. Kormushin² **

¹Tuvan State University,
36 Lenin str., Kyzyl, 667000, Russian Federation

²Linguistics of the RAS,
1 B. Kislovskiy al., Moscow, 125009, Russian Federation
 lkaraool61@mail.ru

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

© Кара-оол Л.С., Кормушин И.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Kara-ool, L.S., and I.V. Kormushin. 2023. "Book review: Lamajaa Ch.K., Suvandii N.D., Kuzhuget Sh.Yu., Myny Sh.B. Tuvans: Native people. St. Petersburg: Nestor-History, 2022. 360 p.". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 741–746. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-741-746>

Введение

Издание научной монографии «Тувинцы: Родные люди» — важное событие не только для дальнейшего изучения этнической культуры на примере тувинцев, но и для лингвокультурологии как отрасли знания в российской лингвистике. Теоретическая и практическая значимость данного коллективного труда обусловлена рядом причин. Во-первых, это не просто культурологическая, а лингвокультурологическая работа, в которой авторы начинают анализ с терминологии тувинского языка. Во-вторых, идеи и рассуждения авторов монографии являются результатом исследований тувинских ученых в рамках гранта РФ «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» с привлечением данных полевых наблюдений. Авторы монографии предлагают свое видение перспектив исследования не только тувинской культуры, но и тувинского языка в рамках современных научных направлений. В-третьих, данный коллективный труд, безусловно, может послужить методологической базой для разработки эффективных методик изучения тувинской материальной культуры и тувинского языка; прикладной (дидактический) аспект очевиден. В-четвертых, результаты проведенных исследований полезны в сравнительно-сопоставительном аспекте как с близкородственными тюркскими языками и материальными культурами тюркских народов, так и другими языками и культурами. В-пятых, опыт тувинских коллег предоставляет конкретную модель изучения этнической культуры, которую можно экстраполировать для изучения других этнических культур.

Во Введении, написанном Ч.К. Ламажаа, подчеркивается особенность данной работы — тувинскую культуру показывают глазами тувинцев, а не внешних наблюдателей и говорят на языке культуры тувинцев с учетом современных реалий. Базовая тезаурсная концепция, выбранная коллективом авторов в качестве основной, позволяет им сфокусировать свое исследовательское внимание на объекте и предмете изучения с инсайдерской позиции. Отмечается роль В.А. Лукова и В.А. Лукова, авторов тезаурсной концепции [1; 2], чьи «идеи обращены к особенностям субъекта познания — самого ученого, который может смотреть на исследуемый объект культуры или общества с точки зрения его богатства, тезаурса как сокровищницы знаний, а также соотносить с ним свой собственный тезаурус» [С. 5].

Монография состоит из двух глав: первая глава «Голоса тувинской культуры» посвящена истории тувинской культуры и развития тувиноведения, изучению концептов языка и культуры тезаурсным подходом.

Вторая глава «„Свое“ в тувинской культуре» посвящается анализу ключевых концептов тувинского тезауруса: *төрөл* (родня, родственники), *өг* (юрта, родной дом), *куда* (свадьба, создание семьи), *уруг-дарыг* (дети), *мал* (скот, мясо, питание).

В Приложении даны истории жизни родственников авторов и их коллег, которые рассказали истории своих родов. Они являются источниками, от которых исследователи отталкивались в анализе, а также иллюстрируют заключение работы и «показывают панораму жизни тувинцев XX–XXI вв. сквозь призму жизни семей, родственников, их перемещений, деятельности, состава, а также особенностей отношений в них» [С. 7].

Рецензируемая монография вносит значительный вклад в изучение тувинской культуры и тувинского языка: в ней затрагиваются проблемы, которые если и ставились, то решались в рамках других научных направлений с использованием другой методологической базы.

Во Введении Ч.К. Ламажаа, четко обосновав базовую тезаурусную концепцию, уточнив особенность данной работы, отметила новизну данного исследования — опыт и окружение авторов как городских тувинцев «определило и смещение в центр внимания социокультурной жизни именно городских тувинцев» [С. 6] с учетом и знания, и информации о сельчанах. Таким образом, мы понимаем, что в данном труде исследуется культура оседлых тувинцев XXI в., оторванных от животноводства, от традиционных видов хозяйствования.

Первая глава состоит из нескольких параграфов. В параграфе 1.1 «История тувинской культуры и развитие тувиноведения» авторы предложили свои варианты периодизации истории тувинской этнической культуры, сформулировав особенности объекта исследования, представили свою версию периодизации и классификации науки о Туве. В параграфе 1.2 «Культура изнутри» авторы рассматривают проблемы развития внутренней области научного знания об истории Тувы, культуре ее народов: дается краткий экскурс в историю инсайдерского тувиноведения, рассматривают его особенности, рефлексивность. В параграфе 1.3 «Концепты культуры на своем языке» поднимаются проблемы изучения культурных концептов с одновременным переводом на русский язык. Здесь же обсуждаются основные проблемы перевода: искажение смыслов; неполная передача информации; исчезновение смысловых конструкций и невозможность перевода из-за безэквивалентной лексики. В параграфе 1.4 «Тезаурусный подход и этнические культуры» исследуется значение тезаурусного подхода в изучении этнической культуры через концепты языка и культуры в сравнении с другими методологическими подходами. В последнем параграфе «Тезаурус тувинской культуры» авторы уточняют, что при анализе современной этнической культуры они решили опереться на идею концепта, идею тезаурусной саморегуляции и идею социокультурной

субъективности тезауруса. И, тщательно проанализировав основной культурологический труд М.Б. Кенин-Лопсана «Тувинские традиции» [3], выделили две группы концептов — концепты самой ближней зоны тезауруса человека в тувинской культуре и концепты дальнего круга человека в тувинской культуре.

Во второй главе коллективной монографии авторы раскрывают содержание первой тематической группы — концептов самого ближнего круга *своего*, «которые, собственно, и определяют своеобразие тувинской культуры, имеющей длительную историю генезиса» и «причем в том виде, как они существуют сегодня, на современном этапе развития тувинской культуры, в начале XXI века» [С. 82]: *төрөл* (родня, родственники), *өг* (юрта, родной дом), *куда* (свадьба, создание семьи), *уруг-дарыг* (дети), *мал* (скот, мясо, питание).

Как отметили авторы, концепт *төрөл* ‘родственник’ «включает не только признание ценности родства... но и руководство к действиям по поддержанию этого родства (или сознательному отказу от него!), соотнесение своих действий с идеями родственных связей, самоидентификации как члена родственной группы и выражает целый спектр взаимоотношений тувинцев с родственниками разной степени близости» [С. 82]. Изучая данный концепт, авторы исследовали терминологию родства на примере рода монгуш из с. Аянгаты, определяя связи и зоны родства, сгруппировали их на ближнюю, дальнюю и отдаленную. Авторы отметили всеобщее стремление тувинцев к восстановлению и укреплению родственных связей через проведение родовых обрядов, а в повседневной жизни — через социальные сети и мессенджеры, которые позволяют поддерживать отношения по всему миру, независимо от местоположения и часового пояса. Авторы отметили и нововведения, связанные с концептом *төрөл* — переход от патрилинейной к матрилинейной идентификации, связанное, главным образом, с ослаблением значения отцовской линии идентификации. И другой аспект — «усилия, которые сегодня тувинцы прилагают для сохранения и укрепления родственных связей, что раньше не выделялось в особый вид деятельности» [С. 115] — при организации родовых обрядов появились своеобразные кинкиперы.

Во второй главе анализируются концепты, которые взаимодействуют с основным концептом *төрөл* ‘родственник’, потому что понимание родного дома *өг* ‘юрта’, появление новой семьи в ходе *куда* ‘свадьба’, рождение детей *уруг-дарыг* ‘дети’, культура питания, связанное с пониманием *мал* ‘скот’ — «все это так или иначе подразумевает реализацию родственных связей, отношений» [С. 82].

Таким образом, авторы монографии в данной главе анализируют ключевые концепты тувинского языка, которые отражают важнейшие стороны ежедневной жизни тувинцев, его идентификацию, традиционные ритуалы,

обычаи, которые тесно переплетены с концептом *төрөл* с применением нового тезаурусного теоретико-методологического подхода. Это и явилось одним из достоинств данной работы, позволяющей существенно обогащать научное знание о культуре, пытаясь понять ее и объяснить основные ее идеи, и как отметили авторы «не только получать знания, но и отдавать их — обратно культуре» [С. 220].

Подчеркивая актуальность темы коллективной монографии и высокий теоретический уровень исследования, важно отметить, что ее положения, связанные с применением тезаурусного подхода к анализу этнической культуры на примере тувинской культуры, помогают увидеть элементы тезауруса, которые «сложились в результате сложного трансформационного пути к настоящему моменту, как они понимаются тувинцами сегодня, как они организуют их жизнь и определяют мотивацию, деятельность людей в повседневной жизни», а также определить какие из них устояли и соблюдаются до сих пор, а какие из них потеряли старые ориентационные смыслы.

Монография выполнена на высоком научном уровне, отвечает требованиям к структуре и форме изложения результатов научного исследования, в ней присутствуют все элементы справочно-сопроводительного аппарата. В Приложении даны не только дополнительные иллюстративные материалы, но и источники, от которых авторы отталкивались в ходе анализа своего труда.

Издание вызовет интерес прежде всего у лингвокультурологов и специалистов, изучающих этническую культуру, и будет востребовано всеми, кто интересуется тувинской культурой с ее уникальными традициями и обычаями. Не вызывает сомнений, что материал полевых исследований может послужить для разработки эффективных методических пособий по изучению как материальных культур и национальных языков России, так и постсоветской Центральной и Средней Азии. Выводы и результаты проведенных исследований расширяют сферу сравнительно-сопоставительной лингвокультурологии. Кроме того, здесь следует отметить, что труды коллектива тувинских коллег, выполненные в рамках гранта РФ «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)», находятся в фокусе внимания ученых из других регионов.

Список литературы

1. Луков Вал. А., Луков Вл.А. Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса. 2008.
2. Луков В.А., Луков С.В. Тезаурусный подход в аспекте изучения культуры // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 2. С. 3–20. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.2.1>
3. Кенин-Лопсан М.Б. Тыва чаңчыл [Тувинские традиции]: в 2 ч. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2017.

References

1. Lukov, V.A., and V.A. Lukov. 2008. Thesauruses: Subjective organization of humanitarian knowledge. Moscow: Publishing house of the National Institute of Business. Print. (In Russ.).
2. Lukov, V.A., and S.V. Lukov. 2019. Thesaurus approach in the aspect of studying culture. In *Horizons of humanitarian knowledge*. 2019. No. 2. P. 3–20. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.2.1>
3. Kenin-Lopsan, M.B. 2017. *Tuva chaochyl [Tuvan traditions]: at 2 parts*. Kyzyl: Tuvan book publishing house.

Сведения об авторах:

Кара-оол Любовь Салчаковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики языкового образования и логопедии, Тувинский государственный университет. E-mail: lkaraool61@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9270-2912

Кормушин Игорь Валентинович — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт языкознания, РАН. E-mail: kormushin@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0002-4959-903X

Bio Notes:

Lyubov S. Kara-ool is a Candidate in Philology, Associate Professor, Tuvan State University. E-mail: lkaraool61@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9270-2912

Igor V. Kormushin is a Doctor in Philology, Professor, Chief Research Associate, Linguistics Institute of the RAS. E-mail: kormushin@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0002-4959-903X

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-747-753

EDN: OZAGZN

Эссе

Визуальная поэзия Ирис Аполло

О.А. Валикова , Ш.А. Кулиева

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6
 leka.valikova@mail.ru

История статьи: поступила в редакцию: 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Валикова О.А., Кулиева Ш.А. Визуальная поэзия Ирис Аполло // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 747–753. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-747-753>

Essay

Visual Poetry by Iris Apollo

Olga A. Valikova , Sheker A. Kulieva

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation
 leka.valikova@mail.ru

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Valikova, O.A., and Sh.A. Kulieva. 2023. “Visual Poetry by Iris Apollo”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 747–753. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-747-753>

© Валикова О.А., Кулиева Ш.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Визуальная поэзия¹ — одна из реализаций семиотически осложненной коммуникации. Исследователи, в частности психолингвисты, называют процесс взаимодействия вербального и невербального компонентов внутри текстуального единства креолизацией, результатом которой становится гетерогенное семиотическое пространство: каждый из элементов знакового комплекса несет собственную функциональную нагрузку, тем не менее восприятие коммуникативного послания происходит целостно. Однако, как показывают эксперименты², такое восприятие не всегда происходит органично: зачастую компоненты креолизованного текста «перебивают» друг друга

Визуальная поэзия, рождающаяся в континуальном единстве вербального и графического, — текст не столько креализованный, сколько семиотически осложненный. Уместнее было бы применить по отношению к нему термин М.Ю. Лотмана, переосмысленный У.М. Бахтикиреевой в аспекте поликодности (в частности, транскультурной и транслингвильной) смыслопорождающего поля — «полилингвильность». Эта задача — дело будущего. Пока мы сосредоточимся на визуальной поэзии, т.е. поэзии, сосуществующей с аккомпанирующим ей изображением, которое участвует в запуске герменевтического круга в читательском восприятии.

В подобной эстетике работает художник, поэт, член Союза литераторов России Ирис Аполло. Стихотворения, которые мы могли бы условно объединить в цикл «Импульс Античности» (по названию одноименной выставки художницы в г. Керчь), осуществлялись одновременно с графическими образами, составляющими с ними континуальное единство³.

В стихотворении «На запад от страны царицы Хатшепсут» читаем:

На запад от страны царицы Хатшепсут?
В начале ноября у Сфинксовых ворот?!
Играй, любовь моя, и не сочти за труд
Принять меня, Ирис, в свой вечный хоровод.
Играй, дыши, флейтист!
Нам заморозков ждать.
Полярная звезда зашла за горизонт.
На север от Москвы висит крыло дождя,

¹ Термин предложен Ш. Кешфидиновым; его применение, однако, в творчестве исследователя касается визуального искусства, которое осмысливается в категории поэтического.

² Косенко В.С. Смысловое восприятие креолизованного текста: дисс. ...канд. филол. наук, М., 2020. 156 с.

³ Тексты и рисунки Ирис Аполло публикуются впервые с разрешения автора.

Скрывая от меня Солнечногорск.
Но Гермополис мне виднее во сто крат:
Вперед идут жрецы, за ними сам бог Тот.
Поет в его руках тростник. А виноград
Запенился вином как раз в солнцеворот.
Тебе я принесла
цветы и бергамот,
мелиссу и осот
На кончике души.
Прими меня опять в свой вечный хоровод!
Любовь моя, играй!
Флейтист, дыши, дыши!

Стихотворение, насыщенное символами, экспликативными метафорами «неназывания», многослойно, ассоциативно. Очерчивая географический контур бытования божества, к которому обращен голос Поэта, оно размыкает всякие топологические границы, становится текстом о Поэзии как таковой. Расширяя предложенную Ф. Ницше в эссе «Рождение трагедии из духа музыки» двухчастную модель искусства — аполлонического и дионисийского, автор — и лирическая героиня — идет на зов иного бога. В заданных координатах (страна царицы Хатшепсут — Египет; примечательно, что Хатшепсут — первая женщина-фараон в истории Царства, чье происхождение было настолько безукоризненным, что ее называли супругой самого Амона Ра; Сфинксовы ворота — Месопотамия; говорящее имя носит и город Гермополис) мы находим того, к кому стихотворение обращено. Тростник Флейтиста — флейта — еще один знаковый атрибут. Неслучайно появляется и образ бога Тота, который в древнеегипетской культуре выступал воплощением той же творческой интенции, что и Гермес — в культуре эллинистической. На флейте играет Гермес — «трижды величайший»; куда льется мелодия, рождаемая дыханием, бесконечен и сам хоровод жизни и искусства — символ слиянности, неразрывности сущего, божественного и человеческого. Стихотворение континуально связано с графическим изображением, представленным ниже. Многие визуальные символы здесь перекликаются с вербальными элементами, о которых мы упоминали ранее. Внимательный читатель (и зритель) увидит здесь и зооморфный священный атрибут бога Тота, и дихотомию Солнца и Луны, и гермесовы «крылья». Это своего рода ключ к целому, и мы предлагаем нашим читателям поразмышлять о смыслах произведения самостоятельно. Отметим только, что герменевтический круг становится именно «кругом» в единстве обоих элементов.

«Импульс Античности» продолжает стихотворение «Сентябрь теплый свел с ума».

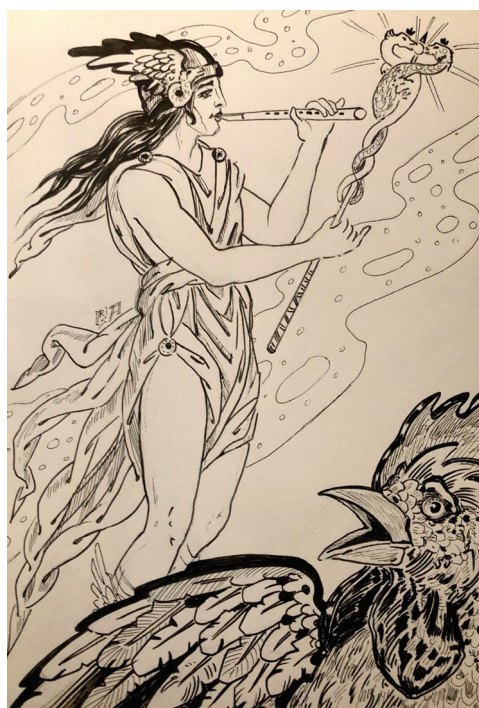
Сентябрь теплый свел с ума!
И крокусы в лесу под елью —
Наброски нежной акварелью —
Цветут. А с ними жизнь сама.
Кровавит дикий виноград
Стволы деревьев и заборы,
Речной вокзал и Лихоборы,
Солнечногорск, Зеленоград.

Плывут пионы-облака
Вверху небесною рекою:
Над головой, полны покоя
И голубого молока.
Здесь стрелки крутятся назад.
И между спиц велосипеда
Мелькает временное лето,
Над Вечностью раскинув сад.

Здесь также явлен Панхронос, несмотря на то, что локальное становится более «земным»: появляются имена мест, связанных с реальной жизнью поэта. Однако и в этот «волошинский» по духу и эстетике текст незримо вплетается образ того, кто воплощает для лирической героини (осмелимся предположить, и для автора) синтезирующий элемент триады, элемент недостающий и вбирающий в себя все. Если дионисийское и аполлоническое — тезис и антитезис, герметическое — синтез. Кажется бы, не назван в тексте ни один из богов. Но всмотримся в символы. Виноград — сакральный

атрибут Диониса. Небесными коровами греки называли облака. Изначально пас их не кто иной, как Аполлон; гораздо позднее функция солярного божества была передана Гелиосу. И Гермес, не названный в тексте, появляется «вспышкой памяти»: в нашем воспринимающем сознании разворачивается миф о том, как младенцем Гермес украл коров Аполлона (которых впоследствии вернул, и этот мотив также значим). Иллюстрируя стихотворение, поэт вновь обращается к важной для себя идее: идее синтеза, которую актуализирует образ Гермеса. У нас не возникает сомнений в том, что изображен именно он: на голове крылатый шлем; в руках флейта, кадуцей — вертикаль мира, символ перемещения между пространствами; здесь же петух, пробуждающий к жизни все спящее, — священные атрибуты Гермеса.

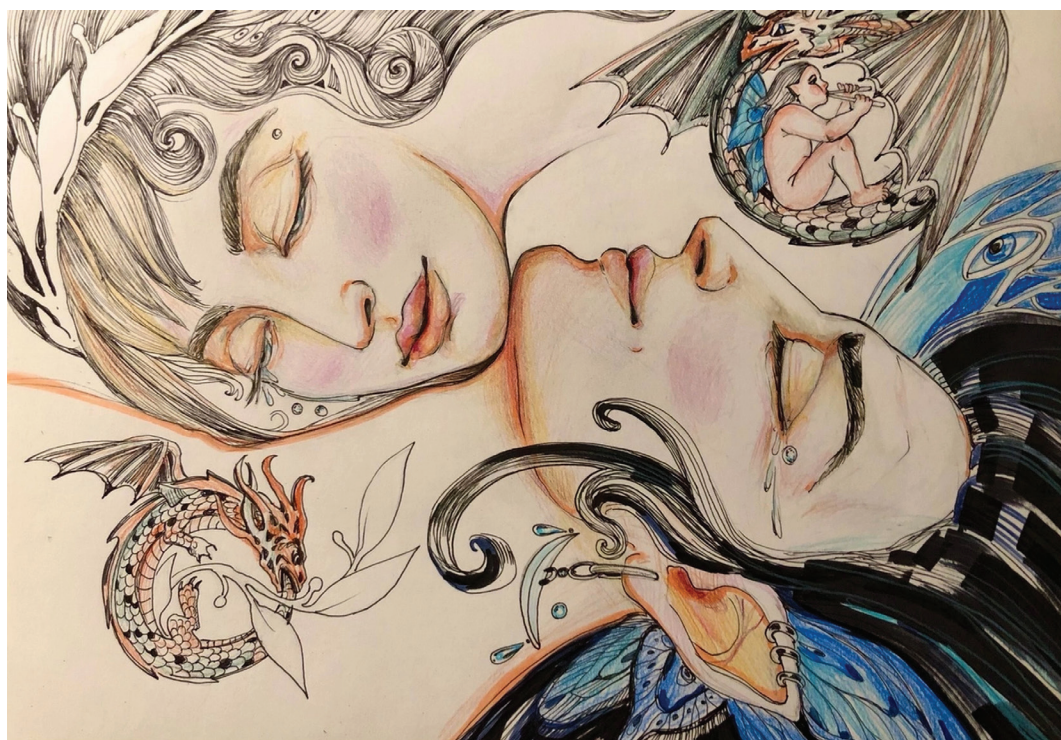

Тема вечности — ключевая и для стихотворения «От яблок млечный свет в ночи»:

От яблок млечный свет в ночи.
И мелодичные ключи
От рая. Точка с запятой.
Сентябрь льется золотой
Сквозь пальцы, солнцем налитой.
И, на лету, у самых глаз
Тень стрекозы. Она анфас
Восьмерку Вечности дает.

Сквозь слюдяной ее полет,
Сквозь крылья тоньше волоска
Течет незримая река,
Объединяет берега,
Где от Античности до нас
Любовь есть времени каркас,
Узор вселенной в бусах дней –
Калины гроздь в руке моей.

Если Душа в феноменологии античности заключена в образах бабочки и птицы (ласточки), то стрекоза — символ перемен. Это существо, способное перемещаться сквозь измерения, и эта ее функция имплицитно связана с образом Гермеса как вестника богов и психопомпа. «Восьмерка вечности» обыграна визуально (см. рисунок). Незримая река, объединяющая берега времен (объединяющая, а не разделяющая) — еще один знак синтеза, имеющий для поэта и его метатекста первостепенное значение. Глаз Аргуса, никогда не спящего и все же побежденного Гермесом, — еще одна подсказка художницы о том, какова для нее роль искусства. Не герметичное как замкнутое, но герметическое как синтезирующее.

Таким образом, синтез, проявленный в континуальности вербального и невербального, восходит к идее художника о триаде, которая уравнивает оппозицию: аполлоническое — дионисийское — герметическое.

Как синтез мы рассматриваем и феномен семиотически осложненной коммуникации — апология эпистемы осуществится в статьях научного типа. Наше эссе было иллюстрацией того, как она может быть проявлена. И главная здесь мысль — что такая коммуникация не о компиляции, а именно о синтезе.

Сведения об авторах:

Валикова Ольга Александровна — PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов. E-mail: shekkul@mail.ru

Bio Notes:

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Ass. Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Russian Language Institute, RUDN University. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Sheker A. Kulieva is a Candidate in History, Docent of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. E-mail: shekkul@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК
